

26

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1974

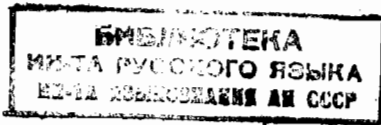

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР:

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

п. 11018

СОДЕРЖАНИЕ

1

1974

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Е. Н. Андрушин.</i> Болгарский опыт использования преимуществ социалистической экономической интеграции	3
<i>В. Парсаданова.</i> Из истории создания единой партии польского рабочего класса (Соглашение о единстве действий ППР и ППС, ноябрь 1946 г.) . . .	14
<i>В. Р. Сошенко.</i> К истории деятельности радиостанций «Христо Ботев» и «Народен глас»	27
<i>А. З. Нюркаева.</i> Идеологическая борьба в сербской социал-демократической партии в начале XX века	40
<i>В. Д. Королюк.</i> Контактная зона в Юго-Восточной и Центральной Европе эпохи раннего средневековья и проблемы ее этнической истории	53
<i>Л. А. Софронова.</i> Некоторые проблемы поэтики польского барокко	68
<i>Я. В. Закревская.</i> О взаимозависимости и взаимообусловленности словообразовательного и семантического микрополей в украинских говорах карпатского ареала	80
<i>А. Л. Мирецкий.</i> О передаче польского <i>é</i> в русской практической транскрипции	86

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>В. Г. Пуцко.</i> Готический потир из Костромы	90

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>П. С. Созань.</i> Мито Исусов. Работническа класа в България. 1944—1947	96

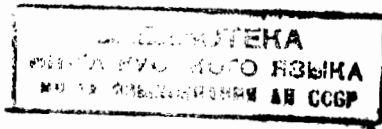
<i>Анджей Сквишек</i> (ПНР). В. С. Парсаданова. Формирование национального фронта в Польше (1944—1946)	97
<i>Э. Лаврик</i> . S. Sambel. Slovenská agrárna otázka. 1944—1948	99
<i>Л. К., М. К.</i> «Чехословацко-советские отношения»	101
<i>В. А. Дьяков</i> . Фототипическое издание автобиографии и дневника Т. Г. Шевченко	103
<i>И. С. Чичуров</i> . Новый славистический журнал	104
<i>С. Трофимук</i> . «Владислав Броневский в Украинской ССР»	107
<i>Карл Гутшмидт</i> (ГДР). Карпатская диалектология и ономастика	108
<i>В. М. Мокиенко</i> . Проблемы славянской фразеологии в «Бюллетене по фразеологии»	112

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1973 г. (продолжение)	114
Содержание иностранных журналов	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Тадеуш Валиховский</i> (ПНР). Направления научного развития Института социалистических стран Польской академии наук	123
<i>В. М.</i> Литературоведческая проблематика на VII Международном съезде славистов в Варшаве	128
<i>Л. П. Лаптева</i> . IV Международные курсы серболужицкого языка и культуры	132
<i>В. Мокиенко</i> . Межвузовская студенческая конференция по славянской филологии	133

Е. Н. АНДРЮШИН

БОЛГАРСКИЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕИМУЩЕСТВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Немногим более пятнадцати лет прошло со дня открытия VII съезда БКП, провозгласившего победу социализма в Болгарии и наметившего курс на создание в стране развитого социалистического общества¹. За этот период в болгарском обществе произошли глубокие перемены, имеющие историческое значение. Рабочим классом НРБ, его коммунистической партией накоплен богатый опыт строительства развитого социалистического общества, опыт, который требует пристального изучения и обобщения. Одним из основных аспектов изучения практики строительства развитого социалистического общества в Болгарии является изучение использования преимуществ социалистической экономической интеграции для успешного продвижения вперед, к коммунизму. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы не только показать развитие Болгарии в системе социалистической экономической интеграции, но и раскрыть роль БКП как политического вождя трудящихся в руководстве интеграционными процессами и использовании их преимуществ с целью ускорения социалистического строительства. Не претендуя на решение этой задачи во всей ее сложности и многогранности, мы в данной статье попытаемся лишь осветить некоторые, наиболее актуальные вопросы.

В основе интеграции лежит объективная тенденция к интернационализации хозяйственной жизни, которая, как писал В. И. Ленин, явственно обнаруживается при капитализме и «безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме»². Сущность и значение социалистической интеграции, ее необходимость глубоко и всесторонне раскрыты в документах и материалах КПСС, братских коммунистических и рабочих партий. В них подчеркивается, что интеграционные явления в обществе возникают только там и тогда, где и когда обнаруживаются для этого определенные экономические предпосылки, складываются соответствующие объективные условия. К таким предпосылкам мы можем отнести, например, достаточный уровень развития производительных сил и разделения труда, возможность взаимного дополнения сырьевыми ресурсами и т. д. Однако одних объективных предпосылок недостаточно. Для складывания и развития социалистической интеграции нужны еще и субъективные условия. Важнейшим таким условием является способность коммунистической партии понять жизненную необходимость сплочения и теснейшего сотрудничества социалистических стран, правильно оценить ее и сделать верные практические выводы. Особое значение на

¹ См. «История на Българската комунистическа партия». София, 1969, стр. 603—604.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 164.

современном этапе приобретает совершенствование экономического сотрудничества со странами СЭВ, которое, как подчеркивалось в Постановлении апрельского (1973) Пленума ЦК КПСС, «требует максимального использования возможностей социалистической экономической интеграции, что будет содействовать дальнейшему укреплению экономического и оборонного могущества социалистического содружества»³.

Процессы экономической интеграции можно обнаружить и в капиталистическом мире, однако при капитализме характер и социальные последствия интеграционных процессов в корне отличаются от таковых при социализме. Социалистическая интеграция объединяет и сплачивает братские народы, повышает жизненный уровень трудящихся, усиливает их власть над природой; капиталистическая интеграция несет с собой усиление гнета и эксплуатации, угрозу новых войн, сосредоточение на одном полюсе общества богатства и роскоши, на другом — нищеты и отчаяния. Каковы выгоды социалистической интеграции, в чем ее сила и жизненность, в чем ее преимущества перед капиталистической интеграцией — все эти вопросы, таким образом, имеют не только научный интерес, но и огромное практически-политическое значение.

Одним из самых ярких примеров благотворного воздействия социалистической интеграции на все стороны общественной жизни является развитие современной Болгарии. Небольшая страна с населением немногим более восьми миллионов человек, в прошлом одна из самых отсталых стран в Европе, не имевшая прочной промышленной базы, с примитивным сельским хозяйством — эта страна сейчас успешно строит развитое социалистическое общество. Ее огромные достижения в экономической, социально-политической и культурной областях называют на Западе «болгарским чудом». А чуда никакого нет. Есть мудрая, последовательно интернационалистская политика марксистско-ленинского авангарда рабочего класса Болгарии, умеющего на основе идей научного коммунизма сплотить и организовать трудящиеся массы на выполнение поставленных исторических задач. Болгарская коммунистическая партия своевременно выявляет общие тенденции развития мирового социализма и умело использует их, применяя в соответствии с конкретными условиями своей страны.

В программе Болгарской коммунистической партии, принятой на X съезде БКП в апреле 1971 г., указывается, что «социалистическая интеграция народного хозяйства является краеугольным камнем экономической политики Болгарии»⁴. В документах съезда подчеркивается, что основное направление политики партии в области развития производительных сил на последующем этапе является полное использование факторов интенсивного роста и новейших достижений научно-технической революции путем все более широкого внедрения комплексной механизации и автоматизации, кибернетизации технологических процессов и производства, все более полной электрификации страны и т. д. БКП считает, что этого можно достичь не путем самообеспечения, а путем широкого участия в международном социалистическом разделении труда⁵.

Социалистическая интеграция в Болгарии проявляется в самых разнообразных формах сотрудничества со странами мировой системы социализма: в специализации и кооперировании производства, в координации народнохозяйственных планов, в сооружении важнейших народно-

³ «О международной деятельности ЦК КПСС по осуществлению решений XXIV съезда партии». Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 27 апреля 1973 г. «Коммунист», 1973, № 7, стр. 3—4.

⁴ «X съезд Болгарской коммунистической партии». М., 1972, стр. 251.

⁵ В. К о ц е в. Построение развитого социалистического общества — непосредственная историческая задача БКП. «Коммунист», 1972, № 6, стр. 64.

хозяйственных объектов, в научно-техническом сотрудничестве, в организации общей валютно-финансовой системы и т. д. Участие в международном социалистическом разделении труда благотворно влияет на темпы экономического развития Болгарии. Особенно быстро развиваются ведущие отрасли промышленности: металлургия, машиностроение, топливно-энергетическая и химическая промышленность. Болгария сейчас находится в числе нескольких десятков стран в мире, осуществляющих программу развития атомной энергетики.

Развитию промышленности НРБ в большой степени способствует помощь и техническое содействие СССР и других социалистических стран. Взаимоотношения между Советским Союзом и Болгарией имеют глубокие корни и прочные традиции.

В первые дни существования свободной Болгарии в Программной декларации правительства Отечественного фронта была провозглашена «сердечная и вечная дружба с Советским Союзом и братским русским народом»⁶. Реальным выражением этого принципа явилось заключение 18 марта 1948 г. Договора о дружбе и взаимопомощи между нашими странами. 12 мая 1967 г. между СССР и НРБ был заключен новый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Две братские страны, оставаясь верными традициям первого договора, развивая и обогащая его принципы, подтвердили свою решимость и впредь идти плечом к плечу, укреплять связи и сотрудничество. Статья 2 этого Договора подчеркивала, в частности, следующее: «Высокие договаривающиеся стороны, исходя из принципов взаимопомощи и международного социалистического разделения труда, и впредь будут развивать и углублять взаимовыгодное экономическое и научно-техническое сотрудничество на двусторонней и многосторонней основе, еще теснее будут увязывать важнейшие отрасли народного хозяйства путем специализации и кооперирования производства и расширения научно-технических связей в целях дальнейшего сближения экономик двух стран»⁷.

В ходе первой пятилетки с помощью СССР был заложен фундамент болгарской металлургии. По советским проектам, с помощью советской техники был создан и начал работу металлургический завод им. В. И. Ленина в Пернике. Затем вступил в строй Кремиковский металлургический комбинат, гигант черной металлургии НРБ, который болгары называют символом неувядающей болгаро-советской дружбы. Вскоре были сданы в эксплуатацию завод по производству цинка и олова в Кырджали, комбинат по производству меди в Пирдопе, комбинат по производству цветных металлов в районе Пловдива.

Болгарская химическая промышленность была создана также с помощью Советского Союза. Начало было положено вводом в эксплуатацию в 1951 г. химкомбината в Димитровграде. Три года спустя вступил в строй завод антибиотиков в Разграде. С помощью СССР построены и строятся ТЭЦ в Восточно-Марицком угольно-электроэнергетическом комплексе, тракторный завод в Карлово, электротехнический завод в Софии, судостроительные и судоремонтные предприятия в Варне, завод сельскохозяйственных машин в Русе, нефтехимические комбинаты в Бургасе и Плевене и многие другие предприятия. Всего было построено с советской помощью более 180 различных предприятий, отдельных цехов и сооружений. На эти предприятия падает примерно 95% всей болгарской продукции черной металлургии, 85% — цветных металлов, 60% — электроэнергии, 80% нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. В текущей, шестой пятилетке СССР примет участие в сооружении 150 новых объектов, из

⁶ «Външна политика на НРБ», т. 1. София, 1970, стр. 9.

⁷ «Работническо дело», 14 V 1967.

них только в 1973 г. будет сдано в эксплуатацию 89⁸. Во Враце недавно вступил в строй чугунолитейный завод «Веслец», спроектированный институтом «Гипростройдормаш» в Ростове-на-Дону и проектным институтом «Машэлектропроект» в Софии. Завод построен по последнему слову техники болгарскими и советскими рабочими и инженерами. Большая часть машин и оборудования была доставлена из СССР. В районе Козлодужа строится АЭС мощностью 880 тыс. квт. Основная часть сложных сооружений поставлена Советским Союзом. До 1980 г. в НРБ будут построены еще две АЭС, производящие в год около 12 млрд *квт-ч* электроэнергии.

Одной из самых больших строительных площадок в Болгарии сейчас является долина реки Девня. Здесь в районе с. Девня усилиями ряда социалистических стран ведется строительство крупнейшего в Европе завода по производству кальцинированной соды. Первая очередь предприятия, возводимая с помощью СССР и ВНР, даст продукцию в 1974 г. Девненским промышленным комплексом гордится каждый болгарин. Он будет грандиозным не только по болгарским масштабам. Например, химический комбинат сложных минеральных удобрений по сути представляет собой систему из двенадцати заводов, а завод по производству серной кислоты, скромно называемый здесь цехом, — самое большое предприятие этого типа в Европе. На предприятии находят применение новейшие достижения в области физики, химии, электроники, машиностроения.

Самое активное участие приняла НРБ в разработке и проведении в жизнь принятой на XXV сессии СЭВ в июле 1971 г. Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Исходя из мероприятий, намеченных Комплексной программой, СССР поставит НРБ в текущем пятилетии по новому торговому соглашению комплексное оборудование для 67 объектов на сумму 300 млн руб. Этими поставками будет обеспечено не только строительство ряда новых предприятий, но и реконструкция старых. Из СССР в Болгарию будет поставляться уголь, нефть, газ, кокс, металл, древесина, целлюлоза, хлопок и другое сырье. В Советском Союзе будут построены дополнительные мощности по производству стали, чугуна, целлюлозы с участием болгарских специалистов и рабочих. Болгария участвует в строительстве горно-обогатительного комбината в г. Железногорске, в расширении Архангельского целлюлозного комбината, в добыче древесины в Коми АССР, в строительстве Усть-Илимского комбината мощностью 500 тыс. *т* целлюлозы в год. В ходе работы XXVII сессии СЭВ, состоявшейся 5—8 июня 1973 г., Болгария в числе других социалистических стран подписала генеральное соглашение о сотрудничестве в строительстве на территории Советского Союза Киембаевского асбестового горно-обогатительного комбината мощностью 500 тыс. *т* в год⁹.

Учитывая, что Болгария бедна топливно-энергетическими ресурсами, правительство НРБ в соглашениях с СССР и другими странами социализма предусматривает увеличение топливно-энергетического баланса в народном хозяйстве страны. С 1974 г. по трубопроводу Измаил—Варна Болгария будет получать из СССР природный газ. Через Румынию в НРБ поступит электроэнергия от объединенной энергосистемы «Мир». К 1975 г. поставки нефти из Советского Союза в Болгарию достигнут 10 млн тонн, газа — 3 млрд куб. *м*, электроэнергии — 4 млрд *квт-ч*.

Как было подчеркнуто во время дружеского визита Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Народную Республику Болгарию в сентябре 1973 г., «основой советско-болгарского сотрудничества, цемен-

⁸ «Работническо дело», 17 III 1973.

⁹ «Правда», 1973, 9 июня.

тирующей силой политического союза СССР и НРБ являются тесные, постоянно крепнущие связи, полное единство взглядов, братская солидарность марксистско-ленинских партий обеих стран — КПСС и БКП).

Говоря о дальнейших перспективах советско-болгарского сотрудничества, Первый секретарь ЦК БКП, председатель Государственного Совета НРБ тов. Т. Живков тогда же, в сентябре 1973 г., отметил, что братство и сотрудничество Народной Республики Болгарии и СССР вступили сейчас в новый этап. «Его сущность заключается в качественно новом содержании процессов всестороннего сближения и интеграции между нашими странами и народами, в поднятии их до такой степени, чтобы развитие социалистической Болгарии имело единый с Советским Союзом ритм, единые критерии, направлялось объединенными усилиями и согласованными действиями в политической, экономической, идеологической, научной, культурной и военной областях. Одним словом, нам нужно теперь так развивать наше всестороннее братское сотрудничество, чтобы мы могли действовать, как единый организм, у которого одни легкие и одна кровеносная система»¹⁰.

Экономическая интеграция становится реальностью и во взаимоотношениях между Болгарией и Чехословакией. После осуществления кооперирования в производстве легковых автомобилей «Шкода-Мадара» были заключены договоры о сотрудничестве в производстве автобусов «Сетра С-130», которые будут производиться в Ботевграде. Каковы же выгоды от кооперации «Шкода-Мадара»? На базе заводов «Шкода», например, запланировано производство 3 тыс. грузовиков, половину узлов которых намечено произвести в «Мадаре». Для НРБ это даст значительное увеличение автопарка грузовых машин без организации собственного их производства. Чтобы покупать такие грузовики и в таком количестве, нужны значительные средства; кроме всего этого, для создания такого самостоятельного производства нужно не менее 10 лет, большие капиталовложения, опытные кадры рабочих и специалистов. Благодаря кооперированию эта проблема почти полностью снимается. В то же время производство в «Мадаре» узлов даст возможность увеличить выпуск автомобилей в ЧССР на 1500 штук без дополнительных инвестиций и дополнительного набора рабочей силы.

В последнее время между НРБ и ЧССР заключены договоры о специализации производства машин для пищевой и табачной промышленности, электротехнической промышленности, заключено соглашение о сотрудничестве в области технико-экономического изучения и прогнозирования в развитии автомобильной промышленности. В марте 1973 г. делегация руководящих работников министерства машиностроения НРБ посетила ЧССР и ознакомилась с производственной программой ряда машиностроительных заводов, в частности побывала на заводе «Тесла», где производятся программные устройства для металлорежущих станков, на предприятии радио- и телекоммуникационных сооружений в г. Колине, а также на заводе универсальных токарных станков и металлообрабатывающих машин в г. Челиковице. Тогда же были обсуждены вопросы взаимного сотрудничества. 14 марта 1973 г. был подписан протокол о дальнейшем расширении экономического и научно-технического сотрудничества между двумя странами в области машиностроения. За последние годы были подписаны договоры о специализации и кооперировании в производстве сельхозмашин и некоторых измерительных инструментов, разработаны договоры о специализации в производстве металлорежущих станков и средств автоматизации. Готовится к заключению еще целый ряд соглашений.

¹⁰ «Правда», 1973, 20 сентября.

В соответствии с Комплексной программой утвержден проект второго этапа осуществления ее в области машиностроения до 1980 г. и ориентировочно — до 1990 г.

Последовательно выполняется Комплексная программа и во взаимоотношениях между Болгарией и Польшей. Традиционной областью сотрудничества становится кораблестроение. В ноябре 1972 г. между НРБ и ПНР был подписан договор о совместном строительстве серии танкеров в 100 тыс. т. ПНР поставляет машины и оборудование для сахарных заводов НРБ и участвует в их модернизации. Углубляется сотрудничество между двумя странами в области химической промышленности и машиностроения. В марте 1973 г. состоялись переговоры между делегациями НРБ и ПНР, где были согласованы планы научно-технического сотрудничества в области информации и связи вплоть до 1990 г.

Так же успешно сотрудничает Болгария и с другими странами — членами СЭВ: Румынией, Венгрией, Германской Демократической Республикой и др. В результате переговоров в начале 1973 г., например, между НРБ и СРР были согласованы вопросы о сооружении на Дунае гидротехнического комплекса «Белене — Чоара». Уточнена программа сотрудничества, специализации и кооперирования в области развития металлургии на предстоящие годы. В 1971 г. было подписано соглашение НРБ с другими социалистическими странами о единых контейнерных перевозках, а уже с осени следующего года начала регулярно действовать контейнерная линия Берлин — Москва, было положено начало контейнерным перевозкам между НРБ и ГДР. В текущем году готовятся опытные, пробные контейнерные перевозки по железнодорожной линии Болгария — Румыния — СССР.

Ярким примером многостороннего объединения усилий социалистических стран являются международные объединения и организации. Страны — члены СЭВ образовали более 20 таких интеграционных объединений, в которых принимает деятельное участие и Болгария. Среди них — «Интерметалл», «Интерхим», «Интератоминструмент», «Организация сотрудничества в подшипниковой промышленности», «Агромаш», «Организация сотрудничества в области электрической и почтовой связи», «Интерспутник», «Интерэталонприбор», «Общий парк грузовых вагонов» и др. В январе 1972 г. между европейскими социалистическими странами — членами СЭВ подписано соглашение о совместном планировании и производстве металлорежущих машин с числовым управлением. Оно предполагает к 1975 г. увеличить в пять раз по сравнению с 1970 г. производство таких машин. Особое внимание в этой связи уделяется научному приборостроению. На первом этапе оно будет осуществляться в рамках созданной в июле 1972 г. организации «Интератоминструмент».

Развитие болгарской экономики тесно связано, таким образом, с экономикой стран — членов СЭВ. Из стран — членов СЭВ Болгария ввозит полностью кокс, 77% нефти, 96 чугуна, 86 железной руды, 93 электроэнергии, 62% бумаги. В то же время в этих странах была реализована большая часть болгарской продукции: 60% токарных станков, 68 — электромоторов, 98 — электрокаров, 94 — электротельферов, 99 — электронных калькуляторов, 72 — помп, 99 — тракторных сеялок, 71 — табака, 86% винограда. В недалеком прошлом аграрная отсталая страна, Болгария сейчас вывозит суда, станки, электромоторы, сельхозмашины, аккумуляторы, листовой прокат, цветные металлы. И если до 1939 г. почти 80% внешнеторгового оборота приходилось на развитые капиталистические страны (США, Германия, Франция, Италия), то в послевоенный период этот процент резко сократился. Более 80% в общем товарообороте страны составляет товарообмен с социалистическими странами.

Благодаря совместным усилиям и взаимопомощи за последние 20 лет объем валовой продукции машиностроения и металлообработки в Болгарии возрос более чем в 30 раз. Это позволило довести экспорт машин и оборудования в 1972 г. до 34,1% против 30,5% в 1971 г. А в 1973 г. доля продукции машиностроения и металлообработки в экспорте составит уже более 40% ¹¹. И хотя по-прежнему самой крупной статьёй экспорта (46,7%) являются промышленные товары, производимые на базе сельскохозяйственного сырья, в десятки раз увеличилась доля экспорта промтоваров, не связанных с сельским хозяйством: с 0,4% в 1939 г. до 44,8% в 1968 г.

В тесной связи с развитием внешней торговли интеграционные процессы затрагивают и область валютно-финансовых отношений НРБ с другими странами. Возрастает роль таких объединений, как Международный банк экономического сотрудничества и Международный инвестиционный банк, в деятельности которых принимает участие и НРБ. В 1964 г., например, сумма взаимных расчетов МБЭС составила 22,9 млрд переводных рублей, в 1971 г. — 39,3 млрд руб., а в 1973 г. уже составит более 43 млрд переводных рублей. Согласно Комплексной программе Международный инвестиционный банк принял к кредитованию 26 объектов на 279 млн руб. В их числе — строительство новых заводов в Болгарии, в частности завода ферромагнитов в Пернике и др.

Развивается сотрудничество в области сельского хозяйства: проводятся испытания сельхозмашин, обмен семенным материалом, специализация сельскохозяйственного производства. В 1973 г., например, в машинно-испытательных станциях в Русе и Пловдиве по линии СЭВ проведены испытания более 20 новых типов тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники, изготовленной в ряде социалистических стран. Большинство их — из СССР: тракторы Т-150, Т-150 К, зерновые комбайны СК-5, СК-ПР-6 и др. Машины, успешно прошедшие испытания, рекомендованы для внедрения их в трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах (ТКЗХ) и госхозах (ГЗХ). Сейчас в Болгарии действует 90 тыс. тракторов, 17 тыс. зерновых комбайнов, 200 тыс. автомашин. Все это — в большинстве своем из СССР и других социалистических стран. НРБ прочно удерживает первые места в мире по производству табака, подсолнечника, винограда, помидоров; и это не относительные показатели, а абсолютное производство. В области сельскохозяйственного производства успешно используется болгарами передовой опыт социалистических стран, особенно в зерновом хозяйстве. Так, например, применение высокоурожайных сортов пшеницы «Безостая-1» и «Кавказ» позволило Ямболскому округу занять в 1972 г. первое место в стране по производству зерна.

Особо важное значение приобретает на современном этапе научно-техническое сотрудничество: совместные научные исследования, разработка научно-технических прогнозов, координация и кооперирование научно-технических исследований, широкий обмен опытом, расширение сотрудничества по подготовке научных кадров и т. д. По долгосрочному планированию осуществляются в настоящее время связи между 41 советским и 13 болгарскими министерствами и ведомствами. В 1973 г. более 100 болгарских и 160 советских институтов работали над 300 научно-исследовательскими темами. НРБ принимает активное участие в работе Объединенного института ядерных исследований в Дубне, в работе Международного института экономических проблем и др. Успешно развивается сотрудничество с другими странами в области изучения космического пространства.

¹¹ «Работническо дело», 17 IV 1973.

С участием НРБ, например, был осуществлен 20 августа 1972 г. запуск геофизической ракеты «Вертикаль-2», в соответствии с программой «Интеркосмос» было запущено восемь спутников Земли.

Плодотворно трудятся проектанты НРБ совместно с проектантами других социалистических стран. Болгарские, советские и чехословацкие специалисты, например, принимали участие в проектировании ТЭЦ «Перник», «София», «Марица-3», «Республика». Вместе с советскими проектными организациями была подготовлена документация для ТЭЦ «Марица-Восток-2», «Девня», «Варна», а с чехословацкими — для ТЭЦ «Русе», «Трайчо Костов» и др. В районе Бобов-Дола строится одна из крупнейших в Болгарии ТЭЦ. Когда встал вопрос о подготовке ее к эксплуатации, потребовались высококвалифицированные специалисты: ТЭЦ оборудована сложной электронной аппаратурой и автоматикой для контроля и управления процессами производства электроэнергии. Специалистов начали готовить на месте, в Варне, в Димитровграде; на месячные курсы были направлены в социалистические страны стажеры: в ПНР — 63 человека, в СССР — 32, в ВНР — 9. В Советском Союзе сейчас обучается 1000 болгарских аспирантов, более 2000 студентов, 300 человек специализируется в различных областях народного хозяйства¹².

Важное место занимает в последнее время сотрудничество с массовыми организациями, творческими союзами и т. д. Новым явлением для НРБ стало сейчас создание клубов болгаро-советской дружбы, которых уже насчитывается более тысячи. В них осуществляется интернациональное воспитание, изучение русского языка, организуется изучение советского опыта.

Таковы в общих чертах процессы интернационализации, интеграционные процессы, характерные в настоящее время для развития Болгарии. Положительное воздействие этих процессов на все стороны общественной жизни не подлежит сомнению. Если проследить развитие экономики за последние 15—20 лет, то можно заметить, что в НРБ для нее характерны высокие и стабильные темпы роста. Среднегодовой прирост промышленной продукции за этот период превышал 10%, а сельскохозяйственной — 3,5%. Урожай полевых культур в 1972 г. в Болгарии был самым высоким за всю ее историю. Использование преимуществ социалистической экономической интеграции дает возможность более эффективно развивать национальную экономику, воздействовать на формирование и развитие социалистических общественных отношений, решать главную задачу — неуклонно повышать материальный и культурный уровень жизни болгарских трудящихся.

Опыт развития современной Болгарии, таким образом, подтверждает мысль В. И. Ленина о неизбежности и необходимости интернационализации всей общественной жизни при социализме. Великое прогрессивное значение социалистической экономической интеграции заключается в том, что она способствует укреплению дружбы и братства между народами на основе складывающейся общей межгосударственной социалистической собственности, она способствует взаимовлиянию, взаимообогащению и дальнейшему сближению социалистических наций на уровне межгосударственных отношений. Эта ведущая тенденция, однако, не устраняет национально-особенного, не тормозит развития болгарской нации и национальных меньшинств, проживающих на территории НРБ. Наоборот, участие Болгарии в международном социалистическом разделении труда способствует укреплению экономического и оборонного могущества страны, содействуя тем самым всестороннему развитию и расцвету болгар-

¹² «Работническо дело», 11 II; 17 III 1973.

ской нации и национальных меньшинств. На основе ускоренного роста экономики раскрываются благоприятные возможности для закономерного процесса сближения и выравнивания уровней экономического развития НРБ с другими социалистическими странами. Сама жизнь служит этому подтверждением. Если, например, такие развитые в промышленном отношении страны, как ЧССР и ГДР, увеличили свое промышленное производство за последние 20 лет в 5 раз, то НРБ — более чем в 11 раз. Объем промышленной продукции на душу населения в Болгарии постепенно приближается к уровню промышленной продукции, приходящейся на душу населения в ГДР.

На основе перемен в экономической области произошли глубокие качественные сдвиги в социально-классовой структуре болгарского общества. В Болгарии сейчас нет антагонистических классов. Социальная структура страны однотипна с социальной структурой тех стран, где одержал победу социализм. Болгарское общество состоит из двух дружественных классов — рабочего класса и кооперированного крестьянства, а также слоя вышедшей из трудящихся и преданной делу социализма интеллигенции. Рабочий класс Болгарии, насчитывающий около 2 млн человек, является ведущей силой строительства развитого социалистического общества. В связи с бурным развитием научно-технического прогресса, в связи с интеграционными процессами в производстве рабочий класс претерпел значительные качественные изменения. Возросла его дисциплинированность и организованность, идейно-политическая зрелость и научно-техническая подготовка. Растет и культурно-технический уровень крестьянства, постепенно стираются грани между классами, ликвидируются различия между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

Если попытаться в нескольких словах определить суть общественного прогресса в Болгарии, то этими словами будут — индустриализация и обобществление. Эти две важнейшие линии сейчас прослеживаются буквально во всех сферах общественной жизни: в промышленности и в сельском хозяйстве, в строительстве и на транспорте, в управлении процессами производства и в развитии болгарского быта.

Особенно ярко заметны они в настоящее время в болгарской деревне. Наряду с бурным развитием промышленности и на ее основе в стране в широких масштабах идет процесс реорганизации сельскохозяйственного производства. Для Болгарии это вопрос огромной важности. Дело в том, что Болгария в прошлом не только имела примитивную технику обработки земли, но и страдала от малоземелья. Земля и сейчас в дефиците: в среднем на каждого жителя страны приходится всего лишь 0,56 га, обрабатываемой площади, в то время как в других европейских странах — по 1,8—2 га. Повышение объема сельскохозяйственной продукции достигается здесь за счет интенсификации производства, применения новейших достижений научно-технического прогресса, использования машин, удобрений и т. п. В Болгарии крупное коллективное земледелие. К началу 70-х годов здесь насчитывалось 795 ТКЗХ и 159 ГЗХ. Каждое из этих хозяйств имеет в среднем примерно одинаковую площадь возделываемой земли — 4 тыс. гектаров. В последнее время в связи с концентрацией и специализацией производства в стране создаются аграрно-промышленные комплексы (АПК). Для болгарского сельского хозяйства наступает новый этап индустриализации сельскохозяйственного производства на основе более высокого уровня его обобществления. Аграрно-промышленный комплекс в Попово, например, объединяет 6 ТКЗХ, 1 ГЗХ, 8 промышленных предприятий, 1 агрохимический центр; он располагает 56 тыс. га обрабатываемой земли, 500 тракторами, 150 комбайнами и дру-

гой техникой. На территории АПК — 40 сел, в которых проживает 46700 кооператоров, 1 город. В районе с. Водица в АПК входят такие промышленные предприятия, как консервная фабрика, комбинат по производству животноводческого оборудования, асфальтовый завод, керамический цех и др. В с. Царь Асень имеется консервная фабрика, 90% продукции которой экспортируется в различные страны. В 1972 г. фабрика получила 364 тыс. левов чистой прибыли. Такие объединения, как АПК в Попово, созданы по всей Болгарии, их сейчас насчитывается уже более 170. С созданием АПК были обеспечены условия для быстрого развития земледелия и животноводства; усиление специализации и концентрации в сельском хозяйстве позволяет внедрять в большей степени промышленные методы производства. Интеграция процессов промышленного и сельскохозяйственного производства ведет к органическому соединению этих двух отраслей народного хозяйства и создает благоприятные условия для выравнивания характера труда, уменьшения миграции сельского населения, повышения доходов крестьян и улучшения культурно-бытовых условий их жизни.

Одним из новых явлений в развитии народного хозяйства НРБ можно назвать создание промышленно-аграрных комплексов (ПАК). Это более высокий тип объединения, в Болгарии его называют «вертикальной интеграцией». Первым таким объединением стал промышленно-аграрный комплекс им. Димитра Благоева с центром в Русе. В него входят АПК «Дружба» в Русе, АПК им. Клементина Готвальда в Ветово, а также сахарный завод в Русе. Высокая культура земледелия в ПАК позволит значительно увеличить урожайность основных культур. По перспективному плану развития хозяйства намечается в 1990 г. получить в среднем с гектара по 72 ц пшеницы, 120 ц кукурузы на зерно, 550 ц сахарной свеклы. К 1990 г. предусматривается произвести здесь третью часть получаемой сейчас в округе шерсти, половину планируемой мясной продукции и в 2,3 раза больше молочной продукции¹³. В Варненском округе недавно создан один из первых промышленно-аграрных комплексов по производству и переработке сахарной свеклы. Он будет иметь животноводческие фермы для использования отходов производства, ряд вспомогательных предприятий, агрохимический центр и др. Подобного типа объединения созданы уже в Велико-Тырново, Горно-Оряховице и в других районах страны. Опыт создания их интересен и поучителен.

Наиболее ярким примером благотворного влияния социалистической экономической интеграции в Болгарии является рост национального дохода: за 1972 г. он возрос на 7%, за два года шестой пятилетки — на 14,6%. По темпам роста национального дохода НРБ уже много лет подряд идет впереди большинства наиболее развитых капиталистических стран. Если, например, за 1951—1971 гг. национальный доход США возрос в 2 раза, то в Болгарии он увеличился в 6,3 раза.

Успехи, достигнутые благодаря использованию преимуществ социалистической интеграции, позволили БКП выдвинуть на X съезде и конкретизировать на декабрьском (1972 г.) Пленуме ЦК БКП широкую программу социальных мероприятий по улучшению благосостояния болгарских трудящихся. Кому случалось хоть раз побывать в нынешней Болгарии, тот не мог не заметить развернувшегося вширь и ввысь жилищного строительства. Ускоренными темпами идет возведение жилых кварталов в Варне, Русе, Софии, Разграде, Бургасе, Враце и многих других городах. После декабрьского Пленума ЦК БКП были приняты важные документы, направленные на повышение материального и культурного уровня жизни

¹³ «Работническо дело», 13 V 1973.

трудящихся: среди них решение Политбюро ЦК БКП от 6 марта 1973 г. «О повышении роли женщины в строительстве развитого социалистического общества», постановление Совета Министров и Центрального Совета болгарских профсоюзов об увеличении зарплаты некоторым категориям трудящихся, о введении сокращенного рабочего дня и пятидневной рабочей недели в шестой пятилетке, о снижении розничных цен на некоторые товары промышленного производства и др.

Анализ болгарского опыта использования преимуществ социалистической экономической интеграции позволяет сделать некоторые важные, на наш взгляд, выводы:

1. Интернационализация общественной жизни Болгарии в рамках мировой системы социализма стала реальным фактом. Одним из проявлений этой интернационализации можно назвать социалистическую интеграцию, которая обеспечивает болгарскому обществу быстрое развитие по пути прогресса.

2. Социалистическая интеграция не только не ущемляет национальных интересов НРБ, но наоборот, содействует всестороннему развитию болгарского общества, усиливает его экономическую и оборонную мощь, повышает авторитет страны на международной арене и тем самым укрепляет суверенитет и независимость НРБ.

3. Велики социальные последствия интеграционных процессов в НРБ. На основе роста производительных сил и планомерно осуществляемого обобществления труда происходит ускоренное стирание граней между классами, ликвидация существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Рост экономического потенциала страны обеспечивает на современном этапе проведение в жизнь грандиозной программы социальных мероприятий, направленных на резкое повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, что в конечном итоге ведет к решению основной задачи социализма — всестороннему и гармоническому развитию личности.

4. Опыт НРБ показывает несомненные выгоды использования преимуществ социалистической интеграции.

В. ПАРСАДАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЕДИНОЙ ПАРТИИ ПОЛЬСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

(СОГЛАШЕНИЕ О ЕДИНСТВЕ ДЕЙСТВИЙ ППР И ППС,
НОЯБРЬ 1946 г.)

Строительство социализма в Польской Народной Республике доказало жизнеспособность и целесообразность выработанной польскими коммунистами формы объединения политических сил страны — Национального фронта. Национальный фронт был и ныне является организационной формой связи партии с массами, с большинством народа, формой единства действий основных политических и классовых сил страны — рабочего класса, трудящегося крестьянства, трудовой интеллигенции. Основой Национального фронта является единство действий рабочего класса, руководство его марксистско-ленинского авангарда. Началу процесса складывания единства рабочего класса посвящена эта статья.

Завоевание власти трудящимися, проведение революционных социально-экономических преобразований, восстановление разрушенного хозяйства и укрепление народной власти вызвали усиление политической активности масс, одним из проявлений которого был бурный рост численности политических партий и общественных организаций. Превращение партий национального фронта к весне-лету 1945 г. из кадровых в массовые поставило перед Польской рабочей партией (ППР) и руководством других партий новые идейно-политические и организационные задачи, стало необходимым по-новому решать вопросы их сотрудничества в строительстве народной власти.

Создание в ноябре 1944 г. Центральной согласительной комиссии демократических партий, т. е. рабочих партий ППР и Польской социалистической партии (ППС), крестьянской партии Стронництво людове (СЛ) и партии средних слоев города — Демократической партии и согласительных комиссий на местах, во всех административных единицах, даже в отдельных учреждениях и предприятиях было новым этапом организационного оформления Национального фронта, этапом придания ему определенной структуры. На заседания комиссий ППР выносила обсуждение важнейших вопросов — от строительства государственного аппарата, создания основ экономического строя, борьбы с контрреволюционным подпольем до жилищного положения рабочих и вопросов благоустройства городов.

Особое значение имело достижение согласованности мнений обеих рабочих партий. Этому служили становившиеся все более регулярными

консультации и совместные заседания ЦК ППР и ЦИК ППС¹, совещания активов ППР и ППС.

Большое значение для формирования принципов сотрудничества ППР и ППС, а также других партий имели майский Пленум ЦК ППР и Общепольская конференция ППР 27—28 мая 1945 г. Они призвали всех членов партии решительно покончить с пережитками сектантства и выработали четкую программу укрепления Национального фронта и сплочения всех демократических партий в государственном и экономическом строительстве, в борьбе за укрепление народной власти. При этом ППР считала, что основой всех будущих успехов может быть тесное сотрудничество с ППС, единство рабочего класса. Положения эти были подтверждены и развиты I съездом ППР. I съезд партии пришел к выводу, что участие ППС в строительстве народной власти, ее идейно-политическое развитие создают перспективы не только для сотрудничества, политического и идеологического сближения между ППР и ППС, но и для ликвидации раскола польского рабочего класса и создания единой марксистско-ленинской партии.

Значительные изменения происходили и в ППС. Руководство возрожденной ППС предпринимало шаги к объединению всех социалистов на платформе тесного союза с ППР, идеологического сближения с нею на основе марксизма-ленинизма, сотрудничества с ППР в правительстве и парламенте — Крайовой раде народной, в проведении революционных преобразований в стране на основе единого рабочего фронта и рабоче-крестьянского союза в строительстве социализма². Новое руководство ППС отбросило политику антикоммунизма, пропагандируемую довоенной ППС, а в годы войны — ВРН³. Оно признало ведущую роль СССР и его Коммунистической партии в широком рабочем движении, необходимость использования опыта Советского Союза в строительстве социализма в Польше и других странах народной демократии. ЦИК ППС считал, что новую Польшу можно строить только на основе союза и дружбы с СССР.

К лету 1945 г. процесс объединения большинства социалистов, действовавших в годы оккупации в различных организациях в стране и за границей, был завершен, что констатировал XXVI конгресс ППС. Его задачей было определить место и роль партии в новых исторических условиях, оценить традиции ППС, наметить конкретную программу ее деятельности, выработать идейно-политическую программу и принять устав.

Поддавляющее большинство делегатов конгресса было представителями левого крыла партии⁴. Политическая кампания, проведенная перед конгрессом в партийной печати, в частности в газете «Роботник», способствовала идейному и организационному сплочению рядов партии.

Конгресс ППС одобрил политическую линию руководства партии и принял идейно-политическую платформу, в которой отмежевался от право-лепезовских и ВРН-овских традиций. Вопреки надеждам правых, конгресс единодушно высказался за политику сотрудничества с ППР

¹ Например, 20 декабря 1944 г. совместное заседание представителей ЦК ППР и ЦИК ППС было посвящено проблемам преобразования Польского комитета национального освобождения во Временное правительство и вопросам сотрудничества партий Национального фронта.

² См. материалы XXV конгресса ППС в «Barykada Wolności». Lublin, listopad, 1944; материалы XXVI конгресса в «Robotnik», 30 VI — 5 VII 1945, а также в кн. «PPS, 14—17 XII 1947. Wrocław, XXVII Kongres PPS». Warszawa, 1948; A. R e j s s. Myśl polityczna Polskiej Partii Socjalistycznej 1944—1948. Warszawa, 1968, s. 3, 7.

³ Действовавшая в подполье в годы немецко-фашистской оккупации право-реформистская группа довоенной ППС, так называемая Вольность, рывность, неподлежность (ВРН).

⁴ B. S y z d e k. Wpływ XXVI Kongresu na ukształtowanie ideowego i organizacyjnego oblicza PPS. «Polska Ludowa», t. IV. Warszawa, 1965, s. 48.

и за единство рабочего движения, единство рабочего класса. «Трудящиеся завоевали власть в Польше и власти этой из своих рук не выпустят, — говорилось в проекте программы. — Источником нашей силы будет единый фронт польского рабочего, крестьянина и интеллигента. Должны исчезнуть все искусственно поддерживаемые различия там, где существуют только общие интересы. Нет места для споров между организациями, которые представляют рабочий класс. Место прежних споров должно занять тесное согласие и скоординированное сотрудничество»⁵. Правда, некоторые делегаты не соглашались с высказанной ЦИК ППС перспективой объединения рабочих партий. Они не считали, что сотрудничество ППС и ППР — это стратегическая линия действий рабочего класса в борьбе против реакции, за упрочение власти народа. Большинство конгресса не приняло их возражений, оно считало, что «вопрос единого фронта — это вопрос жизни и смерти польского рабочего класса». Положение о единстве ППР и ППС, а в перспективе об объединении партий и ликвидации раскола в рабочем движении было включено в проект программы⁶.

Значительное место на конгрессе заняли вопросы единства партии. В партии обрисовалось два течения. Одно, являвшееся продолжением линии РППС⁷, последовательно придерживалось тактики единого фронта и тесного сотрудничества с ППР, стояло за укрепление и расширение революционных преобразований. В этом течении проявлялись иногда сектантские ультрареволюционные тенденции, но в основных вопросах его представители занимали правильную позицию, за ними шло большинство актива и членов партии.

Вторая группа наследовала либерально-реформистские тенденции, стремилась брать на вооружение традиции «всей» ППС. Проповедуя «независимость» партии, эта группа была за сотрудничество с ППР и другими партиями Национального фронта на принципах «свободного» парламентаризма или правительственной коалиции. Она считала, что ППС должна занять решающие и руководящие позиции в стране, играя роль центра, имея слева ППР, справа — СЛ. Хотя эта линия была осуждена на конгрессе, большинство делегатов которого считало, что партия должна быть единой, что не может быть в партии «двух душ», двух групп, что традиции возрожденной ППС — это традиции РППС, но все-таки полного единства взглядов и позиций добиться не удалось.

XXVI конгресс ППС решил продолжавшийся десятки лет спор об идейно-политическом облике партии (в пользу левых сил). Он в принципе закончил восстановление партии на новых политических и идеологических основах, ППС еще более прочно определила свой путь как партия единого фронта. Однако непроведенные до конца критический разбор традиций старой ППС и разоблачение политического лица ВРН осложнили трудный процесс превращения ППС из реформистской партии в революционную, марксистскую. Все это сказалось и на взаимоотношениях между ППР и ППС.

Конгресс показал, что у части членов ППС имелись еще взгляды, которые не соответствовали программе правительства Национального фронта и воззрениям ППР на организационные формы нового общественного строя

⁵ Centralne archiwum KC PZPR (далее — СА KC PZPR) СКВ PPS, 235/1—7, к. 6.

⁶ Выработка программы к началу конгресса не была закончена. Было решено принять ее на чрезвычайном конгрессе после доработки. Представленный проект рассматривался как тезисы к программному решению (см. СА KC PZPR, СКВ PPS, 235/1—7, к. 6).

⁷ Рабочая партия польских социалистов, левое крыло довоенной ППС, создана в сентябре 1941 г. в подполье под названием «Польские социалисты». В 1943 г. переименована в РППС, в освобожденной Польше партия приняла традиционное наименование — ППС.

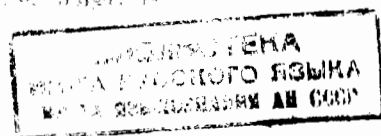
Польши, на роль ППС в Национальном фронте, на место и роль кооперации в строительстве социализма, на систему управления национализированными предприятиями⁸. Но в основном, в главном — в вопросах власти, перспектив строительства социализма в стране, в овладении теорией марксизма-ленинизма, взгляды ППС приближались к позиции ППР. Итоги конгресса были высоко оценены Секретариатом ЦК ППР, который подчеркнул, что перемены, происшедшие в ППС, результатом которых были решения конгресса, создают все условия для тесного сотрудничества обеих рабочих партий⁹.

Обострение классовой и политической борьбы в стране, раскол крестьянского движения и создание в августе 1945 г. партии Польское Странничество людове (ПСЛ), ставшей вскоре легальным центром всех реакционных и контрреволюционных сил, пытавшихся затормозить и повернуть вспять развитие народной демократии — поставили перед Национальным фронтом ряд новых политических задач. В первую очередь необходимо было укрепление единства рабочего класса, согласованность позиций и действий его партий. Это требовалось тем более настоятельно, что у части членов ППС в период роста рядов ПСЛ появилось стремление установить союз с «силой в крестьянском движении», т. е. с ПСЛ, которую они продолжали считать партией, выражавшей интересы крестьянства. Они надеялись сколотить блок ППС и ПСЛ, а фактически вели к блоку со всеми контрреволюционными силами, с реакционным подпольем. Они вели к расколу рабочего класса и изоляции ППР. Подобное положение могло поставить под угрозу само существование народной власти в Польше. Поэтому борьба ППР за единый фронт, за единство рабочего класса стала краеугольным камнем сохранения и упрочения народной власти, основой укрепления рабоче-крестьянского союза, основой укрепления Национального фронта. В связи с проявившимися разногласиями в оценке некоторых вопросов и, главное в оценке ПСЛ, ППР предложила ППС провести межпартийную дискуссию для выработки общей позиции по узловым вопросам: отношению к ПСЛ, тактике в проведении выборов в Законодательный сейм и о дальнейших преобразованиях в стране. Начало ей положило совместное заседание ЦК ППР и ЦИК ППС 28 сентября 1945 г., на котором были всесторонне рассмотрены вопросы внутренней и внешней политики, укрепления союза рабочего класса и крестьянства, сотрудничества ППР и ППС в рядах заводских (рабочих советах на предприятиях) и в профсоюзах.

На этом заседании ППР выдвинула два кардинальных предложения, определивших политическое и экономическое развитие страны на многие годы. Первым было конкретное предложение о путях дальнейшего укрепления сотрудничества и единства действий партий Национального фронта; объединение всех «социалистических» и демократических сил страны. ППР предложила создать единый избирательный блок партий и профсоюзов на выборах в Законодательный сейм, блок, объединенный единой программой, тактикой и стратегией проведения избирательной кампании, которая будет последней и решительной схваткой в борьбе за власть, за направление дальнейшего развития революции. Именно на дальнейшее углубление революционных процессов было нацелено второе предложение ППР — о законодательном закреплении фактической национализации промышленности и в выработке многолетнего перспективного плана восстановления и развития народного хозяйства.

⁸ С. А. КС РЗРР, 295/VII, т. 3; «Zarys historii polskiego ruchu robotniczego». Lipiec 1944 — Szczyt 1947. Warszawa, 1961. (далее — «Zarys historii...»). — 329. andwordo

⁹ В. С. y z d e k. Ibid., s. 65.

Наряду с мероприятиями, которые были направлены на политическую консолидацию Национального фронта и укрепление его экономических основ, основ власти трудящихся, ППР большое внимание уделила выработке стратегии и тактики классовой и политической борьбы в стране, отношению к ПСЛ, выработке четкой линии борьбы против миколайчиковцев, стоявших во главе ПСЛ. ППР удалось во многом переубедить руководство ППС. Свидетельством тому было опубликованное 29 сентября заявление ЦИК ППС о поддержке политики ППР, направленной на укрепление единства действий ППС и ППР, единство рядов рабочего класса и его союза с трудовым крестьянством.

ППС заявляла о своем одобрении революционно-демократической идейной декларации Стронництва людового¹⁰ и о «поддержке тех групп людовцев, которые без оговорок и лояльно в своей деятельности будут верны принципам демократии в понимании правительства Национального единства, верны лозунгу рабоче-крестьянского союза», т. е. руководство ППС отказывалось от курса на сближение с миколайчиковцами¹¹. ЦИК ППС принял программу улучшения экономического положения в стране и материального положения трудящихся, укрепления нового народного государственного аппарата и обеспечения безопасности в стране. ППС согласилась на предложение ППР о законодательном оформлении национализации промышленности. Часть руководства ППС встретила неодобрительно концепцию создания избирательного блока. Вопрос этот был перенесен на решение Главного совета ППС.

В ходе межпартийной дискуссии были проведены совместные заседания всех воеводских комитетов ППР и ППС, собрания актива партий в рабочих центрах и на предприятиях. Чтобы углубить и укрепить связи между партиями, во всех партийных инстанциях были созданы комиссии сотрудничества. В ходе согласования общей позиции были заключены специальные соглашения между местными организациями ППР и ППС. Так, в сентябре воеводские руководства обеих партий в Силезско-Домбровском воеводстве приняли решение об определении принципов сотрудничества в избирательной кампании и укреплении их единства в профсоюзах¹².

В результате межпартийной дискуссии и обсуждения вопросов внутри самой партии руководство ППС и актив партии заняли близкую к ППР позицию по основным вопросам политической и экономической жизни страны. Свидетельством тому была сессия Главного совета ППС 4 ноября 1945 г. В решении Главного совета подчеркивалось, что «не новые партии и раскол единства, а углубление единства действий ППС и ППР на основах равноправия, доверия и взаимного уважения обеспечит рабочему классу силу, которая явится гарантией мощи и независимости Польши». «Если мы хотим строить демократию и социализм, не может быть места никаким спорам с Польской рабочей партией. ППС, ППР и радикальные людовцы являются основой народной власти в Польше. Из них состоит наш прочный блок и никакое руководство не может этого изменить»¹³. Сессия Главного совета утвердила решения ЦИК ППС от 28 сентября 1945 г., подвела итоги межпартийной дискуссии ППР — ППС по вопросу об отношении к ПСЛ и приняла предложение ППР о создании избирательного блока на выборах.

¹⁰ Текст см. «W walce o sojusz robotniczołypski. Wybór dokumentów i materiałów 1944—1949». Warszawa, 1963, s. 76—83.

¹¹ «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1944. Wybór dokumentów i materiałów». Warszawa, 1959, s. 513.

¹² W. G o ł e b i o w s k i. Pierwsze lata władzy ludowej w wojewódstwie Śląskodańbrowskim 1945—1946. Katowice, 1965, s. 326.

¹³ «Przegląd Socialistyczny», 1945, № 9—10, s. 5.

Межпартийная согласительная комиссия партий Национального фронта также одобрила инициативу ППР и предложила обеим рабочим партиям провести конкретные переговоры о совместном выступлении на выборах всех шести существовавших в Польше партий. Руководство Демократической партии и СЛ сразу же дали согласие. Руководство же ПСЛ долго тянуло с ответом, наконец, в марте 1946 г. предъявило ультиматум о фактической передаче ему власти в стране. По предложению ППР рабочие партии решили обратиться к массам и провести референдум, чтобы выяснить отношение народа к проведенным революционным социальным преобразованиям и политике народной власти. Итоги референдума, проведенного в июле 1946 г., доказали, что народные массы одобряют внутреннюю и внешнюю политику государства. В ходе подготовки и проведения референдума, в жестоких классовых битвах, в политико-разъяснительной работе и вооруженной борьбе с бандами реакции укреплялся единый фронт ППР и ППС. Совместная работа по восстановлению страны, подъему из руин фабрик и заводов, городов и деревень сближала членов ППР и ППС. Росло влияние рабочего класса в стране и в Национальном фронте.

К осени 1946 г. на всей территории страны было закончено создание административного аппарата. В основном завершились миграционные процессы, а также репатриация¹⁴. На значительных территориях была ликвидирована или существенно ослаблена деятельность вооруженного подполья. Противник социалистической Польши — ПСЛ в результате предпринятой ППР и ППС политической кампании и объективного развития событий в стране уже с марта 1946 г. начал терять своих членов. К лету 1946 г. в партии оформился первый раскол. К осени 1946 г. ПСЛ находилось в состоянии шатания и развала. Партия не имела уже массовой опоры в крестьянстве. В стране наступала политическая стабилизация. Число членов рабочих партий приближалось к миллиону. ППР пришла к заключению, что политическая обстановка для проведения выборов в Законодательный сейм созрела. XI сессия Крайовой рады народной в сентябре 1946 г. приняла решение о проведении выборов.

Вступление страны в непосредственно предвыборный период поставило перед Польской рабочей партией важные вопросы сплочения самой партии и укрепления единства действий партий рабочего класса. За 1946 г. ППР увеличилась почти на 400 тыс. человек. На 31 декабря 1946 г. в партии состояло 555 888 человек. Почти две трети — 64,7% ее составляли рабочие, 23,2 — крестьяне и 9,3% — работники умственного труда¹⁵.

Столь значительный рост кадров требовал большой организационной и идейно-воспитательной работы. Со второй половины 1946 г. руководство ППР особую заботу стало проявлять о воспитании членов партии, подъеме их политического и идеологического уровня. Этой цели служило расширение сети партийных школ, увеличение тиражей партийной литературы, изданий классиков марксизма, было принято решение создать специальный теоретический орган партии журнал «Новые дороги» («Nowe drogi»).

Большое внимание ЦК ППР уделял усилению активности партийной работы, воздействию партии на рабочий класс, на широкие трудящиеся массы, улучшению работы партийцев в массовых организациях трудящих-

¹⁴ С 1944 по 1949 г. в Польшу вернулось всего с Востока и Запада 2988,6 тыс. человек, в том числе за 1944—1946 гг. 2577, 9 тыс. «Przemiany społeczne w Polsce Ludowej». Warszawa, 1965, s. 89.

¹⁵ «PPR. Rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniki Komitetu Centralnego». Т. I. 1946—I. 1947. Warszawa, 1961, s. 213 (далее «PPR. Rezolucje...»). Социальный состав ППС: рабочие — 62%, крестьяне — 14, работники умственного труда — 14, свободные профессии — 9,4, ремесленники — 0,6% (данные на сентябрь 1947 г.).

ей, особенно в профессиональных союзах, которые являлись важнейшим инструментом борьбы за единство рабочего класса. К началу 1947 г. они насчитывали более двух млн. членов. Пеневровцы играли руководящую роль в профсоюзах. Так, в Силезии 1100 членом Советов профсоюзов были пеневровцы, 691 — членами ППС, 193 — членами Демократической партии, 7 — людовцами и 18 — членами Стронништва праца¹⁶. ЦК ЦКП считал, что профсоюзные комитеты должны еще теснее связаться с массами, усилить политико-воспитательную работу. В целях помощи профсоюзам и членам партии, работающим в профсоюзах и рядах заводских, ЦК ЦКП принял решение создать профсоюзные отделы при партийных комитетах. Их целью являлась активизация профсоюзного движения на всех его организационных ступенях и превращение профсоюзов в организационно-самостоятельную и политически активную силу, охватывающую весь пролетариат. Профсоюзный отдел ЦК ЦКП требовал, чтобы каждый член партии в профсоюзах все силы отдавал тому, чтобы превратить профсоюзы в ширь борьбы за основные и принципиальные интересы рабочего класса, за укрепление его единства, боролся за подъем политической сознательности профсоюзных масс, за превращение профсоюзов в базу борьбы за укрепление и углубление исторических преобразований в Польше. Членам ЦКП предлагалось активно сотрудничать с членами ППС, преодолевать антиединофронтные тенденции в рядах ППС путем налаживания конкретной работы, проведения дискуссий, путем убеждения¹⁷.

Во второй половине 1946 г. в осуществлении политики единого фронта в ЦКП встретились затруднения. Актив ППС постепенно эволюционировал к революционному марксизму. Однако партия все еще не была идейно единой, в ней не были до конца преодолены социал-демократические традиции, слаба была еще партийная дисциплина, у части членов партии оставалась сильная тяга к буржуазным формам демократии. Развал ПСЛ привел к тому, что часть его членов переметнулась в ППС, тем еще более усилив правые и ВРН-овские элементы в партии. Выдвинутый руководством лозунг «ППС — миллионная партия» приводил к приему в партию случайных людей. У части руководства ППС вновь возродились колебания в оценке ПСЛ. Эти лидеры считали, что ПСЛ перед угрозой окончательного краха пойдет на сближение с Национальным фронтом, что предполагавшийся ранее блок шести на выборах в Законодательный сейм возможен, а соглашение с ПСЛ об избирательном блоке не было достигнуто лишь потому, что ЦКП была «слишком категорична». Стремясь привлечь ПСЛ, они готовы были отдать миколайковцам до 30—40% мандатов в будущем сейме, лишь бы ослабить классовую борьбу. У части руководства появились высказывания, будто роль ЦКП уже сыграна и лишь ППС сможет повести далее народ, что лишь ей принадлежат «особая роль»¹⁸. «Центристы» в ППС стали ставить вопрос о едином рабочем фронте с сотрудничеством с ЦКП в зависимости от уравнивания позиций ЦКП и ППС в государственных и экономических органах. Вопросы, в конце августа, на заседании Главного совета ППС были отстранены с руководящих постов несколько наиболее активных сторонников единого фронта с ЦКП. Подобная тенденция наблюдалась и в некоторых заводских организациях ППС (Натвице, Жешов, Кельце, Быдощ). Тенденция эта встретила сопротивление в ЦКП ППС и на местах. Сопротивление и требования левых привели к тому, что августовское заседание Главного совета все же высказалось за единый фронт, но в целом в партии активизировались силы, выступавшие против единого фронта.¹⁹

¹⁶ «Karty historyczny» 1946, 238; «PPR. Historia» 1999, 199; «Robotnik», 29 VII 1946, 18. — примечание 18 — источник 1999

¹⁷ «PPR. Historia» 1999, 199; «Robotnik», 29 VII 1946, 18. — примечание 19 — источник 1999

¹⁸ «Robotnik», 29 VII 1946, 18. — примечание 20 — источник 1999

ПНР отвергла выдвинутую ППС трактовку понятия «единство народа и равноправие». Единый фронт это не уравнивание количественно ППС с носителями ПНР в государственном аппарате. Единый фронт, утверждала ПНР, это — совместно разработанная и согласованная программа деятельности. Важны не лозунги, а практическая реализация задач единого фронта. Во-вторых, единый фронт — это единая на практике позиция по основным проблемам государственной политики. Единство народа может основываться только на единстве рабочего класса и в данный момент (т. е. осенью 1946 г.) этого единства нельзя достичь без решительной борьбы с буржуазной реакцией. При этом руководство ПНР с особой силой подчеркивало характерную и принципиальную черту строительства новой государственности в Польше — коалиционность и единство всех демократических сил и всех партий. Только в опоре на них осуществимо единство народа, только единство действий всех демократических партий обеспечит дальнейшее развитие страны¹⁹.

Проблеме отношений с ППС, вопросам укрепления единства действий пролетариата, в основном, был посвящен пленум ЦК ПНР, начавший свою работу 18 сентября 1946 г. Пленум ЦК ПНР всесторонне обсудил положение в ППС и указал на опасность возродившихся в ней тенденций к блокированию с ПСЛ. Критически оценена была также работа организаций ПНР в области строительства единого рабочего фронта. Острой критике подверглись взгляды тех деятелей ПНР, которые считали, что в связи с трудностями, которые переживала ППС, следует перейти от тактики идеологического на нее воздействия и сотрудничества с ней к тактике административного и организационного натиска. Эти взгляды были оценены как проявление «сектантства» в ПНР, попытки командования «денежсовцами, вмешательства» в их внутренние организационные вопросы, что в целом подорвало бы у членов ППС доверие к политике ПНР.

Руководству ПНР пришлось провести в своих рядах большую разъяснительную работу в связи с тем, что, наблюдая трудности роста и развития ППС, часть актива ПНР перестала видеть противника в разваливающейся ПСЛ, а усматривала его лишь в правых элементах и тенденциях ППС. Пленум ЦК ПНР определил, что по-прежнему главная политическая задача, главная проблема стоящая перед рабочим классом — укрепление единства действий ПНР и ППС. Для достижения успеха было решено перевести центр тяжести борьбы за единый фронт в рабочую массу, в двусторонний актив обеих партий, с тем, чтобы оказать больше внимания «сверху» в смысле единства. Для этой цели рекомендовалось активизировать проведение общих заседаний первичных организаций, совместных идейно-политических лекций и дискуссий, выяснять существующие идеологические различия и добиваться постепенного сближения позиций. Было решено оказывать помощь левым в их борьбе против правых в ППС, укреплять сотрудничество партий в профсоюзных, критиковать выступления в ППС против единого фронта, и одновременно сделать определенные персональные услуги ППС. Целью являлось между прочим, разногласия, победившие и привлекая членов ППС к работе в государственном экономическом аппарате. Было решено провести дискуссию с руководством ППС, выяснить и согласовать позиции. Пленум ЦК ПНР принял решение обратиться к ППС с предложением заключить формальное соглашение о сотрудничестве, в котором определить принципы и условия совместных действий обеих рабочих партий²⁰.

¹⁹ «Głos Ludu» 17 VIII 1946. ²⁰ «Zarys historii partii 1944—1946» Warszawa 1966, s. 80. ²¹ «Zarys historii partii 1944—1946» Warszawa 1966, s. 80.

Основными вопросами проведенных общих заседаний ППР и ППС были: отношение к ПСЛ, вопрос о западных границах в связи с выступлением государственного секретаря США Д. Бирнса, подвергнутого сомнению решения Потсдамской конференции о западных польских землях, вопрос избирательного блока, перспективы развития единого фронта, принципы трехлетнего плана восстановления и развития, достижения народной Польши и перспективы ее дальнейшего развития. Широкая политическая кампания, развернутая ППР, привела к укреплению сотрудничества низовых организаций и усилила позиции левых в руководстве ППС — Ю. Циранкевича, Г. Яблоньского, Л. Мотыки, Г. Свентковского, А. Рапацкого, Ф. Барановского и др.²¹ В ноябре и декабре 1946 г. из ППС были удалены элементы, явно выступавшие против единства рабочего класса и упрочены позиции левицы. Эти изменения произошли под влиянием низовых рабочих организаций ППС, все более активно выдвигавших требования укрепления сотрудничества ППР и ППС и совместного выступления обеих партий на выборах. Сближению партий способствовали внутренние и международные события: усилившиеся на Западе тенденции «холодной войны», все более откровенное сращивание верхушки ПСЛ с контрреволюционным подпольем. Большое влияние на членов ППС оказало улучшение экономического положения страны.

Переговоры о заключении соглашения начались в октябре. Проводила переговоры Политическая шестерка ЦК ППР и ЦИК ППС — по три представителя от каждой партии. Переговоры о заключении соглашения о единстве действий проходили в тесной зависимости от переговоров об избирательном блоке четырех партий Национального фронта (ППР, ППС, СЛ и Демократической партии). 17 октября 1946 г. на заседании Политической шестерки ЦК ППР и ЦИК ППС обсуждались проекты соглашения, предложенные обеими рабочими партиями²².

Следующим был вопрос о выборах в Законодательный сейм и о порядке проведения избирательной кампании. Обе рабочие партии установили срок проведения выборов — 19 января 1947 г., а также порядок создания и деятельности избирательных комиссий и избирательных комитетов, пропаганды обеих партий с участием представителей министерства информации и пропаганды. Было решено, что на западных землях для подтверждения единства всей нации в деле их освоения и реполонизации партии Стронництво праци и ПСЛ — Нове Вызволене (левая группа, отколовшаяся от ПСЛ) будут включены в состав избирательного блока революционных сил. На остальной территории они выставляли свои избирательные списки отдельно. Избирательный блок было решено именовать блоком демократических партий и профсоюзов. Были приняты также решения об укреплении сотрудничества партий в других областях жизни: об активизации деятельности Экономической шестерки ЦК ППР и ЦИК ППС и создании при ней отдела по вопросам кооперации, о создании совместной Юридической комиссии, о создании во всех инстанциях медиационных (согласительно-арбитражных) комиссий, о составе польской делегации на очередную сессию Организации Объединенных Наций и о подготовке экономического отчета для съезда старост повятов. Кроме того, ППС обязалась к следующему заседанию представить свои предложения о разделе мандатов между партиями блока.

На заседании 21 октября 1946 г. была принята следующая пропорция деления мандатов: ППР и ППС по 32%, Стронництво людове — 25,

²¹ «Z dziejów Polski Ludowej 1944—1949». Warszawa, 1966; N. K o l o m e j c z y k, B. S y z d e k. Partie robotnicze w Polsce w latach 1944—1948, s. 251.

²² Ход переговоров излагается по материалам, хранящимся в СА КС PZPR, 295/VII — 174.

Демократическая партия — 10% и один процент для деятелей профсоюзов, не принадлежащих ни к ППР ни к ППС. Для вступивших в блок на западных землях Стронництва пради и ПСЛ — Нове Вызволене мандаты предусматривались из числа отведенных для «диких списков». Следующим вопросом было соглашение о единстве действий между ППР и ППС. Для выработки общего проекта соглашения была создана комиссия, которой надлежало немедленно приступить к работе. Одновременно был поставлен вопрос о введении в состав правительства Ю. Циранкевича, генерального секретаря ЦИК ППС в качестве министра без портфеля.

Выработка общего проекта соглашения шла туго. Хотя происходивший 25 октября Пленум ЦИК ППС подтвердил в принципе свою позицию и о блоке и о соглашении, поручив Политической комиссии заключить соглашение о единстве действий с ППР в кратчайший срок²³, однако на переговорах представители ППС отказались от решения о разделе мандатов, принятого на заседании 21 октября. ППС поставила его в зависимость от согласования всех пунктов соглашения и условий, дополнявших его. Под угрозой встало соглашение о совместном проведении избирательной кампании и выборов. На заседании от 30 октября представители ППС не пожелали принять предложение ППР о том, что стороны обязуются впредь не допускать одностороннего изменения решений, принятых совместно Политической шестеркой или руководящими партийными инстанциями ППС и ППР. Само же согласование проекта соглашения о единстве действий застряло на мертвой точке. Для продвижения дела вперед ППР в более широкой форме поставила вопрос о расширении позиций ППС за счет ПСЛ в правительстве, которое будет создано после выборов, и поставила принципом соглашения обязательство совместного, согласованного решения важнейших проблем, что в противовес механическому паритету составляет сущность равноправия²⁴. Путем взаимных уступок текст соглашения был выработан. В итоге победила линия ППР, считавшей, что в условиях острой политической борьбы необходимо, чтобы обе рабочие партии, заключили формальное соглашение о единстве действий рабочего класса.

Соглашение о единстве действий и сотрудничестве между ППР и ППС было подписано 28 и опубликовано 29 ноября одновременно в «Глосе Люду» и в «Роботнике»²⁵.

В первом пункте Соглашения говорится: «Исходя из положения, что упрочение независимости возрожденной Польской Республики, обеспечение незыблемости ее всестороннего развития, упрочение достигнутых политических, общественных, экономических успехов, укрепление народной демократии, а также дальнейший подъем жизненного уровня трудящихся масс в городе и деревне..., а также полный разгром реакции и фашизма требуют единства действий и тесного сотрудничества всего рабочего класса — обе рабочие партии — Польская социалистическая партия и Польская рабочая партия — считают необходимым укрепление сотрудничества и совместные действия во всех областях обще-

²³ «Polska Ludowa», t. V Warszawa, 1966; T. S i e r o c k i. Kronika ważniejszych wydarzeń odrodzonej PPS (od 20 lipca do grudnia 1948 r.), sz. I. Warszawa, s. 232.

²⁴ Руководство ППС в конце концов приняло предложенные ППР персональные изменения. ППС еще до выборов получила дополнительно посты министра без портфеля и заместителя министра иностранных дел. В ноябре 1946 г. у ППС было 4 поста воеводы (из 10), 7 вице-воевод (из 18), старост было 76 или 24%, вице-старост — 90 или 31% (XXVII Kongres PPS, s. 40). В созданном после выборов правительстве ППС получила семь портфелей, т. е. больше, чем в любом предыдущем правительстве и больше, чем имела ППР (шесть).

²⁵ «PPR. Rezolucje...», s. 204—206.

ственной и государственной жизни. ППР и ППС договорились согласовывать свои позиции по всем важным политическим и экономическим проблемам до их обнаружения. Соглашение о единстве действий и сотрудничестве между ППР и ППС затрагивало широкий круг вопросов актуальной политической и экономической жизни страны и перспектив развития рабочего и социалистического движения в стране. В числе ближайших политических задач указывалось стремление обеих партий обеспечить на выборах в Законодательный сейм победу Демократического блока, а также приложить все усилия, чтобы полностью разгромить реакционное подполье и его легальную надстройку — ПСЛ.

В качестве политической задачи, рассчитанной на длительный срок — на весь период строительства социализма в стране, указывалось стремление обеих партий и сотрудничеству с крестьянским движением, к реализации теснейшего рабоче-крестьянского союза. Основной задачей рабочего класса в строительстве новой Польши, в реальном упрочении его союза с крестьянством — этой основы народной власти — было достижение единства в собственных рядах. Поэтому основное внимание Соглашение уделяло проблеме единого фронта рабочего класса и его партий, обеспечению для него идеологических, политических и организационных условий. «Обе партии», — говорилось в Соглашении, — выдвигают во главу своим политических задач устранение главных препятствий в строительстве единого фронта». К их числу относились попытки возврата к преобладающим уже политическим концепциям, противоречащим идее единого фронта, таким, как пережитки социал-демократизма, как антисоветские влияния и ВРН-овская идеология. Это касалось в основном ППС. Соглашение предусматривало борьбу с проявлениями сектантства и непонимания принципов единого фронта, что относилось в основном к части актива ППР. Обе партии торжественно заявили, что будут воспитывать своих члены в духе единства рабочего класса, признавать и проводить в жизнь важную роль единого фронта, основной гарантией упрочения победы трудящихся масс. Для достижения этого руководства ППР и ППС вменяли всем своим организациям проведение общих конференций активом, собраний и заседаний, идеологических дискуссий, организацию совместных политических и культурных мероприятий, политических курсов и школ, взаимодействие всех организаций и инстанций обеих партий. Коллективной целью этого идеологического, политического и организационного сближения является, говорил член ЦК ППС, ЦК Соглашения, — достижение полного организационного единства рабочих партий.

Соглашение предусматривало также более тесное сотрудничество и идеологическое сближение молодежных организаций, примыкавших к рабочим партиям. ЦК ППР и ЦК ППС брали на себя обязательство убедить их заключить соответствующее соглашение. 20 августа 1947 г. коммунистическая рабочая организация «Союз борьбы молодых» и примыкавшая к ППС Молодежная организация «Товарищества рабочих университетов» заключили соглашение о сотрудничестве и единстве действий.

В области экономической обе рабочие партии обязались согласовывать принципы правительственной экономической политики, имеющей целью возможно быстрее и полное восстановление народного хозяйства. ЦК ППР и ЦК ППС заявляли, что они приложат все усилия для мобилизации рабочего класса на дальнейшее восстановление страны на подвиге производительности труда и успешную реализацию трехлетнего плана восстановления страны, который явится условием повышения жизненного уровня трудящихся масс.

Одновременно с Соглашением о единстве действий было подписано Приложение об организационных, политических и технических вопросах и за-

ключено" джентльменское соглашение. Основными его пунктами были: распределение портфелей в будущем правительстве и согласование принципов проведения избирательной кампании и создания избирательного аппарата. Представители ППС согласились с тем, что всю организационную сторону избирательной кампании берет на себя ППР, ей же будет принадлежать гегемония в избирательном аппарате. При этом обе партии договорились согласовывать предлагаемые кандидатуры в Сейм с максимальным взаимным удовлетворением персональных предложений. При окончательном распределении избирательного ключа было решено предоставить левым не 25, а 27% мандатов, и увеличить число мандатов Демократической партии до 11%, на что руководство ППР пошло в целях укрепления демократического блока и рабоче-крестьянского союза в нем. Устанавливались политические и технические принципы сотрудничества партий на местах. Низовым организациям ППС категорически запрещалось сотрудничество с организациями ПСЛ. Предусматривалось, что в рядах народных, комиссий и т. п. ППС не будет голосовать вместе с ПСЛ. Если же различия между ППР и ППС окажутся столь велики, что ППС не сможет поддержать ППР, то ППС воспользуется правом воздержаться от голосования. ППР и ППС договорились совместно выступать против стачек и стремиться к их ликвидации, когда они начаты без ведома профсоюзов и вопреки им²⁶. Поставлен был и вопрос об укреплении партийной дисциплины. В частности об исключении из партий тех, кто сотрудничает с реакционерами из ПСЛ и подбивает рабочих организовывать стачки²⁷. ППС приняла принцип, что «равноправие» ППС не означает паритета в занятии постов в государственном аппарате. Согласительные комиссии ППР и ППС отныне учреждались лишь при партийных организациях и не могли создаваться в профсоюзах, рядах заводских, государственных учреждений и рядах народных, ибо иначе дисциплина в государственном аппарате и принципы демократизма в общественных организациях превращались в фикцию.

Прошедшие по всей стране общие собрания активов ППР и ППС и митинги рабочих принимали резолюции одобрения Соглашения. В резолюциях подчеркивалась его исключительная роль в окончательном разгроме реакции²⁸. 4 декабря Главный совет ППС утвердил Соглашение о единстве действий с ППР. Одобрило Соглашение большинство рядовых членов ППС. В ходе подготовки к XXVII конгрессу ППС (он состоялся 14—17 декабря 1947 г. во Вроцлаве) внутри ППС было проведено нечто вроде референдума, во время которого под декларацией, одобряющей политическую линию левых, добившихся заключения соглашения с ППР, было собрано 685 тыс. подписей членов партии и беспартийных — сторонников ППС²⁹. Конгресс вопреки попыткам сопротивления со стороны правых ратифицировал договор о единстве действий ППС и ППР.

²⁶ SA KC PZPR, 295/VII — 174. Odprawa I Sekretarzy KW. 4 XII 1946.

²⁷ Используя тяжелое послевоенное положение, политическую отсталость части рабочего класса, реакционные элементы организовывали стачки. Волна их была сильна летом-осенью 1945 г. Восстановление промышленности, улучшение материального положения, широкая разрывистая работа рабочих партий привели в 1946 г., особенно во второй его половине, к прекращению стачек на национализированных предприятиях.

²⁸ Например, «Głos Ludu», 2 XII 1946.

²⁹ «Борьба польского народа за социализм». М., 1954, стр. 85. ЦИК ППС объявил, что в конце 1946 г. в ППС насчитывалось полмиллиона членов (XXVII Kongres PPS, s. 40), а сразу после выборов, в конце января 1947 г. — 600 тыс. членов. «Polska Ludowa», t. VI. Warszawa, 1967; T. S i e r o c k i. Kronika ważniejszych wydarzeń odrodzonej PPS. Cz. II. (Styczeń 1947 — Grudzień 1948), s. 150. В «Очерках истории рабочего движения» сообщается, что фактическая численность партии была 283 302 члена («Zarys Historii...», s. 258).

Соглашение о единстве действий рабочих партий имело огромное политическое и государственное значение. В Соглашении была определена общая позиция относительно ПСЛ, лагеря реакции, выборов, предусмотрено тесное сотрудничество в разрешении всех главных государственно-политических и общественных проблем, а также определены принципы и перспективы дальнейшего сотрудничества, его конечная цель. Оно способствовало более быстрому идейному сближению партий, полному переходу социалистов на позиции марксизма-ленинизма. Соглашение впервые конкретно ставило вопрос о перспективе объединения рабочих партий.

Документ этот окончательно сокрушил надежды реакции на раскол Национального фронта. Он означал дальнейшую политическую и организационную изоляцию ПСЛ, изоляцию ВРН-овских и ПСЛ-овских элементов в ППС, очищение рабочего движения от чуждых ему элементов и идей.

Изменение политического положения в стране и новая расстановка классовых сил, отражением которой явилась победа Демократического блока на выборах, свидетельствовавшая о сплочении подавляющего большинства народа под знаменами Национального фронта, расширили возможности дальнейшего укрепления сотрудничества ППР и ППС³⁰.

Новые задачи, которые вставали перед рабочим классом в ходе социалистического строительства, давали возможность сделать следующий шаг по пути укрепления единства рабочего класса. Пленум ЦК ППР в апреле 1947 г. в качестве главной политической задачи выдвинул достижение организационного единства ППР и ППС — создание единой марксистско-ленинской партии польского рабочего класса, что было осуществлено в декабре 1948 г.

³⁰ «Historia polskiego ruchu robotniczego 1864—1964», t. II. Warszawa, 1967, s. 325.

В. Р. СОШЕНКО

К ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАДИОСТАНЦИЙ «ХРИСТО БОТЕВ» И «НАРОДЕН ГЛАС»

Радиовещание, организованное Коминтерном и зарубежными бюро некоторых коммунистических партий, находившимися в период Великой Отечественной войны в Москве, — яркий образец пропаганды и информации, нацеленных на подъем антифашистского движения в странах Европы.

С первых дней Великой Отечественной войны радиовещание становится одним из основных и наиболее эффективных средств пропаганды на воюющие, оккупированные и нейтральные страны. Связи между коммунистическими партиями и Коминтерном были прерваны или крайне затруднены, тогда как своевременная информация и пропаганда были необходимы.

В день вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз состоялось экстренное совещание Исполкома Коминтерна, на котором присутствовали Г. Димитров, В. Ульбрихт, В. Пик, П. Тольятти, К. Готвальд, Д. Мануильский и другие видные деятели международного рабочего и коммунистического движения. Георгий Димитров выступил на нем с информацией о создавшемся положении и о задачах Коминтерна и коммунистических партий. На совещании было принято, в частности, решение о необходимости срочных мер по перестройке агитационно-пропагандистской работы Коминтерна¹.

Особое внимание уделялось пропаганде на Германию, Италию, Австрию, Чехословакию, Румынию, Финляндию, Болгарию, Югославию, Францию, Бельгию, Испанию, Польшу и другие страны. В конце июня 1941 г. была создана главная радиоредакция Коминтерна, а при его секциях — национальные радиоредакции, которые возглавлялись членами зарубежных бюро коммунистических партий, испытанными коммунистами-ленинцами, прошедшими суровую школу революционной и классовой борьбы.

Руководство всей радиопропагандой Коминтерна в годы войны осуществлял Г. Димитров вместе с членами созданной 22 июня 1941 г. «тройки» — Пальмиро Тольятти и Дмитрием Захаровичем Мануильским². Уже в июле 1941 г. началось вещание радиостанций Коминтерна, вписавших славную страницу в историю антифашистского сопротивления в годы второй мировой войны.

Сначала оно велось на 10 языках, еженедельно в эфир шло 27 передач. В октябре 1941 г. объем вещания возрос до 51 передачи в неделю, а в янва-

¹ Б. Н. Пономарев. Георгий Димитров в борьбе против фашизма в период второй мировой войны. «Рабочий класс и современный мир», 1972, № 2, стр. 11.

² Там же.

ре 1942 г. национальные редакции готовили уже 162 передачи в неделю на 13 языках³.

Вещание на Болгарию, кроме регулярных передач болгарской редакции Московского радио, осуществляли и две радиостанции Заграницы: ЦК БРП, созданные при болгарской секции Коминтерна — «Христо Ботев» и «Народен глас». В болгарских архивах сохранились все передачи радиостанции «Христо Ботев». Наиболее важные из них опубликованы в семитомном издании⁴. Невозможно, да, пожалуй, и нет необходимости издавать все материалы, прошедшие в эфир — 1147 суток шли ее передачи, полные глубокого патриотизма, поднимавшие болгарский народ на борьбу с фашизмом за лучшее будущее своей многострадальной родины.

Передачи радиостанции «Христо Ботев» начались вечером 23 июля 1941 г. словами замечательного сына болгарского народа, поэта-революционера Христо Ботева: «Кто в грозной битве дал за свободу, тот не погибнет...». Называя свою радиостанцию именем легендарного Христо Ботева, редакция связывала это с историческим прошлым страны — ее освобождением русскими войсками от турецкого ига, совместной борьбой болгарского и русского народов за свободу и независимость Болгарии.

Редакция радиостанции «Христо Ботев» размещалась в помещении Коминтерна в Ростовкинском проезде (сегодня — здание Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Здесь же находились и другие национальные радиоредакции Коминтерна.

На первых порах радиостанция вещала три раза в неделю на коротких волнах в диапазоне 19—45 метров, как правило, трижды в день.

В своих передачах радиостанция «Христо Ботев» преследовала задачу не допустить выступлений Болгарии на стороне фашистской Германии в войне против Советского Союза. Эта задача могла быть выполнена прежде всего путем сообщения болгарским радиослушателям достоверной информации о положении на советско-германском фронте и театре боевых действий второй мировой войны. Ежедневно в эфире звучали материалы, в которых рассказывалось о героизме советских солдат и партизан, самоотверженном труде в тылу. Рассказывалась о борьбе против фашизма партизан ряда европейских стран, подвергшихся гитлеровской оккупации, радиостанция призывала к активизации антифашистского сопротивления в самой Болгарии, выступала за возвращение болгарского «эвакуированного корпуса» из Югославии и Греции, прекращение использования болгарских войск в качестве наемников. Радиопередачи были прерваны идеей солидарности славянских народов, в них постоянно звучали обращения и призывы Всеславянского комитета. Для подготовки материалов редакция удачно использовала факты из истории Болгарии и других балканских стран, примеры совместной борьбы славянских народов против иноземного ирредентизма. Последовательно велась активная работа по разложению болгарской армии. От успеха этой кампании во многом зависела вероятность участия Болгарии в непосредственных боевых действиях на стороне Германии против СССР.

Другим важным направлением радиовещания была критика так называемого «прочного и нерушимого союза» Болгарии с фашистской Германией. Вещание велось с помощью болгарской радиостанции «Христо Ботев».

³ Там же, стр. 14.
⁴ «Говори радиостанция „Христо Ботев“», тип. VII, София, 1960, № 1952 (1941 г.). В мемуарной литературе встречается ошибочное утверждение, что радиостанция «Христо Ботев» работала на волнах радио Москвы. (М., И в ал о в, Народна радиостанция «Христо Ботев», «Българско радио», 1968, № 1—2, стр. 53; К. Л. Селовей и др., Средни с. Димитров през Великата Отечествена война, Страници от спомени, Издания на Института по история на БКП, София, 1972, № 27, стр. 389; и др.).

нией и странами-сателлитами — Венгрией, Италией, Словакией, Финляндией. В то время как официальная пресса и радио Софии всячески воодушевляли успехи «старшего партнера» — Германии и призывали к оказанию помощи в ее войне против Советского Союза, радиостанция «Христо Ботев» в многочисленных материалах доказывала ограбление Болгарии Германией и как следствие этого — голод и резкое снижение жизненного уровня населения страны. Фашизация Болгарии, усиленно проводимая правительством царя Бориса и премьера Б. Филова, неумолимо толкали страну к потере ею политической независимости, к катастрофе. Об этом также говорилось в передачах радиостанции «Христо Ботев». Чрезвычайно содержательные и сжатые, лаконичные материалы этих передач несли в себе огромный смысловой и эмоциональный заряд и отвечали на актуальные вопросы, волновавшие болгарских радиослушателей.

Состав редакции «Христо Ботев» подбирали и готовили к предстоящей работе члены Загранбюро ЦК БРП по согласованию с Георгием Димитровым.

В редакции работал немногочисленный штат сотрудников — редакторов (В. Червенков, Ст. Димитров-Марека, К. Луканов, Св. Колев и др.), лиц, занятых прослушиванием передач зарубежных радиостанций, и технических работников — секретаря и машинисток. В таком составе редакция просуществовала до октября 1941 г. В связи с назначением Ст. Димитрова-Марека на работу в радиостанции «Народен глас», в начале октября 1941 г. он прекратил работу в редакции «Христо Ботев» и выехал в Крым.

Осенью 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял решение об эвакуации советских правительственных учреждений, дипломатических представительств, высших органов власти в город Куйбышев. Исполком Коминтерна выехал в середине октября 1941 г. в Уфу, где разместился в городском Дворце пионеров⁶. Сюда же были эвакуированы все национальные радиоредакции.

Советское правительство понимало, какую большую работу по проведению информационно-пропагандистской работы ввзяла на себя Коминтерн. Оно предоставило в распоряжение его национальных редакций советских специалистов и мощные радиопередатчики⁷.

Несмотря на трудности военных лет, эвакуацию, работа национальных редакций не прекращалась ни на один день, более того — увеличивалось число языков вещания и объем передач.

В период эвакуации для подготовки материалов радиопередач «Христо Ботев» привлекались нештатные сотрудники — работники Коминтерна — Георгий Дамьянов, Фердинанд Козовский, болгарские общественные и политические деятели.

Историческая победа Красной Армии под Москвой в декабре 1941 г. имела огромное значение для активизации пропаганды национальных редакций на свои страны. Это первое стратегическое поражение немецко-фашистских войск разведало миф о непобедимости армии третьего рейха, заставило союзников Германии по-другому взглянуть на затянувшуюся «молниеносную» войну.

Однако правительство Болгарии по настоянию Германии объявило в декабре 1941 г. войну Англии и США.

По поводу объявления этой «символической» войны, стоявшей Болгарии около 40 тысяч жизней мирных жителей, погибших в результате

⁶ Георгий Димитров (биография), София, 1972, стр. 474.
⁷ ЦГАОР СССР, ф. 6903, оц. 1, ед. хр. 56, л. 87, 122, 123, 159, 1163—170; Георгий Димитров (биография), стр. 474, 476, 477.

налетов англо-американской авиации на Софию и другие города⁸, Г. Димитров писал из Куйбышева 13 декабря 1941 г. в письме В. Коларову, текст которого был передан радиостанцией «Христо Ботев» 15 декабря 1941 г.: «Есть лишь одно единственное средство спасения нашего народа от гибели и нашей страны от катастрофы, — говорилось в нем, — это всенародное движение, движение армии и народа против предательской политики наших правителей, продавшихся Гитлеру»⁹.

С начала 1942 г. Г. Димитров и В. Коларов разрабатывают программу Отечественного фронта. 17 июля 1942 г. эта программа впервые прозвучала в передаче радиостанции «Христо Ботев» и в течение нескольких последующих дней текст ее повторялся, чтобы болгарские антифашисты могли записать и распространить ее в стране¹⁰.

Программа Отечественного фронта была составлена с учетом политических и экономических требований, выдвигаемых болгарскими коммунистами, антифашистскими партиями и прогрессивными организациями.

В предисловии к программе говорилось: «Высшим долгом болгарского народа, его армии и патриотической интеллигенции в настоящий исторический момент является сплочение в могучий Отечественный фронт для спасения Болгарии»¹¹. Далее перед болгарскими антифашистами ставились задачи не допустить вовлечения Болгарии в войну против Советского Союза, вывести болгарские войска из оккупированных районов Югославии и Греции, немедленно разорвать союз Болгарии с гитлеровской Германией и очистить болгарскую землю от немецко-фашистских войск; прекратить ограбление Болгарии, установить отношения тесной дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, Англией, США, с балканскими народами, вырвать болгарскую армию из рук монархо-фашистской клики и принять решительные меры, чтобы не дать использовать ее в антинародных целях. В программе выдвигались требования немедленного освобождения всех заключенных — борцов против фашизма и гитлеровской Германии, восстановления политических прав болгарского народа — свободы печати, собраний и организаций, отмены всех антиконституционных, антинародных фашистских законов, роспуска фашистских организаций типа «Бранник», «Союз ратников», «Легион», требования создания условий для нормального экономического развития страны и обеспечения трудящимся Болгарии средств к существованию, работы и человеческих условий жизни¹².

О том, насколько актуальными были для болгарской общественности вопросы, затронутые в программе Отечественного фронта, свидетельствует множество рукописных и печатных листовок, нелегальных информационных бюллетеней и газет, с текстом программы, которые в течение очень короткого времени разошлись по всей стране¹³.

Характерно, что уже на следующий день, 18 июля 1942 г. в городе Ловече был создан первый комитет Отечественного фронта, в состав которого вошли коммунисты и члены БЗНС, а к сентябрю 1944 г. в Болгарии активно действовали 678 комитетов Отечественного фронта, насчитывающие 3855 членов¹⁴.

⁸ «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне». М., 1972, стр. 37—38.

⁹ Г. Д и м и т р о в. Избранные статьи и речи. М., 1972, стр. 240—241.

¹⁰ «Говори радиостанция „Христо Ботев“», т. III, 1951, стр. 14.

¹¹ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 5—7; «Говори радиостанция „Христо Ботев“», т. III, стр. 114—116.

¹² «Говори радиостанция „Христо Ботев“», т. III, стр. 114—115.

¹³ «История на младежкото революционно движение в България „Народна младеж“». Изд. на ЦК на ДКМС, София, 1971, стр. 401.

¹⁴ «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы...», стр. 33.

Весной и летом 1942 г. национальные радиоредакции вернулись вместе с Исполкомом Коминтерна из эвакуации в Москву. Обязанности редакторов в радиостанции «Христо Ботев» до февраля 1944 г. исполняли Карло Луканов, Светослав Колев (Сергеев), с конца 1942 г. в редакции начал работать Любомир Валев, затем из болгарской редакции Московского радио пришел Фердинанд Козовский (Петров), в 1943 г. начали работать Рубен Леви (Аврамов) и в 1944 г. — Крстю Добрев¹⁵.

Обязанности секретаря редакции до конца 1942 г. исполняла Мария Козовская, затем — Полина Зеленова. Некоторое время в редакции работал Райчо Караколов, который в основном составлял сводку материалов «Исторического календаря» радио Софии и готовил биографические справки о некоторых болгарских буржуазных деятелях.

Большое участие в подготовке и написании материалов радиопередач принимал В. Коларов, который кроме того один-два раза в неделю выступал с международными обзорами в болгарской редакции Московского радио.

Периодически писали для радиостанции «Христо Ботев» сотрудники радио Москвы — Владимир Поптомов (Громов) и Кирилл Лазаров (Соловьев), видные болгарские общественные и политические деятели — Стелла Благоева, Георгий Дамянов и другие, находившиеся в это время в Москве.

Для подготовки передач широко использовались централизованные материалы — сводки Совинформбюро, вестники союзной и зарубежной информации ТАСС, материалы отдела контрпропаганды Московского радио. И тем не менее передачи каждой национальной радиоредакции отличаются индивидуальность, специфичность, что было присуще и радиостанции «Христо Ботев». При подготовке передач большое внимание уделялось прослушиванию и анализу радиосообщений зарубежных радиостанций. Кроме своих непосредственных редакторских обязанностей эту работу выполняли Мария Козовская, Любомир Валев и Крстю Добрев. В последний период деятельности радиостанции к ним присоединились Владимир Володин, Замфилова и Эмиль Петров.

Из материалов прослушивания зарубежных радиостанций составлялись специальные бюллетени для внутриредакционного пользования. Ежедневный анализ содержания передач правительственного радио Софии фашистской радиостанции Донау, радио Лондона, Нью-Йорка, Анкары, Рима давали редакции богатый материал для подготовки оперативных передач. Достаточно было факта, сообщения правительственного радио Софии, чтобы редакция «Христо Ботев» откликнулась на него разоблачительной статьей. Бюллетени ежедневно отсылались Георгию Димитрову, обо всех важных новостях ему сообщали из редакции по телефону.

Большая часть передач радиостанции «Христо Ботев» имела направленный характер, т. е. готовилась для определенных классовых, социальных, возрастных и других категорий радиослушателей — для рабочих и крестьян, интеллигенции, молодежи, болгарских женщин.

Г. Димитров регулярно просматривал все тексты радиопередач и делал свои замечания. Несколько статей и материалов были им написаны специально для радиостанции «Христо Ботев». Это постоянное внимание руководителя коммунистической партии Болгарии к качеству и идейному содержанию передач радиостанции позволяет говорить о директивном характере материалов, их направляющей и организующей силе. Это было особенно важно в связи с созданием Народной освободи-

¹⁵ «Говори радиостанция „Христо Ботев“», т. VII, 1952, стр. 296—298.

тельной повстанческой армии (НОВА), ее Главного штаба и двенадцати оперативных штабов по зонам, на которые была разбита в 1943 г. вся территория страны.

В трудное для антифашистского движения время массовых карательных экспедиций, предпринятых правительством И. Багрянова в 1943—1944 гг., радиостанция «Христо Ботев» стала центром оперативной информации партизанских отрядов и руководства их боевыми действиями.

Так, 28 марта 1944 г. Г. Димитров указывал ЦК БРП на необходимость усиления вооруженной борьбы против открытой гитлеровской оккупации Болгарии: «Слушайте и записывайте директивные статьи „Ботева“ и руководствуйтесь ими. Они повторяются в разных передачах, но всегда в 8 часов 55 минут на волне 25 метров. Если в Софии хорошо слышен „Народен глас“ на волне Скопле, слушайте и его выдержки из (передач. — В. С.) „Ботева“»¹⁶.

Г. Димитров большое внимание уделял эффективности передачи радиостанции «Христо Ботев», привлекая для повторения особенно важных материалов радиопередатчик «Народен глас». 30 июня 1944 г. он телеграфирует из Москвы Св. Колеву, который в это время работал в редакции «Народен глас»: «Установлено, что „Голос“ („Народен глас“. — В. С.) очень хорошо слышен в провинции по радио Софии. В Софии хорошо слышен и по радио Скопле. Радио „Христо Ботев“ забивают несколько станций врага. Необходимо всемерно усилить работу „Голоса“, особенно по вопросам развертывания партизанского движения против немцев, совместной борьбы партизан и патриотов армии... для скорейшего изгнания немецких захватчиков из Балкан. Лучше используйте передачи „Христо Ботев“»¹⁷.

В канун вооруженного восстания в стране, 8 сентября 1944 г. Г. Димитров в радиোগрамме к ЦК БРП об отношении к правительству К. Муравиева предлагает «слушать и широко использовать передачи „Христо Ботев“»¹⁸, а сразу же после победы восстания и установления власти правительства Отечественного фронта в другой радиোগрамме, адресованной ЦК БРП, в числе других директивных указаний, он пишет: «Радио „Христо Ботев“ будет продолжать свою работу. Сообщите нам свои замечания, предложения и пожелания в отношении его передач»¹⁹.

24 сентября 1944 г. редакция радиостанции «Христо Ботев» обратилась к своим слушателям с «Прощальной статьей». Это была последняя передача народной радиостанции, которой суждено было сыграть выдающуюся роль в популяризации Отечественного фронта в стране, развертывании и организации вооруженного сопротивления фашистскому режиму в Болгарии.

С октября 1941 г. до сентября 1944 г. на Болгарию вела свои передачи и другая радиостанция Заграницы ЦК БРП — «Народен глас», история создания и деятельности которой не менее интересна и применительна.

Встревоженные докладами окружных полицейских управлений о непрекращающемся слушании передач радио Москвы и радиостанции «Христо Ботев», министерство внутренних дел и управление государственной безопасности Болгарии принимало экстренные меры. По всей стране были разосланы директивы, запрещающие под страхом смерти

¹⁶ Г. Димитров, в. Писма, 1905—1949. София, 1962, стр. 396—398.

¹⁷ Там же, стр. 399.

¹⁸ «Неопубликовани радиограми на Г. Димитров до ЦК на БРП (к)». «Известия на Института по история на БКП». София, 1972, № 27, стр. 10.

¹⁹ Там же, стр. 40—41.

слушание радиопередач иностранных радиостанций. Не ограничиваясь этим запрещением, полиция опечатывала радиоприемники и блокировала ручки настройки радиоаппаратов на волну Софии или местных радиостанций (Стара Загора, Варна)²⁰. Уже в 1941 г. началось глушение передач радио Москвы и радиостанции «Христо Ботев». На улице Чаталджа в Софии были смонтированы доставленные из Германии глушители радиопередач²¹.

И тогда Загранбюро ЦК БРП приняло решение создать радиостанцию, работающую на волнах официального болгарского радио. 7 октября 1941 г. вечером диктор радио Софии, как обычно, повествовал о «стремительном и победоносном» продвижении немецких войск к советской столице. И вдруг во время паузы раздался другой голос в эфире: «Болгары, не слушайте! Ваше радио вас обманывает! Болгария продана гитлеровцам! Фашистское правительство хочет бросить наш народ в братоубийственную войну против Советского Союза!»²².

Ничего не подозревавший диктор радио Софии продолжал передачу «Последних известий», а таинственный голос комментировал сводку верховного командования вермахта, умело оперируя фактами. Предупрежденный из студии диктор, лихорадочно, на одном дыхании закончил чтение «Последних известий», и в эфире зазвучала музыка; через несколько минут было объявлено о прекращении вечерних передач²³.

Серьезно обеспокоенное появлением в эфире «черного голоса», да еще на волне правительственного радио, власти надеялись, что завтра это не повторится. Но 8 октября «голос» прозвучал снова и так каждый вечер до 9 сентября 1944 г.²⁴.

Радиостанция, называвшая себя «Народен глас» («Народный голос») вещала ежедневно с 18 часов 15 минут до 18 часов 30 минут (на немецком языке), с 19 часов 30 минут до 20 часов и с 21 часа до 23 часов (на болгарском языке). Ее бессменным редактором, переводчиком, диктором, руководителем до середины февраля 1944 г. был член Заграничного бюро ЦК БРП Ст. Димитров-Марек.

С первых дней Великой Отечественной войны Ст. Димитров-Марек принимал самое непосредственное и активное участие в подготовке и ведении радиопропаганды на Болгарию. Он готовил материалы для передач радиостанции «Христо Ботев», сотрудничал в болгарской редакции радио Москвы. Учитывая его богатый опыт бойца-революционера, закаленного в боях Сентябрьского вооруженного восстания 1923 г., широкий политический кругозор, всестороннюю эрудицию, Г. Димитров поручил ему организацию и руководство работой антифашистской радиостанции «Народен глас».

6 октября 1941 г. Ст. Димитров вылетел из Москвы в Симферополь, а уже 7 октября прозвучала первая передача этой радиостанции. Напрасно болгарская полиция искала «черный передатчик» на территории Болгарии. Лишь с помощью немецких радиопеленгаторов вскоре удалось установить, что станция работает из района Крымского полуострова²⁵.

Из Симферополя Ст. Димитров вел передачи до 30 октября 1941 г. Угроза окружения и захвата города немцами заставили его выехать

²⁰ Р. Т. А б л о в а. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма, 1941—1945. М., 1972, стр. 175—195.

²¹ «Говори радиостанция „Христо Ботев“», т. III, стр. 499—500.

²² Р. К а ш е р-Д и м и т р о в а. Станке Димитров-Марек, биографичен очерк. София, 1966, стр. 190.

²³ Там же, стр. 191—192.

²⁴ Там же.

²⁵ Р. Т. А б л о в а. Там же, стр. 175—195.

в Тбилиси. Интересно отметить, что во время этого восьмидневного переезда работа радиостанции «Народен глас» не прекращалась ни на один день.

Работа начиналась в 10 часов утра и заканчивалась в 3 часа ночи — прослушивание радиопередач зарубежных станций, обобщение материалов радиоперехвата и централизованных материалов Совинформбюро, ТАСС, ГРУЗТАГ, передач радио Москвы и «Христо Ботев», подготовка выступлений, адресованных населению Болгарии, реплик и замечаний для комментирования сообщений правительственного радио Софии. Последний вид работы требовал от Ст. Димитрова максимальной оперативности, осведомленности во всех вопросах внутреннего и международного положения Болгарии, о последних событиях в мире и на фронтах второй мировой войны, запоминания множества цифр и фактов и мгновенной, острой реакции — в эфире шел напряженный поединок и необходимо было использовать каждую паузу, чтобы лаконичными и меткими репликами свести на нет сообщения правительственного радио Софии. И в этом поединке нельзя было оказаться побежденным.

Через полгода напряженной работы, в марте 1942 г., в помощь Ст. Димитрову были направлены Теодора Георгиева Калинкова (Дора) и Антон Недялков (Володин).

На Дору была возложена задача прослушивать и резюмировать содержание передач некоторых радиостанций. Она редактировала материалы к передачам и занималась переводом их на немецкий язык²⁶.

Несмотря на огромный объем работы на радиостанции «Народен глас», Ст. Димитров находил время писать статьи и готовить передачи для многочисленной болгарской редакции тбилисского филиала радио Москвы. В редакции в качестве диктора, редактора и переводчика также сотрудничала Теодора Калинкова, Дмитрий Дмитриевич Николаев и другие²⁷. С 1 июня 1942 г. Ст. Димитров стал официальным штатным консультантом редакции.

Летом 1943 г. Теодора Калинкова была направлена на работу в болгарскую редакцию Московского радио²⁸, а вместо нее с сентября 1943 г. и до февраля 1944 г. на радиостанции «Народен глас» работала Регина Кашер.

В небольшой комнате был установлен второй рабочий стол с радиоприемником. Как и прежде, работа складывалась из прослушивания радиопередач на болгарском, русском, немецком, иногда турецком и других языках. С особым вниманием Ст. Димитров и Р. Кашер следили за передачами болгарской редакции радио Москвы и радиостанции «Христо Ботев». Многие директивные передачи, прозвучавшие по радио Москвы и «Христо Ботев» были повторены радиостанцией «Народен глас». Передачи радиостанций были для Ст. Димитрова основополагающими, особенно в условиях далеко не оперативной связи между Тбилиси и Москвой. Что касается приема на слух редакцией «Народен глас» передач из Москвы, то он проходил часто с большими трудностями — даже здесь радио «Христо Ботев» заглушалось с территории Болгарии. Так как Ст. Димитрову удавалось принимать не все передачи этой радиостанции, 24 ноября 1943 г. в письме к Г. Димитрову он просит сообщать ему указания для ра-

²⁶ Там же, стр. 175—195; Р. К а ш е р-Д и м и т р о в а. Работата на Станке Димитров-Марек в «Народен глас». «Известия на Института по история на БКП», т. XIV. София, 1965, стр. 312.

²⁷ Р. К а ш е р-Д и м и т р о в а. Работата на Станке Димитров-Марек..., стр. 312.

²⁸ Там же, стр. 313, 321.

диостанции «Христо Ботев», а также продолжать пересылку материалов радиопередач этой станции²⁹.

Работа занимала 16—18 часов в сутки, и все же материала часто не хватало для ежедневного более чем двухчасового вещания радиостанции «Народен глас». Ст. Димитров часто жаловался на отсутствие новых интересных фактов, многие материалы, даже директивные, он получал с запозданием — так, статью Г. Димитрова «Кризис в Болгарии» и Обращение Всеславянского комитета он получил через 10 дней после их опубликования. Несмотря на трудности, передачи радиостанции «Народен глас» были настолько оперативными, что даже после определения местонахождения передатчика большинство болгарских слушателей по-прежнему было убеждено в том, что «черный голос» ведет свои передачи из предместий Софии или даже из самого города³⁰.

В своих передачах и комментариях Ст. Димитров не оставлял без внимания ни одного события из внутренней и международной жизни Болгарии и других стран. Ежедневно сообщались комментированные сводки Совинформбюро и международные обзоры, подробно освещался ход боев на Восточном фронте и успехи союзных войск в Африке, Италии, на Тихоокеанском театре военных действий.

С развертыванием успешного наступления Красной Армии передачи радиостанции «Народен глас» становились все эффективнее. В условиях частой оторванности партизанских отрядов от непосредственного и оперативного руководства антифашистским движением, связанной с передвижением партизан, а также осадой партизанских баз карателями, ретрансляция директивных материалов радиостанциями «Христо Ботев» и «Народен глас» на волнах софийского радио становилась часто единственным правдивым источником информации и организатором боевых действий болгарских антифашистов.

Начиная с июля 1942 г. большая часть материалов радиостанции «Народен глас» была посвящена популяризации программы Отечественного фронта в стране. Вслед за радиостанцией «Христо Ботев» она постоянно разъясняла слушателям задачи Отечественного фронта, призвала трудящихся сплотиться в единый лагерь в борьбе против фашизма.

В своих передачах и обращениях к рабочим и крестьянам Болгарии Ст. Димитров призывал саботировать работу на гитлеровскую Германию, прятать продукты, подлежащие отправке на Восточный фронт, оказывать активную помощь партизанам в их справедливой борьбе за освобождение Болгарии. В этих передачах приводились многочисленные примеры и факты беззастенчивого хозяйничанья в стране немецких войск и представителей административно-хозяйственных органов вермахта.

Ст. Димитров разоблачал дутую «великую дружбу», якобы установленную между Германией и Болгарией. В передаче от 10 сентября 1943 г. он приводил факты явно враждебного отношения болгарского народа и армии к солдатам и офицерам немецких войск, расквартированных в Болгарии³¹. В передаче от 13 сентября, рассказывая о положении в Болгарии, он призывал патриотов усилить борьбу против фашистского режима в стране³².

Особое место в передачах радиостанции занимали фельетоны, острые критические материалы, комментирование выступлений фашистских деятелей болгарского правительства. Так, новогодней речи премьер-

²⁹ Там же, стр. 317.

³⁰ Там же, стр. 324.

³¹ Там же.

³² Там же.

министра Болгарии Б. Филова 1 января 1942 г. предшествовало поздравление болгар с праздником Ст. Димитровым, а замечания и реплики, которые он делал в ходе выступления болгарского премьера, свело на нет пафосную речь Б. Филова³³.

Радиостанция передавала материалы и о Советском Союзе. Рассказывала о самоотверженном труде и героизме советских людей на фронте и в тылу, о действиях партизан на оккупированной врагом территории и т. д.

Часть передач радиостанции «Народен глас» была обращена к болгарской интеллигенции и молодежи. Это было особенно важно, ибо в предвоенные и военные годы правительство Болгарии приложило максимум усилий к фашизации страны и в первую очередь молодежи. Интеллигенция Болгарии в своем подавляющем большинстве принимала непосредственное участие в работе политических партий и общественных организаций страны, в формировании общественных и политических взглядов болгарского населения. Участие интеллигенции в деятельности комитетов Отечественного фронта во многом укрепляло антифашистский лагерь в Болгарии.

В связи с опасностью вовлечения болгарской армии в непосредственные боевые действия на стороне Германии, в эфире регулярно звучали передачи, адресованные солдатам, унтер-офицерам и офицерам. Ст. Димитров призывал к немедленному разрыву с фашистской Германией, выводу болгарских оккупационных войск из Греции и Югославии, присоединению армии к антифашистскому партизанскому движению в стране.

Радиостанция передавала специальные материалы для немецких военнослужащих, находившихся в Болгарии. Эти передачи начинались ежедневно в 8 часов 15 минут и длились 15 минут. Их основной задачей была деморализация немецко-фашистских войск. Для подготовки таких передач Ст. Димитров и его товарищи использовали радиопередачи немецких радиостанций, радио «Свободная Германия» и немецкой редакции Московского радио, обращения комитета «Свободная Германия». В передачах радиостанции «Народен глас» на немецком языке рассказывалось о положении в Германии, о разгроме войск союзников гитлеровского вермахта на фронтах Великой Отечественной войны: венгерской армии — на Дону, румынской и словацкой — на Украине, испанского корпуса фалангистов — под Новгородом. В своих обращениях к военнослужащим вермахта Марек умело использовал цифры и факты из сообщений Совинформбюро и ТАСС, письма и обращения немецких военнопленных.

В конце января 1944 г. в Тбилиси прибыл Св. Колев (Сергеев), который должен был заменить Ст. Димитрова. Но еще почти две недели Ст. Димитров помогал Колеву. 10 февраля в эфире прозвучала последняя передача, в которой принимал участие Ст. Димитров³⁴.

Св. Колев работал на радиостанции «Народен глас» вплоть до победы вооруженного восстания, когда 9 сентября 1944 г. в вечернюю передачу теперь уже народного радио Софии, неожиданно вмешался в паузу знакомый «черный голос», который на этот раз тепло поздравил болгарских радиослушателей с победой. Эту последнюю передачу радиостанции «Народен глас» вели Св. Колев и Ф. Козовский³⁵.

Г. Димитрова и сотрудников редакций радиостанций «Христо Ботев» и «Народен глас» постоянно волновал вопрос, насколько эффективна ра-

³³ Там же, стр. 319—320.

³⁴ Там же, стр. 321.

³⁵ «Работническо дело», 8 IX 1958.

диопробанды, которую вели болгарские патриоты с территории Советского Союза, слушает ли их население Болгарии?

Сейчас на основании многочисленных материалов болгарских архивов мы можем заключить, что действенность этих передач, как и передач Московского радио на болгарском языке, была достаточно высокой.

Хотя эфир в тот период был заполнен передачами более чем 10 радиостанций, вещавших на болгарском языке, предпочтение отдавалось радио Москвы, радиостанциям «Христо Ботев» и «Народен глас». Несмотря на жестокий террор и преследования за слушание передач зарубежных радиостанций³⁶, болгарские коммунисты, члены РМС, беспартийные антифашисты регулярно принимали передачи радио Москвы, «Христо Ботев» и «Народен глас» и делали их достоянием десятков тысяч болгарских граждан. Об этом свидетельствуют сотни докладов и рапортов окружных и околийских управлений и отделов полиции, направленных в Главное полицейское управление страны.

В самом начале деятельности радиостанции «Христо Ботев» в одном из полицейских докладов сообщалось: «Некоторые лица, ранее известные как члены коммунистических профсоюзов, БКП и РМС, на основании полученных по радио сведений ведут среди народа агитацию..., восхваляющую успехи Красной Армии»³⁷. Военный министр Болгарии отмечал в это же время, что «в стране широко распространяются разного рода сведения, которые слушают из Москвы, в передачах нелегальных радиостанций „Христо Ботев“ и др. по радиоприемникам в частных домах и общественных местах..., результатом чего является активизация в последнее время деятельности нелегальных групп»³⁸. В правительственных кругах отмечалось, что «передачи... враждебных радиостанций в последнее время осуществляют деятельность, чьи опасные результаты начинают чувствоваться всюду... Изю дня в день через эти радиостанции передаются все более опасные указания коммунистам... Антигосударственные обращения обычно диктуются „черными радиостанциями“ на коротких волнах, а потом размножаются и распространяются у нас»³⁹.

Разведотдел болгарской армии докладывал, что «коммунисты ежедневно получают указания по радиостанции „Христо Ботев“, передачи которой идут на болгарском языке в 22 часа в понедельник, вторник, четверг и субботу на волне 41,60 метров и других...»⁴⁰.

Из разных областей страны полиция сообщала: «Замечается, что почти все коммунисты вечерами собираются рано по домам, где под видом приема гостей обсуждают и комментируют положение, а некоторые имеют радиоприемники и слушают новости радиостанций „Москва“ и „Христо Ботев“»⁴¹.

Все эти доклады лишний раз подтверждают активную деятельность членов партии, ремсисстов, беспартийных агитаторов, распространявших тексты передач радио Москвы, «Христо Ботев» и «Народен глас». Новости и информация, полученные из этих источников, передавались в городах и селах, на фабриках и в учреждениях, в автобусах и трамваях — всюду, где это было возможно⁴².

³⁶ Согласно принятому дополнению к закону о защите государства, виновные в слушании зарубежных радиопередач подвергались штрафу от 50 000 до 500 000 левов, высылке в концлагери и в отдельных случаях — смертной казни.

³⁷ Р. Т. А б л о в а. Там же, стр. 184.

³⁸ Там же, стр. 195.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 179.

⁴² Там же, стр. 186.

В селе Борислав Плевенской околии Петко Выев организовал в местном читальнице систематическое нелегальное прослушивание передач радио Москвы и «Христо Ботев».

Подпольная городская организация РМС в городе Кырджали в 1941—1944 гг., наряду со сбором оружия, продовольствия и одежды для партизан и оказанием помощи политзаключенным, слушала, записывала и распространяла среди городского населения все передачи радиостанции «Христо Ботев»⁴³.

Во многих организациях БРП и РМС, особенно в городах, специально назначались наиболее подготовленные в политическом отношении члены партии и ремсисы для проведения широкой агитационно-разъяснительной работы среди населения определенных кварталов, улиц и районов⁴⁴.

Можно привести сотни фактов героической пропагандистской деятельности болгарских антифашистов среди солдат болгарской армии, в селах, в гимназиях и училищах.

Агитаторы и пропагандисты помещали сводки Совинформбюро и другие материалы в «Информационных бюллетенях», молодежных, партийных и прогрессивных нелегальных газетах, листовках и обращениях⁴⁵. Тиражи их были небольшими, выходили они нерегулярно, но это был еще один путь донести правдивую информацию радиопередач до широких слоев болгарского населения, в особенности сельского.

Передачи радио Москвы и «Христо Ботев» слушали нелегально даже в концентрационном лагере Крысто поле, в который болгарским ятакам⁴⁶ удалось незаметно пронести небольшой радиоприемник. Слушание радиопередач продолжалось в лагере вплоть до его расформирования в 1943 г.⁴⁷

Не менее эффективными были передачи радиостанции «Народен глас». Об этом также свидетельствуют многочисленные документы болгарских архивов.

Через пять дней после начала работы этой радиостанции один из полицейских агентов докладывал: «12 октября 1941 г. в кафе кооперации на станции Раковский группа местных жителей слушала сообщение правительственного радио. В это время в действие вступила неизвестная радиостанция... Она работала одновременно с передачей последних известий из Софии. Станция начала клеймить наше правительство и Германию. Некоторые из слушателей аплодировали неизвестному комментатору»⁴⁸.

Согласно рапортам местных отделений полиции, осенью 1941 г. «„черный передатчик“ с полуострова Крым», работавший на волнах радио Софии, слушали жители Неврокопской околии, Асеновграда, Кырджали, в Девине, Родопах, причем передачи «Народен глас» были настолько неожиданными, что напугали асеновградскую полицию⁴⁹.

«В 19 часов 45 минут, когда радиостанция Софии передавала выпуск новостей, заговорила и другая радиостанция, на этой же волне, вещавшая „на изменническом языке“. Во время сообщения радио Софии о победах немецких войск и потерях большевиков „черный передатчик“ спросил: „А почему вы не говорите о потерях немцев?“. Когда последовало сообщение о сроках окончания выплаты налогов, голос поинтересовался: „И до какого времени будем еще платить?“. После прекращения передач

⁴³ Там же, стр. 188.

⁴⁴ «Героично поколение», кн. II. София, 1958, стр. 243, 275—276.

⁴⁵ Достаточно сказать, что в годы второй мировой войны в Болгарии выходило (до 9 сентября 1944 г.) более 140 нелегальных рукописных, печатных и прочих газет, бюллетеней и других изданий. В. К о в а ч е в. Нелегалният периодичен печат...

⁴⁶ Ятаки — помощники и связные болгарских партизан.

⁴⁷ Р. Т. А б л о в а. Там же, стр. 191.

⁴⁸ Там же, стр. 183.

⁴⁹ Там же.

радио Софии, эта радиостанция продолжала передавать на волнах Софийского радио», — докладывала полиция Павликена осенью 1941 г.⁵⁰

Комментарии и реплики радиостанции «Народен глас» очень беспокоили командование болгарской царской армии, в частях которой были радиоприемники и солдаты официально могли слушать ежедневные передачи правительственного радио Софии, а вместе с ними и передачи «черной радиостанции»⁵¹.

Бургасское управление полиции докладывало в ноябре 1943 г., что среди населения «паступило большое беспокойство... в связи с передачами „черной радиостанции“, которая передает на волнах радио Софии... причем „черному голосу“ верят...»⁵².

Полицейский начальник из Дрянова сообщал примерно в то же время, что «черный радиопередатчик», работавший на волнах Софии, продолжает звучать в районе. Подобные доклады стекались в Софию из полицейских управлений Свиштова и Варны, Плевена и многих других околий, оглушении передач просила специально созданная организация по борьбе с коммунистической опасностью «Продуч»⁵³.

Страхи и опасения полицейских управлений самых отдаленных околий Болгарии были не случайны. С самых первых передач и до победы вооруженного восстания 9 сентября 1944 г. болгарские антифашисты записывали и распространяли передачи радиостанций Москвы, «Христо Ботев» и «Народен глас», донося до трудящихся страны голос правды и свободы.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, стр. 182.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, стр. 183.

А. З. НЮРКАЕВА

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СЕРБСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX в. сложились объективные и субъективные условия для создания партии рабочего класса Сербии. Процесс образования партии происходил в острой идейной борьбе. В современной историографии более полно отражены вопросы организационной борьбы в период формирования Сербской социал-демократической партии (ССДП)¹. Идеологическая борьба ССДП исследована недостаточно². Между тем она имела решающее значение для пролетарской партии.

В идеологической борьбе, развернувшейся в социалистическом движении Сербии на рубеже двух веков, на первый план выступали вопросы о характере рабочего движения, о взаимоотношении партии и профсоюзов, о стратегии и тактике. В период создания партии вставали национальный и аграрный вопросы, которые достаточно освещены в литературе³ и поэтому не рассматриваются здесь.

Роль коллективного пропагандиста, агитатора и организатора рабочего класса Сербии сыграла газета «Радничке новине», выходящая с 5 января 1902 г. Более последовательную пропаганду марксизма «Радничке новине» развернула с 8 апреля 1902 г., когда марксистское течение одержало победу в редакции газеты, а ее главным редактором был избран Р. Драгович.

Деятельность «Радничке новине» в 1902—1903 гг. была направлена на создание самостоятельной партии, формирование классового сознания сербского пролетариата, идейное и организационное размежевание с оп-

¹ С. Димитријевић. Предговор к књ. «Р. Драговић. Избор члавака». Београд, 1954; В. Ђорђевић. Борба за стварање Српске социјалдемократске партије (1870—1903). «Српска социјалдемократска партија. Научни скуп посвећен педесетогодишњици смрти Димитрија Туцовића, одржан у Београду 18, 19 и 20 новембра 1964 г.». Београд, 1965; Р. Смилковић. Борба Димитрија Туцовића за револуционарну партију у Србији почетком XX в. Там же; В. М. Поваляев. Революционная деятельность Р. Драговича в период создания Сербской социал-демократической партии. «Вопросы истории славян», вып. 1, Воронеж, 1963.

² Р. Јеш ић. Идеолошко-политичке струје у радничком покрету Србије 1902—1914 гг. «Токови револуције», т. 4, Београд, 1969.

³ V. Strugar. Socijalna demokratija o nacionalnom pitanju jugoslovenskih naroda. Beograd, 1956; Ж. Јовановић. Српска социјалдемократска партија према селаштву 1903—1914 гг. «Токови револуције», т. 4, Београд, 1969; Т. Е. Зюзюкина. К вопросу о работе Сербской социал-демократической партии в деревне (по материалам «Радничке новине»). «Славянская историография и археография», М., 1969; Е. Е. Же. Работа ССДП в массах (1903—1912 гг.). «Славяне и Россия». М., 1972.

портунизмом. Показательна в этом отношении статья Р. Драговича «Экономическая и политическая борьба», в которой Р. Драгович писал о преимущественном значении форм политической борьбы. «Политическая революция, — отмечал он, — есть самое сильное средство для достижения общественного переворота, в результате которого пролетариат становится господствующим классом»⁴.

В 1903 г. была создана Сербская социал-демократическая партия. Яркий защитник синдикалистских тенденций в сербском рабочем движении М. Попович писал по этому поводу: «...ошибочным было само основание партии. Я всегда был против этого»⁵.

Создание партии явилось крупной победой сербских марксистов, победой, ознаменовавшей рост революционной тенденции, поворот масс к идее политической борьбы, а принятая на I съезде социалистическая программа партии означала признание принципов классовой борьбы в социалистическом и рабочем движении.

II съезд ССДП (1904 г.) принял новый устав, который закреплял победу марксистского крыла в борьбе за революционный характер партии и классовые принципы рабочего движения. Особое значение в идейной борьбе с оппортунизмом имела резолюция II съезда о печати, запрещавшая издание любых партийных газет без разрешения Главного Правления партии и без его контроля⁶.

Если до образования ССДП усилия революционных социалистов были направлены на признание и утверждение классового принципа пролетарского движения и на этой основе создания самостоятельной революционной партии рабочего класса, то с момента возникновения партии на повестку дня рабочего движения были поставлены вопросы о связи политической и экономической борьбы, партии и профсоюзов, о единстве рабочего класса. От их решения зависели место и роль партии и профсоюзов в пролетарском движении. Они определяли исход борьбы с оппортунизмом «слева». «Ревизионизм слева», или, по определению В. И. Ленина, «революционный синдикализм»⁷ обрисовался во многих странах. К ним относились и страны Юго-Восточной Европы, в том числе и Сербия. Мелкобуржуазный характер капиталистического развития Сербии, особенности структуры ее пролетариата, в частности отсутствие рабочей аристократии и преобладание полуремесленного пролетариата, который составлял 70% от общего числа рабочих, объективно благоприятствовали гораздо большей устойчивости в этой стране синдикализма в рабочем движении.

Результаты идеологической борьбы во многом зависели от процесса завоевания марксистским крылом ССДП на свою сторону рабочих и приближения к классовой борьбе. В условиях разгула реакции в начале XX в. марксисты стали бороться за возрождение рабочих организаций. По инициативе Р. Драговича 6 марта 1901 г. было создано «Белградское рабочее общество», которое в момент основания насчитывало 10 членов, к 1 июля 1901 г. — уже 316, а к концу 1901 г. — 576 членов⁸. Секретарем «Белградского рабочего общества» стал К. Иованович, один из лидеров правых социалистов, на второй сессии общества 14 января 1902 г. и на третьей сессии 19 января 1903 г. секретарем был избран

⁴ «Радничке новине», № 24, 15 X 1902.

⁵ «Дела Милорада Поповића», св. 1—2, Београд, 1910, стр. 34. Письмо Д. Лапчевичу от 28 марта 1904.

⁶ «Српска социјалдемократска партија. Грађа (1901—1905)». Београд, 1966, стр. 205.

⁷ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 25.

⁸ «Радничке новине», № 3, 19 I 1902.

Д. Туцович. «Белградское рабочее общество» совместно с «Радничке новине» распространяло социалистическую литературу и пропагандировало социалистические идеи среди рабочих, несмотря на то, что оно являлось культурно-просветительной организацией, весьма пестрой по своему социальному составу. Аналогичные рабочие общества возникли в 1902 г. в Ягодине, Крушевце, Пироте⁹. В 1903 г. таких обществ в Сербии насчитывалось уже 27¹⁰, а накануне II съезда Главного рабочего союза (ГРС) в марте 1904 г. их стало 32¹¹.

Параллельно с этими рабочими организациями создавались профсоюзы: в 1901 г. возникло 6 профсоюзов, в 1902 г. — 3, в 1903 г. — 8. К марту 1904 г. насчитывалось 17 профсоюзов, объединявших 2932 члена¹². Профсоюзы образовывались не по производственному, а по территориальному принципу, с одной стороны, и узко цеховому, профессиональному, — с другой.

Возникновение профсоюзов в Белграде было не случайным. Оно определялось более высокой степенью развития самого белградского пролетариата и его борьбы. Среди менее сознательного провинциального пролетариата идея создания профсоюзов в первые годы XX в. не нашла поддержки, здесь в основном популярностью пользовались рабочие общества. Бесспорно, рабочие общества сыграли положительную роль как первичные ячейки организации рабочего класса, но в условиях приобщения сербского пролетариата к классовой борьбе и роста революционного профессионального движения они изжили себя, ибо были слабыми и небоеспособными организациями. Именно о них в отчете правления ГРС II съезду профсоюзов говорилось, что «исключая небольшое число профсоюзных организаций, все остальные рабочие организации, особенно в провинции, свели цель своей работы только к внесению изменений и дополнений в правила и переизбранию правлений»¹³.

Борьба течений в массовом рабочем движении достигла наивысшего накала в 1904 г. Объективные задачи революционного развития поставили в центр внимания параллельно работавших в марте 1904 г. съездов ССДП и ГРС вопрос о профсоюзах, докладчиком по которому был Д. Туцович. На II съезде профсоюзов К. Йованович высказался за создание сильных профсоюзов, которые, по его мнению, «являются наилучшей основой для борьбы рабочего класса» и «могут быть носителем и политической программы рабочего движения»¹⁴. На партийном съезде В. Росич, один из основателей «Ново време», протестовал против влияния партии на работу в профсоюзах¹⁵. Сербские оппортунисты выступали против партии, стремились изолировать массовое движение от социалистического, проповедуя в нем синдикализм.

Д. Туцович в докладе «О профсоюзных организациях» разоблачил идейную несостоятельность идеологии «нейтрализма» в сербском рабочем движении. Он отстаивал политический характер профессионального движения, связь его с социалистическим движением: «...наивно желать вести экономическую борьбу без политической. Сейчас нет ни одной

⁹ «Први конгресс Српске социјалдемократске партије и Главног Радничког савеза (1903)». Београд, 1953, стр. 41 (далее — «Први конгресс ССДП и ГРС»).

¹⁰ «Синдикални покрет у Србији, Хрватској, Славонији и Боснији и Херцеговини према извештајима главних савеза синдиката међународном синдикалном савезу (1903—1912 гг.)». Београд, 1950, стр. 12.

¹¹ «Синдикални покрет у Србији (1903—1919)». Београд, 1958, стр. 5.

¹² Там же, стр. 5, 205.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 86—87.

¹⁵ «Српска социјалдемократска партија. Грађа (1901—1905)», стр. 209.

страны, где... рабочий класс вел бы экономическую борьбу без политической»¹⁶.

Исходя из политического характера профессионального движения и общности целей борьбы профсоюзов и социал-демократии, Д. Туцович проводил идею тесного сближения и контактов профсоюзов и партии. Он отмечал, что профессиональное и социалистическое движение имеют одну цель и направлять их нужно на взаимопомощь друг другу¹⁷. «Между нашими профсоюзами и партией,— продолжал Туцович,— существует гармония и нам необходимо ее дальше поддерживать и развивать. А люди, которые провозглашают нейтральность профсоюзов догмой, подрывают эту гармонию и на деле служат намерениям наших противников»¹⁸.

Д. Туцович отмечал также необходимость организационной перестройки профсоюзов. В основу дальнейшего и успешного развития профсоюзного движения он выдвинул три принципа: во-первых, идею создания единых централизованных профсоюзов с центральным руководством и кассой, а на местах — образования подкомитетов и филиалов; во-вторых, управления профсоюзными организациями на демократических началах; в-третьих, самостоятельность профсоюзных организаций¹⁹. Стало быть, при реорганизации сербского профсоюзного движения Д. Туцович учитывал принцип централизма, демократизма и автономии профсоюзов. Выдвинутые Туцовичем организационные принципы были приняты профсоюзным съездом, резолюция которого запрещала «создание маленьких, слабых, не способных к борьбе и взаимопомощи самостоятельных местных профессиональных организаций» и требовала развития «централизованных профсоюзных организаций с союзными группами на местах»²⁰. II съезд ГРС, отстаивая создание сильных централизованных профсоюзов и их активную борьбу за классовые интересы пролетариата, тем самым утверждал боевой революционный характер профсоюзов и их приверженность к политической борьбе.

Большинство делегатов II съезда ГРС поддержали принципиальные положения доклада Д. Туцовича. Например, С. Савич, столяр, руководитель партийной организации г. Ниша, горячо говорил о необходимости классового характера профессионального движения: «Я думаю, что профсоюзные организации должны воспитывать своих членов в социалистическом духе. Я, следовательно, за то, чтобы, помимо создания профсоюзов, участвовать и в политическом движении»²¹. М. Проданович, основатель профсоюза рабочих по обработке кожи, также выступил за единство профессиональной и политической борьбы: «Я не могу согласиться с тем, чтобы профсоюзы отделять от политики...»²².

После II съезда продолжалась борьба течений по вопросу о характере профсоюзов и их взаимоотношений с партией. М. Попович в брошюре «Пусть слушает и вторая сторона» подверг критике руководителей ССДП и развил идеи нейтрализма, изложенные им ранее в статье «Профсоюзы и рабочая партия», провозглашая примат экономической борьбы, а следовательно, и профсоюзов перед партией: «...всюду на европейском континенте сила социальной демократии как политической партии развивалась на базе роста рабочих профсоюзных организаций»²³. Выступая

¹⁶ «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. 3. Београд, 1950, стр. 46 (далее — «Историјски архив КПЈ...»).

¹⁷ Там же, стр. 42.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 55.

²¹ «Синдикални покрет у Србији (1903—1919)», стр. 89.

²² Там же.

²³ «Српска социјалдемократска партија. Грађа (1901—1905)», стр. 335.

против политического, социалистического характера профсоюзов, М. Попович писал: «Вместо того, чтобы направить рабочих на экономическую борьбу, а затем на политическую, которая развивается из экономической борьбы, у нас сразу ударились в самую широкую политическую деятельность. Между тем политическая деятельность предполагает наличие большого числа образованных, способных рабочих, а этого без профсоюзных организаций невозможно достичь»²⁴.

Именно в ответ на эту брошюру, которая извращала идейные принципы массового рабочего движения, принижала рабочий класс и способность его к политической борьбе, появилась 30 октября 1904 г. в «Радничке новине» статья Д. Туцовича «Профсоюзы и партия». В ней Д. Туцович, опираясь на работу К. Маркса «Нищета философии», на «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, на резолюцию Лондонского конгресса о профсоюзах, полностью раскрыл идейную несостоятельность синдикалистских взглядов М. Поповича.

Необходимость политического характера рабочего движения, разъяснял Туцович рабочим, диктуется конечными целями его борьбы. Чисто экономическая борьба, по мнению Туцовича, приводит к тому, что рабочие «тяжело приобщаются к сознанию о совместных интересах всего рабочего класса» и «теряют чувство солидарности с рабочими остальных профессий»²⁵. Чтобы преодолеть эти естественные недостатки рабочего движения, «необходимо раньше профсоюзов развить независимую рабочую партию, которая организует в единое целое рабочих всех профессий и воспитает их для принципиальной классовой борьбы»²⁶.

Дискуссия по принципиальным вопросам профсоюзного движения развернулась на конференции всех профсоюзных правлений в Белграде 14 и 18 октября 1904 г. С защитой теории «нейтрализма» выступил М. Попович, а точку зрения ССДП и ГРС о неразрывной связи организаций рабочего класса отстаивали Д. Туцович и Д. Лапчевич. О результатах этой конференции в отчете III съезду ССДП (1905 г.) говорилось: «Эта конференция решила борьбу в пользу партии и профсоюзов, в пользу единства их...»²⁷.

Идеологическая борьба по вопросу о профсоюзах сопровождалась также фракционной деятельностью оппортунистов, о чем свидетельствует создание общества «Ново време» в октябре 1904 г. Важнейшую роль в борьбе с «нововременцами» играла газета «Радничке новине». В 1904 г. на ее страницах были опубликованы два раздела из работы В. И. Ленина «Что делать?»²⁸, где вскрывалась сущность, характер оппортунизма и определялись задачи идеологической борьбы социал-демократии на международной арене. Идеино обогатившись, революционное крыло ССДП решительно встало на путь размежевания с оппортунизмом. Идеологическую борьбу сербских марксистов с «нововременцами» возглавлял Р. Драгович. На страницах «Радничке новине» он опубликовал ряд важных статей: «Перед новым явлением», «Буржуазия и раскол», «Раскол и организация», «Интеллигенция и дисциплина», «Цена критики» и т. д.²⁹. Выступая против синдикалистской идеологии «нововременцев», Р. Драгович писал в статье «Цена критики»: «Нет сомнения, что профессиональная борьба — сильнейший фактор в рабочем движении, но только лишь тогда, когда она становится классовой борьбой... Профессиональная борьба,

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 346.

²⁶ Там же, стр. 347.

²⁷ Там же, стр. 409.

²⁸ «Радничке новине», № 100, 11 XII; № 103, 25 XII 1904.

²⁹ Там же, № 97, 98, 99, 100, 102 за 1904 г.

которая охватывает определенные категории рабочих по профессиональным интересам, еще не носит классового характера, следовательно, это еще не классовая борьба»³⁰. Р. Драгович страстно защищал классовый характер борьбы рабочего класса, а взаимосвязь и единство партии и профсоюзов он называл «путеводной нитью рабочего движения»³¹.

Таблица 1

Год	Профсоюзы	Подкомитеты	Филиалы	Члены
1903	17	5		1761
1904	18	60	3	2932
1905	19	83	3	5074
1906		61	9	5350

В движении «нововременцев» слились силы правых и левых оппортунистов, поэтому борьба против них была длительной, непримиримой и имела особое значение, так как отстаивала чистоту рабочего движения от ревизии справа и слева. Борьба против правых оппортунистов и синдикалистов продолжалась до 1905 г., пока III съезд ССДП не утвердил решение партийного суда от 17 декабря 1904 г. об их исключении. В дискуссии на III съезде ССДП выступил 31 делегат, из них 20 подвергли самой резкой критике «Ново время»³².

Основные идеи о классовой сущности и задачах профсоюзного движения, его взаимоотношениях с партией, развитые Д. Тузовичем в докладе на II съезде профсоюзов и статьях, сербские профсоюзы полностью признали и практически стали ими руководствоваться, начиная с III съезда ГРС, проходившего 6—7 июня 1905 г. в Крагуеваце. Здесь была принята «Резолюция о единстве движения», провозгласившая принцип единства и взаимосвязи всех форм борьбы рабочего класса главным принципом в рабочем движении³³.

В идеологической борьбе с «нейтрализмом» марксистское направление ССДП шло в ногу с международным движением и испытало его влияние: не случайно Д. Тузович в своей полемике с М. Поповичем дважды ссылался на решения Лондонского конгресса, кроме того, эта борьба велась во время работы Штутгартского конгресса, покончившего с нейтральностью профсоюзов.

На основе решений II съезда ГРС в течение 1904 г. было ликвидировано 18 рабочих обществ во главе с «Белградским рабочим обществом»³⁴; вместо них стали создаваться централизованные профсоюзы с подкомитетами и филиалами на местах. Централизованные профсоюзы по своей организационной сущности были отраслевыми, их создание имело большое значение для рабочего движения Сербии, ибо было положено начало более совершенной организационной форме профсоюзов, построенных по производственному принципу. О росте организаций профессионального движения после II съезда свидетельствует табл. 1³⁵.

³⁰ Там же, № 102, 18 XII 1904.

³¹ Там же.

³² См. протокол III съезда ССДП в кн. «Српска социјалдемократска партија. Грађа (1901—1905)», стр. 437—439, 444.

³³ «Синдикални покрет у Србији (1903—1919)», стр. 154.

³⁴ Там же, стр. 11, 16.

³⁵ Источники: «Синдикални покрет у Србији (1903—1919)», т. I, кн. 3. Београд, 1962, стр. 88—106, 109—115; там же, т. I, кн. I, Београд, 1958, стр. 424, 435; Р. Драгович. Избор чланака. Београд, 1954, стр. 128.

Материалы таблицы, особенно членство в профсоюзах, свидетельствуют о неуклонной тенденции роста профессионального движения после II съезда. На основе роста числа подкомитетов и филиалов можно судить, в какой мере новые формы организации профессионального движения прививались в Сербии: решающим в этом плане был 1904 год. Данные таблицы говорят и о том, что в течение 1904—1906 гг. в Сербии стабилизировались централизованные профсоюзы как ведущая форма профсоюзного движения. Утверждение централистского и отраслевого принципов в построении профсоюзов были следствием упорной борьбы марксистов с оппортунистами по этому вопросу. Если до 1904 г. в идеологии, принципах и путях развития профессионального движения сильно проявлялись оппортунистические, главным образом синдикалистские, идеи, то принятые в 1904—1905 гг. новые идеологические и организационные принципы создавали предпосылки для господства социалистического духа и перевеса влияния марксистского крыла в организованном массовом движении. Хотя синдикализм полностью не был искоренен в сербском предвоенном рабочем движении, о чем свидетельствует его оживление в 1908 и 1911 гг., тем не менее именно с 1904—1905 гг. доминирующее положение в рабочем движении приобрели принципы политической классовой борьбы и более совершенные организационные формы.

Интересы двух направлений в рабочем движении столкнулись и в решении вопросов тактики, которая определяла характер политики рабочей партии и ее организационную прочность. Борьба марксистов за подлинную независимость рабочей партии на практике означала крупный шаг к освобождению рабочего класса от радикально-буржуазной идеологии и связанных с ней иллюзий о возможности коренного улучшения положения пролетариата в рамках капиталистической системы. Устойчивость мелкобуржуазных иллюзий среди сербских рабочих зависела от влияния буржуазной идеологии, которая, по определению В. И. Ленина, «гораздо старше, чем социалистическая», «более всестороннее разработана», «обладает неизмеримо большими средствами распространения»³⁶. Именно поэтому задача борьбы за принципы марксистской стратегии и тактики, классически сформулированная в «Коммунистическом Манифесте»: «в движении сегодняшнего дня» уметь видеть и защищать «будущность движения»³⁷, для ССДП была первостепенной.

Избирательную систему Сербии начала XX в. регулировал избирательный закон от 5 июня 1903 г., в основу которого был положен имущественный ценз. Статья 10 предоставляла право избирать в Народную Скупщину гражданам, достигшим 21 года и платившим не менее 15 динаров прямого налога в год³⁸. В 1901 г. в Сербии было населения 2 535 956 человек³⁹, из них налогоплательщиков 619 544 человека⁴⁰ или 24%. Из числа налогоплательщиков 215 906 человек платили прямой налог до 10 динаров в год и 110 827 человек — от 10 до 25 динаров⁴¹. Следовательно, большинство налогоплательщиков лишалось избирательного права. Рабочая статистика свидетельствует, что 95% сербского пролетариата были лишены права голоса⁴². Прямые налоги, взятые за критерий для права голосо-

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 41.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М., 1948, стр. 99.

³⁸ С. Ђагуљ. Сиротињски цензус. Борба Српске социјалдемократске партије за опште право гласа. Београд, 1950 стр. 15.

³⁹ «Статистички годишњак Краљевине Србије». књ. II. Београд, 1911, стр. 229.

⁴⁰ С. Ђагуљ. Там же, стр. 17.

⁴¹ Там же.

⁴² «Радничке новине», № 91, 20 IV 1912.

вания, дали в бюджет 1900 г. 32,4% дохода, а косвенные налоги, выплачиваемые всеми гражданами страны, принесли 49,2% дохода⁴³.

Против политического бесправия народа, в первую очередь рабочего класса, ССДП должна была повести решительную борьбу, чтобы привлечь народ на свою сторону и разоблачить буржуазную политику. С момента перехода рабочего движения на путь сознательной и организованной борьбы в 1901—1903 гг. и оформления партии рабочего класса впервые на повестку дня политической жизни Сербии был поставлен рабочий вопрос. Господство консервативной политики в рабочем вопросе было обусловлено рядом факторов: слабым развитием капитализма, политической реакцией в стране, слабым развитием рабочего движения. Активная борьба рабочего класса под руководством ССДП за свои экономические и политические права вынудила сербскую буржуазию использовать частично и методы «либерализма». Вопрос о частичных уступках рабочему движению был поставлен в 1904 г., когда под его давлением Министерство народного хозяйства вынуждено было создать комиссию для выработки проекта рабочего законодательства, куда, наряду с представителями от правительства, вошли и рабочие: М. Илич — от ССДП, Р. Драгович и Д. Лапчевич — от газеты «Радничке новине», Л. Павичевич — от Главного рабочего союза⁴⁴.

В период образования партии сербский пролетариат вырабатывал лишь первоначальные принципы своего отношения к буржуазному государству, его учредительным органам и к буржуазным партиям. Революционному крылу рабочего движения, чтобы приобщить рабочий класс к политической активности, пришлось бороться с оппортунистическими извращениями. Согласно общей концепции отрицания самостоятельности рабочего движения, оппортунисты стояли за соглашение с радикальными буржуазными партиями в политической борьбе. Наиболее подходящей для такого политического компромисса партией оппортунисты считали независимую партию, выделившуюся в 1901 г. из радикальной. В общинных выборах 1902 г. независимая партия действительно предложила социалистам выдвинуть общий список кандидатов оппозиции и за голоса рабочих обещала им 11 мест в городском правлении Белграда⁴⁵. При обсуждении этого предложения правое и левое крыло социалистов резко размежевались. В редакционной статье от 25 мая 1902 г. «Радничке новине» писала: «Заключение компромисса с независимыми радикалами означает, что белградские рабочие понесут на своих плечах собственных противников и дадут независимым радикалам, которые оставили в Скупщине без внимания рабочую петицию, политическую жизнь и признание»⁴⁶. Далее разъяснялось рабочим, что такой компромисс компрометировал бы «сам революционный характер рабочего движения» и показал бы, что рабочие «не сознают своего положения и исторических задач, которые должны совершить»⁴⁷. В следующем номере «Радничке новине» вновь посвятила большую статью вопросу о выборах, в которой марксистское крыло детально анализировало позиции независимых радикалов и открыто заявило, что социальная и буржуазная демократия имеют противоположные требования, поэтому не может быть и речи о соглашении между ними⁴⁸.

⁴³ «Историјски архив КПЈ...», стр. 167.

⁴⁴ «Синдикални покрет у Србији (1903—1919 г.)», стр. 3—4.

⁴⁵ «Радничке новине», № 22, 1 VI 1902.

⁴⁶ Там же, № 21, 25 мая 1902.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, № 22, 1 VI 1902.

В ответ на обе статьи М. Попович прислал в июне 1902 г. из Будапешта письмо, в котором выступал против позиции марксистского крыла, называл «предательством» его отказ от сотрудничества с независимой партией и защищал соглашательскую политику с буржуазными партиями⁴⁹.

Марксистское крыло не могло пойти на соглашение с независимыми радикалами в той конкретной исторической обстановке, ибо этот компромисс, как правильно оценил Р. Драгович, в действительности содействовал бы росту политического капитала только что родившейся мелкобуржуазной партии. В такой стране, как Сербия, где имелась сильная мелкобуржуазная среда, компромисс принес бы урон пролетарской партии, а главное — содействовал бы упрочению иллюзий в рабочем движении относительно форм и методов борьбы за политические права. Перед сербскими марксистами в то время встали важнейшие задачи — борьба против мелкобуржуазной идеологии в рабочей среде и приобщение масс к социализму. В условиях Сербии их невозможно было решить без борьбы за чистоту марксизма в теории и практике рабочего движения. Сербские марксисты осознавали специфические условия своей страны. Об этом свидетельствует позиция «Радничке новине» и I съезда ССДП, который в связи с предстоящими выборами в Скупщину 8 сентября 1903 г. рассмотрел избирательный вопрос. Учредительный съезд принял решение выступить на парламентских выборах совершенно самостоятельно без каких-либо связей с буржуазными партиями⁵⁰.

Принцип независимой политики партии был подтвержден и II съездом, на котором был заслушан реферат председателя ССДП Н. Величковича «Выборы и компромиссы». Докладчик и партийный съезд в принципе не отрицали компромиссы, но считали, что в условиях Сербии партия рабочего класса не может их использовать. Главная причина этого, как отмечала резолюция съезда, — низкое сознание сербских рабочих, которые были еще не способны «воспринимать компромиссы как практическую меру в избирательной борьбе». Поэтому съезд запрещал ССДП вступать в выборные компромиссы и обязывал членов ССДП голосовать только за кандидатов своей партии⁵¹.

Первые шаги молодой ССДП в разработке принципов собственной тактики совпали по времени с постановкой этого же вопроса и в международном социалистическом движении. «Казус Мильерана» привел в движение социалистов всех стран и обострил борьбу течений по вопросам тактики. Накануне и в период Амстердамского конгресса исход этой борьбы был предрешен в пользу левых сил, чему способствовала критика и непримиримая борьба с «мильеранизмом» В. И. Ленина, Р. Люксембург, К. Либкнехта, К. Цеткин и других революционеров. Борьба выдающихся марксистов с «мильеранизмом» была активно поддержана РСДРП, СПФ, а также дрезденским съездом СДПГ, болоньским съездом ИСП. «Мильеранизм» полностью дискредитировал себя своей практической деятельностью в глазах рабочих. В. И. Ленин в 1908 г. писал: «Французский мильеранизм — самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно национальном масштабе, — дал такую практическую оценку ревизионизма, которую никогда не забудет пролетариат всего мира»⁵².

Борьбу революционных марксистов за принципы социалистической тактики на Амстердамском конгрессе поддержала и сербская социал-

⁴⁹ «Дела Милорада Поповића», стр. 40.

⁵⁰ «Српска социјалдемократска партија. Грађа (1901—1905)», стр. 87.

⁵¹ Там же, стр. 203.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 23.

демократия, которую наряду с болгарской партией «тесняков» представлял К. Раковский. Работа Амстердамского конгресса и ход дискуссии на нем широко освещались ССДП на страницах «Радничке новине» в 1904 г. Высоко оценивала ССДП значение решений конгресса для пролетарской борьбы в мире вообще и в Сербии в особенности. В отчетном докладе III съезду партии отмечалось: «Интернациональный конгресс оставил большой след, а своим решением о тактике он внес неоценимый вклад в дело борьбы пролетариата»⁵³. «Необходимо,— подчеркивалось в решении III съезда ССДП,— чтобы сербские рабочие всегда имели в виду это решение Амстердамского конгресса и им руководствовались»⁵⁴.

Именно в свете решений Амстердамского конгресса и для определения собственных задач по вопросам тактики сербская социал-демократия поставила на повестку дня III съезда реферат В. Стояновича «Дисциплина и тактика». Принятая III съездом резолюция по этому вопросу закрепляла самостоятельность политической тактики сербской социал-демократии. Она запрещала соглашения и компромиссы ССДП с любой буржуазной партией⁵⁵. Основой успешной независимой экономической и политической деятельности партии резолюция провозглашала единство в партии, которое она называла «самым мощным фактором» в деле освобождения пролетариата⁵⁶. Эта тактика способствовала защите идейной чистоты образовавшейся партии и гарантировала подлинную независимость рабочего класса в борьбе за политические права и представительство в выборных органах буржуазного государства.

На парламентских выборах 1903 г. ССДП выдвинула своих кандидатов и агитировала за них в районах с развитым рабочим движением, игнорируя крестьянское население и часть провинциального пролетариата. Эта ошибка ограничила рост влияния партии среди широких слоев трудящихся. Первый урок парламентских выборов заставил задуматься сербскую социал-демократию над выдвижением списков социалистических кандидатов не только в городах, но и округах. Но в решении этого вопроса не было единодушия в партии. Одно направление во главе с Д. Лапчевичем считало опорой социалистического движения только пролетариат. «Пролетариат — это область нашей работы и в этой области мы должны вести свою работу», — писал Д. Лапчевич в апреле 1904 г.⁵⁷. Крестьянство он определял как консервативную и реакционную массу, поэтому проведение социалистической агитации и избирательной кампании среди нее он считал для социал-демократии «вредными»⁵⁸. Исходя из этой концепции, Д. Лапчевич предложил для II съезда ССДП резолюцию, предусматривающую проведение социалистической агитации и выдвижение окружных списков кандидатов в районах только «с чистым пролетариатом»⁵⁹. Резолюция Лапчевича не рассматривалась вторым съездом, но как дискуссионная была опубликована 17 и 21 апреля 1904 г. в «Радничке новине». Взгляды Д. Лапчевича на роль пролетариата и крестьянства в социалистическом движении вообще, и избирательной борьбе в частности, сформировались под влиянием трудов К. Каутского «Принципы социальной демократии» и «Аграрный вопрос»⁶⁰.

Оппонентом Лапчевича выступил М. Б. Янкович. В обширной статье «Выборы в округах», опубликованной в октябре 1904 г. в «Радничке но-

⁵³ «Српска социјалдемократска партија. Грађа (1901—1905)», стр. 406.

⁵⁴ Там же, стр. 407.

⁵⁵ Там же, стр. 430.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 255.

⁵⁸ Там же, стр. 253.

⁵⁹ Там же, стр. 256.

⁶⁰ Там же, стр. 253, 255.

вине», М. Янкович подверг резкой критике взгляды Д. Лапчевича, считая их ошибочными⁶¹. Участие ССДП в окружных выборах Янкович считал принципиально важным вопросом, определяющим «направление всей будущей работы партии на селе»⁶². Оценивая избирательную тактику как важнейшее средство социалистической агитации, Янкович выступал за участие ССДП в выборах по округам. «Наша работа в городах, — писал он, — не достигнет очевидных результатов до тех пор, пока потребности движения не толкнут нас в округа»⁶³.

В 1905 г. в связи с приближавшимися выборами в Скупщину вопрос борьбы за политические свободы, за право участвовать в выборах народных представителей не только в городе, но и в округе, был поставлен особенно резко. Не случайно именно в этот период, 15 января 1905 г., сербские марксисты в Крагуевацком партийном органе «Радник» опубликовали из работы В. И. Ленина «К деревенской бедноте»⁶⁴ вторую главу, в которой В. И. Ленин ставил перед социал-демократией задачу привлечения широких масс рабочих и крестьян к избирательной борьбе за политические свободы и право представительства в буржуазных органах власти.

III съезд ССДП рассмотрел вопрос об участии партии в выборах по округам. Председатель Главного рабочего союза Л. Павичевич в своем реферате развил мысль, что опорой ССДП является в первую очередь городской, промышленный пролетариат, а затем — сельскохозяйственный. Но так как городской пролетариат, по его мнению, был недостаточно организован, имел слабое классовое сознание, а сельский был «еще не способен воспринимать социалистическое учение», то Л. Павичевич считал преждевременным как участие в окружных выборах, так и создание организации ССДП среди сельского пролетариата⁶⁵. В обсуждении реферата участвовало 14 делегатов, из которых 6 высказались за участие в выборах по округам, а 8 — поддержали точку зрения докладчика. Небезынтересно отметить, что среди последних были Н. Николитч — секретарь ССДП, В. Пипал — казначей ГП ССДП, Д. Туцович — идеолог ССДП. Таким образом, руководство партии и профсоюза, принципиально не исключая участия в выборах на селе, отодвинуло решение этого вопроса на более поздний срок. Съезд принял «Резолюцию об окружных выборах», предложенную Л. Павичевичем, причем за нее голосовало 69 делегатов, против — 26⁶⁶. Резолюция отвергала участие ССДП в избирательной борьбе по округам, но вменяла в обязанность правлению партии осуществлять социалистическую агитацию не только в городах, но и среди сельского пролетариата⁶⁷. При рассмотрении и выработке тактики ССДП косвенно был поднят и крестьянский вопрос, но он не был решен не только из-за слабости рабочего движения и самой партии, но главным образом из-за неправильной позиции партии по вопросу о роли крестьянства в революционной борьбе.

Согласно выработанным принципам политической тактики ССДП проводила избирательную кампанию только в городах, в результате чего она получила в выборах в народную Скупщину в 1905 г. 2608 голосов и

¹ Там же, стр. 279.

⁶² Там же, стр. 278.

⁶³ Там же, стр. 287.

⁶⁴ М. Топаловић. Хронологија радничког покрета у Србији, књ. I, до 1919 г., Београд, 1964, стр. 87.

⁶⁵ «Српска социјалдемократска партија. Грађа (1901—1905)», стр. 431.

⁶⁶ Там же, стр. 443.

⁶⁷ Там же, стр. 431; «Историјски архив КПЈ...», стр. 68.

2 мандата ⁶⁸, в 1906 г. — 2731 голос и 1 мандат ⁶⁹, в 1908 г. — 3043 голоса и 1 мандат ⁷⁰. Полученные партией голоса составляли приблизительно 1% от проголосовавших. Незначительность успехов социал-демократии на политическом поприще объяснялась консервативностью избирательного закона, с одной стороны, и ошибочным игнорированием выборов по округам, с другой.

В выработке политической тактики важное место заняло определение роли парламентской борьбы среди других форм движения рабочего класса. В первом предвыборном обращении от 5 сентября 1903 г. ССДП заявляла, что «она не стремится занять министерские кресла, а борется исключительно за преобразование капиталистического общества» ⁷¹. Накануне следующих парламентских выборов 1 июня 1905 г. партия отмечала: «Для нашей партии главное значение выборов состоит в разъяснении нашей программы, которая охватывает цели и принципы борьбы социал-демократии, и в расширении круга своих приверженцев» ⁷².

Борясь за демократизацию общественной жизни, ССДП в 1907 г. на V съезде приняла «Резолюцию о всеобщем избирательном праве». Требование введения всеобщего избирательного права рассматривалось в резолюции как важная форма классовой борьбы, завоевание этого права явится средством контроля пролетариата «над расточительной, грабительской политикой буржуазного меньшинства в государстве».

Борьбу за всеобщее избирательное право и парламентскую тактику ССДП считала лишь одним из средств, но не главным в борьбе пролетариата за ближние и конечные цели. Д. Попович в статье «Всеобщее право голосования» подчеркивал, что социальная демократия «не рассматривает всеобщее право голосования как альфу и омегу нашей тактики; «главное оружие, с помощью которого пролетариат достигнет своего идеала — это всеобщая стачка» ⁷³. Таким образом, в определении места парламентской тактики в пролетарской борьбе ССДП шла за левым крылом II Интернационала. Амстердамский конгресс выдвинул на первый план борьбы пролетариата массовые внепарламентские средства, в частности — всеобщую стачку. Не переоценивая парламентскую трибу, ну, сербская социал-демократия успешно ее использовала как средство для критики капитализма, борьбы против буржуазной законности-пропаганды социалистических идей и воспитания трудящихся.

Анализ материала показывает, что процесс образования партии сопровождался острой, непрекращающейся борьбой течений по организационным и идеологическим вопросам. Условия развития массового рабочего движения в конце XIX и начале XX в., предопределенные уровнем развития капитализма в Сербии, малочисленным составом и специфической полуремесленной структурой рабочего класса, благоприятствовали преобладанию оппортунистической тенденции в массовом и социалистическом движении до 1903 г. Решающими для исхода борьбы течений в рабочем движении Сербии были 1904—1905 годы, когда в международном социал-демократическом движении под влиянием II съезда РСДРП был осужден реформизм и оно испытало воздействие первой русской буржуазно-демократической революции. Изменения в расстановке сил в международном рабочем движении в пользу левого течения II Интернационала,

⁶⁸ Там же, стр. 570.

⁶⁹ «Радничке новине», № 6, 13 I 1911.

⁷⁰ Там же, № 91, 20 IV 1912.

⁷¹ Там же, № 48, 5 IX 1903.

⁷² Там же, № 48, 1 VI 1905.

⁷³ Д. Поповић. Изабрани списи. Београд, 1951, стр. 27.

безусловно, отразились на дальнейшем развитии молодой сербской социал-демократии. Именно в эти годы революционное крыло ССДП смогло отстоять марксистские организационные принципы и формы развития социалистического и профессионального движения. В результате напряженной идеологической борьбы в сербском рабочем движении восторжествовали классовые принципы борьбы пролетариата. Победа марксизма над оппортунизмом в 1904—1905 гг. была обусловлена переходом широких масс на сторону революционного крыла рабочего движения Сербии. С завоеванием масс на свою сторону марксистское крыло ССДП заняло господствующее положение в партии и массовом рабочем движении, хотя полностью и окончательно оппортунизм в пролетарском движении Сербии в тот период не был изжит.

Сербской социал-демократии в рассматриваемый период были присущи и серьезные недостатки, которые вытекали из незрелости партии и значительного идейного воздействия немецкой социал-демократии⁷⁴. В период своего образования, когда в напряженной борьбе вырабатывались идеологические, тактические и организационные принципы деятельности партии, ССДП допустила левосектантские ошибки в определении социальной базы социалистического движения вообще, чем обрекла партию на малочисленность и искусственно сузила свою опору в массах. Эта ошибка непосредственно сказалась в избирательной борьбе и особенно в подходе к аграрно-крестьянскому вопросу.

Несмотря на указанные ошибки в теории и практике сербского социалистического движения, образование пролетарской партии в Сербии означало огромный сдвиг в развитии рабочего движения от стихийных форм к организованным и к преодолению влияния оппортунизма.

⁷⁴ Подробно см. С. Д и м и т р и ј е в и ћ. Српска социјалистичка преводна литература. Београд, 1958.

В. Д. КОРОЛЮК

КОНТАКТНАЯ ЗОНА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Обширные пространства Восточной и большей части Центральной Европы, населенные народами славянского происхождения, в период раннего средневековья (VII—XI вв.)¹ можно вполне обоснованно рассматривать как единый историко-географический регион, где формирование новой, феодальной формации происходило на основе крушения первобытнообщинных отношений. В отличие от стран Западной Европы, для которых был показателен социально-экономический и этнический синтез античности и варварства, в этих славянских странах переход к новой социально-экономической формации совершался бессинтезным путем. Анализ социально-экономического, политического и этнического развития восточных и западных славян в раннефеодальный период свидетельствует даже о том, что в ту эпоху для всего этого огромного региона обязательна была единая социально-экономическая, культурная и этническая модель развития². Главные линии исторического прогресса — становление феодальной собственности, образование раннефеодальной государственности и формирование народностей, происходившее в основном уже на однородной языково-этнической основе³, находились между

¹ Начальная грань раннефеодального периода — рубеж VI—VII вв. — конструируется на основе общеисторических соображений о процессе феодализации в Центральной и Восточной Европе. Она является только условной границей, так сказать, границей *post quem*.

² Подробно вопросы формирования феодальных отношений, государственности и народностей в славянской Восточной и Центральной Европе рассмотрены автором в работах: В. Д. К о р о л ю к. Основні етапи розвитку ранньфеодальної державності у східних і західних слов'ян. «Український історичний журнал», 1969, № 12; е го ж е. Główne etapy rozwoju państwowości wczesnofeudalnej na Słowiańszczyźnie Wschodniej i Zachodniej. «Kwartalnik Historyczny», 1970, № 2; е го ж е. Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян (до середины XI в.). (V Международный конгресс экономической истории. 10—14 августа 1970 г.) М., 1970. Здесь же см. литературу по проблеме.

³ Положение это, по-видимому, останется в силе даже в случае признания существенной роли в формировании восточного славянства балто-славянского синтеза (подробнее см. П. Н. Т р е т ь я к о в. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966; В. В. С е д о в. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970; ср. методологически очень важные замечания в статье: Г. А. Х а б у р г а е в. Этнический состав древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей. «Советская этнография». 1972, № 1). Древнерусская народность формировалась после и частично на заключительных этапах этого синтеза при безусловном господстве славянских элементов. Не может изменить общей картины и недавно выдвиг-

собой в достаточно четкой, хотя и сложной причинно-корреляционной связи. В своей совокупности они образовывали единый исторический механизм эпохи, единую развивающуюся социально-культурную структуру или систему структур, обеспечившую быстрое и прочное вступление в круг европейской цивилизации населения необозримых пространств Центральной и Восточной Европы, ранее находившихся на далекой, очень плохо известной греко-римскому миру периферии античной ойкумены.

Бессистемному центрально- и восточноевропейскому славянскому региону на Юго-Востоке Европы противостоял регион социально-экономического синтеза, в пределах которого, по крайней мере частично, оказалась территория, освоенная южным славянством. В советской литературе признание Юго-Восточной Европы одним из очагов социально-экономического и этнического синтеза античности и варварства давно уже стало общим местом⁴. Была даже сделана в плане постановки вопроса попытка типологически расчленить этот обширный регион синтеза на два подрегиона⁵. К первому, так называемому «уравновешенному» типу синтеза, где позднеримские и варварские начала участвовали в становлении феодального строя «примерно в одинаковой пропорции», был отнесен подрегион, охватывающий сербскую и хорватскую территории. Второй тип синтеза, характеризующийся преобладанием позднеримских элементов, соответственно был признан показательным для подрегиона, совпадающего с европейскими владениями Византийской империи и, очевидно, частично с территорией Первого Болгарского царства. Огромное воздействие, оказываемое вторым подрегионом на ускорение феодального развития стран не только Юго-Восточной, но и Восточной и отчасти даже Центральной Европы, не вызывает никаких сомнений, хотя сам вопрос о длительности и интенсивности развития процессов феодализации в рамках самой Византийской империи все еще не может быть признан окончательно решенным⁶. Это огромное воздействие останется бесспорным историческим фактом, однако, даже и в том случае, если придется считать и для Византии завершающей гранью раннефеодального периода XI век, т. е. признать относительно синхронным со странами Центральной и Восточной Европы

нутая гипотеза об активном участии угро-финской мери в формировании одного из политических и экономических центров Древней Руси — Новгорода (В. Л. Янин, М. Х. Алешковский. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). «История СССР», 1971, № 2, стр. 52—55). Не говоря уже о необходимости действительного обоснования сближения: мери — мерский — неревский, даже в случае признания этой гипотезы, речь будет идти все же лишь о частном для славянского мира Восточной и Центральной Европы случае. О безусловном преобладании в Киевской Руси восточнославянского этноса определенно свидетельствует развитие славянское самосознание общества, отразившееся в древнерусском летописании (В. Д. Корюк. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов». М., 1968).

⁴ Подробнее об этом см. З. В. Удалцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 44—61, 70—79, 165—194. Здесь же указана библиография вопроса.

⁵ З. В. Удалцова, Е. В. Гутнова. Генезис феодализма в странах Европы. (XIII Международный конгресс исторических наук). М., 1970, стр. 3, 11—14.

⁶ К раннему периоду истории Византии относит зарождение феодальной собственности Е. Э. Липшиц (см. его работу «Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — половина IX в.». М.—Л., 1961, стр. 23 и др.). А. П. Кандан («Деревня и город в Византии IX—X вв.». М., 1960, стр. 57—120) считает, однако, возможным говорить о формировании феодальной собственности начиная только с IX в. К его точке зрения близок и Г. Г. Литвин («Тепловые и специфика на социально-экономического развитие на средневековья България в сравнение с Византия от края на VII до края на XII в.». «Исторически преглед», 1970, № 6). Суммарную характеристику культурно-экономического воздействия Византии на ее европейских соседей дал недавно Д. Оболенский (D. Obolenski. Byzantin frontier zones and cultural exchanges. XIV-e Congres International des etudes byzantines. «Rapports», v. II, Bucarest, 1971).

окончательный переход византийского общества на путь феодального развития. В данной связи нам представляется, впрочем, существенно важным отметить не эту, несколько парадоксально звучащую формулировку саму по себе, оставляя в стороне и вопрос о намеченных в литературе границах региона синтеза. К этим границам придется еще вернуться позже, по ходу изложения материала. Самым важным представляется ответить на вопрос, действительно ли только эти два пути развития — бессинтезный и синтезный — были в чистом виде типологически показательны для взятой в целом зоны Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы. Нужно сказать, что вопрос этот фигурировал уже однажды в нашей литературе⁷. Сформулированный, однако, в слишком общей форме, он не привлек к себе внимание исследователей. Речь идет о попытке выделить на стыке Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы довольно обширную, условно названную нами контактной, зону, для которой характерны во многом особые, до сих пор еще очень слабо изученные социально-экономические, этнические, политические и культурные процессы, далеко не во всем аналогичные или даже близкие к тем, которые одновременно происходили в соседних регионах синтезного и бессинтезного путей генезиса феодализма. На этих особых процессах и предстоит нам подробнее остановиться ниже.

Основанием для выделения особой контактной зоны в Центральной и Юго-Восточной Европе послужило не только наблюдение, что темпы социально-экономического, политического и культурного развития здесь были относительно гораздо более высокими, чем на основных славянских территориях Центральной и Восточной Европы, но и наличие практически на всем пространстве контактного региона античной подосновы. В античную эпоху территория контактной зоны подвергалась могучему воздействию провинциально-римской культуры и, несомненно, частично, если не более того, была эллинизирована и романизирована. Поэтому представлялось вполне допустимым объяснять сравнительно высокие темпы исторического прогресса здесь в период раннего средневековья именно наличием элементов античного наследия в сочетании с очень сильным непосредственным влиянием византийской цивилизации, влиянием, как уже говорилось, действовавшим в качестве ускорителя процессов феодализации⁸. Участие в этногенезе средневековых народностей населения античной эпохи, в свою очередь, могло бы помочь понять специфику происходивших в рассматриваемом регионе этнических процессов.

Но такая постановка вопроса, учитывающая прежде всего элементы античного культурного наследия и соответственно известной этнической преемственности, может подчеркнуть специфику так называемой контактной зоны только в сравнении с основными славянскими землями Восточной и Центральной Европы — с территорией Древней Руси, Чехии, Польши и полабо-прибалтийского славянства, не испытавших на себе столь же серьезного воздействия античного мира. Отсутствие в прямом смысле слова античного наследия принципиально отличало поэтому русско-византийские связи, тоже, правда, действовавшие в качестве катализатора феодального развития, от воздействия Византии на контактную зону. Иное дело сравнение ее с регионом синтеза в Юго-Восточной Европе. Наличие античного культурного и этнического наследия, естественно, само по себе не может являться отличительным признаком контактной зоны не только в сравнении с подрегионом преобладания элемен-

⁷ В. Д. Корольк. Особенности становления феодализма и формирования славянских раннефеодальных государств в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. «Советское славяноведение», 1970, № 5.

⁸ Там же, стр. 7.

тов позднеримского развития, но и с так называемым подрегионом уравновешенного синтеза. В обоих подрегионах античное наследие являлось обязательным фактором феодального развития, античный континуитет в той или иной мере определял формы, темпы, даже структуру формирующегося здесь раннефеодального общества и отчасти его этническую характеристику. Следовательно, сопоставление контактной зоны с регионом синтеза должно производиться на существенно иных основах, чем соответствующее сопоставление ее с бессинтезным регионом. Речь должна идти прежде всего о качественном различии античной подосновы в контактной зоне и в регионах синтеза.

К сожалению, современное состояние историографии таково, что действительно детальное, исчерпывающее сопоставление представляется пока невозможным. При этом главным камнем преткновения оказывается практически полная неизученность механизма социально-экономического и этнического синтеза античности и варварства. Механизм этого синтеза не изучен не только применительно к южно-славянским странам (в соответствующей литературе в лучшем случае наличествует только постановка вопроса⁹), но и, что особенно удивительно, учитывая длительность и богатство нашей историографической традиции, применительно к странам Западной Европы¹⁰. В данный момент, пожалуй, механизм этого синтеза изучен относительно лучше на примере Византии, хотя и здесь соответствующие исследования чрезвычайно неполны и дискуссионны¹¹.

При таком состоянии наших исследований не будет, очевидно, ничего неправомерного в том, что и применительно к контактной зоне соответствующие проблемы будут сформулированы только в плане общей постановки вопроса. На большее, к сожалению, в данный момент трудно рассчитывать.

Пытаясь выделить качественные особенности так называемой контактной зоны, важно сразу же подчеркнуть первостепенность вопроса о характере и масштабах античного континуитета, понимаемого, конечно, как явление античного наследия, а не прямого перехода в неизменном состоянии рабовладельческих институтов, порядков и явлений в новое феодализирующееся общество. Но сначала несколько слов об античном континуитете в регионах синтеза. Легко заметить, что в большей или меньшей мере непрерывность античного континуитета обязательна как для региона «уравновешенного» синтеза, так и для региона преобладания элементов позднеримского развития. В последнем случае, разумеется, в большей мере. В Византии, например, она определялась прежде всего государственной организацией и сохранением городов. В зоне «уравновешенного» синтеза на западе Европы олицетворением непрерывности античного континуитета являлась сложная система организации христианской церкви. Вместе с тем нельзя не учитывать, что явление античного континуитета обеспечивалось в зонах синтеза прежде всего непрерывностью этнического развития. Сохранение со времен поздней Римской империи местного населения являлось физической гарантией самой по себе возможности непрерывности античного континуитета. Очевидно, именно поэтому в европейских регионах синтеза, как правило, в результате этнической интеграции возобладали романизированные или эллинизированные элементы.

⁹ См., например, Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960; Ю. В. Б р о м л е й. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964.

¹⁰ Подробнее об этом см. А. Я. Г у р е в и ч. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, стр. 14.

¹¹ Анализ соответствующей литературы произведен в кн.: З. В. У д а л ь ц о в а. Там же, стр. 44—61, 165—194.

Обстоятельство это сказалось впоследствии и на национальном самосознании «варваров» — пришельцев, постепенно терявших черты своего особого этнического самосознания и воспринимавших местные культурные традиции. Раньше всего это проявилось в области политической надстройки, государственной идеологии, о чем свидетельствует пример Франкской империи, стремившейся возродить традиции римского универсализма. Показательно, что такой характер этнической интеграции типичен как для регионов «уравновешенного» синтеза, так и тем более для регионов преобладания явлений позднеримского социально-экономического и культурного развития.

Следует подчеркнуть, что коренные отличия так называемой контактной зоны в Юго-Восточной Европе при сопоставлении ее с регионами синтеза наиболее очевидны как раз именно в аспекте этнических явлений. В пределах контактной зоны результатом славянских переселений и последующей этнической интеграции являлось, как правило, торжество славянских элементов, процесс ославянивания Среднего Подунавья и Балкан. Последующая эллинизация славянских переселенцев, по-видимому, происходила только на юге Балканского полуострова, в пределах Византийской империи, т. е. уже собственно в регионах синтеза. Примером такой эллинизации может служить судьба славян в Пелопоннесе¹².

Но особенностью этнического развития в контактной зоне был не только сам по себе процесс ее славянизации. Дело в том, что эта славянизация означала в отличие от региона синтеза преобладание в ходе этнической интеграции пришлых, стоящих на более низкой ступени общественного и культурного развития элементов над элементами местными. Поэтому процесс славянизации Балкан и среднего Подунавья принципиально отличался от процессов славянизации в Восточной Европе, где этнической интеграции подвергалось население, стоящее на близком со славянами (балты) или на более низком (угро-финны) уровне социально-экономического развития. К сожалению, механизм этногенетических процессов еще очень неясен для историков. Тем не менее можно все же с основанием предполагать, что прочная славянизация обширных территорий Юго-Восточной Европы, учитывая более высокий культурный уровень местного земледельческого населения, была возможна только при условии, что местное население было очень сильно разрежено и, как выражаются биологи, «угнетено» в общественно-культурном и хозяйственном отношении. Оказавшись в период Великого переселения народов ареной непрерывного натиска «варваров», Юго-Восточная Европа, естественно, должна была пережить огромные демографические изменения. В ходе варварских вторжений этническая компактность местного романизованного и эллинизированного населения была, по-видимому, резко нарушена. Численность его очень сильно сократилась как в результате военных действий, угона в плен, так, вероятно, и в результате добровольного бегства части угнетенного населения к варварам¹³.

В дальнейшем для выяснения сложного вопроса о механизме происшедших в контактной зоне этнических процессов немаловажное значение будет иметь и точная локализация исходных пунктов славянских переселений. Логично предполагать, что славянские племена, испытывавшие уже в предшествующий период воздействие римской цивилизации, находив-

¹² Л. Милетич, Д. Д. Агур. Дако-романите и техната славянска писменност. Сб. «За народни умотворения, наука и книжнина», кн. IX. София, 1893, стр. 16; В. Тьпкова-Зимова. По някой въпроси за етническите промени на Балкани-те през VI—VII в. «Известия на Института за история». 1963, т. 12.

¹³ Последнее обстоятельство подчеркивал еще Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II. М., 1959, стр. 579.

шиеся в той или иной мере в контактах с античным миром, были в общественно-культурном отношении больше подготовлены к процессам этнической интеграции коренного населения Среднего Подунавья и Балкан.

Допуская такую возможность (о ней отчасти придется еще говорить ниже), следует все же подчеркнуть, что по мере развития славянской колонизации Дунайского бассейна, Балкан, хозяйственного освоения новым земледельческим населением территории Юго-Восточной Европы местное земледельческое население должно было оттесняться из наиболее плодородных районов с устойчивыми земледельческими традициями. Это обычное явление для древних колонизационных процессов: новое население всегда стремилось овладеть прежде всего старыми традиционными центрами земледельческой культуры. Но при таком положении, когда не только была нарушена непрерывность государственного развития, не было континуитета в области церковной организации и городской жизни, но и произошли коренные этнические и демографические изменения, само собой разумеется, не могло быть и речи об античном континуитете в полном смысле этого слова не только в социально-экономическом плане, в плане общественных отношений и институтов, но даже в очень значительной мере и в области материальной культуры. Не случайно практически остаются до сих пор неудачными все попытки выделить в материальной культуре эпохи раннего средневековья археологические комплексы, генетически связанные со старым романизированным населением на бывшей территории Дакии¹⁴. Нарушение традиций в области материальной культуры в переходный период от эпохи античности к раннему средневековью особенно хорошо в настоящее время изучено на примере Прутско-Днестровского междуречья, где до конца IV в. н. э. существовала испытывавшая сильное воздействие провинциальных позднеимских традиций черняховская культура¹⁵. После гуннского нашествия ее сменила в VI в., но без достаточно отчетливых следов перехода, новая, типично славянская культура, культура иного земледельческого населения¹⁶. В той или иной мере картина эта повторилась на Среднем Дунае и основной территории Балкан.

Особенностью контактной зоны, таким образом, являлось при наличии античной подосновы серьезное нарушение античного континуитета как в области социально-экономического развития, так и в области этнического развития и развития материальной культуры.

Говоря об этнических переменных в Прутско-Днестровском междуречье и на Балканах, нет нужды, впрочем, выдвигать на первый план в качестве этнопоказателя только изменения в области материальной культуры, тем более, что в данном случае перемены эти достаточно четко зафиксированы письменными источниками. Нарушения, даже резкие, в развитии материальной культуры далеко не всегда могут считаться свидетельствами соответствующих этнических перемен, особенно в столь этнически пестром регионе, как рассматриваемый в данном случае¹⁷. По-видимому, именно этим обстоятельством определяется незавершенность длительной

¹⁴ Ср. Z. N i l c z e g ó w n a. Le problème de la civilisation de Dridu. *Slavia antiqua*, t. XVII. Warszawa-Poznań, 1971.

¹⁵ См. последние публикации: «Древности эпохи сложения восточного славянства». «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), № 116, 1964; «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». МИА, № 139, 1967.

¹⁶ Г. Б. Ф е д о р о в. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. М., 1960, стр. 229—238; ср. е г о ж е. Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. (Первый конгресс балканских исследований) М., 1966.

¹⁷ Ср. замечания А. П. Новосельцева по этому поводу применительно к Кавказу (А. П. Н о в о с е л ь ц е в, В. Т. П а ш у т о, Л. В. Ч е р е п н и н. Пути развития феодализма. М., 1972, стр. 13).

дискуссии в археологической науке о соотношении археологической культуры и этноса. Если одни археологи настаивают на тезисе о совпадении этноса с археологической культурой¹⁸, то другие более или менее решительно отвергают его¹⁹.

Полиэтнический характер общества, представленного черняховской культурой, медленно, но все же отчетливо сближавшегося с римскими провинциями как в социально-экономическом отношении, так и в области культуры²⁰, в настоящее время можно признать доказанным²¹. В литературе обычно подчеркивается местный — позднескифский или сарматский и дако-фракийский — элемент в качестве этнической основы общества черняховцев. Наличие в нем готского компонента не может ни в коем случае препятствовать достаточно убедительному предположению, что и славяне частично были носителями черняховской культуры²².

Сейчас еще трудно сказать, имеет ли под собой действительные основания гипотеза о процессе формирования в рамках черняховской культуры особой народности²³, зато вполне логично предположение, что черняховская культура является коррелятом обширного политического образования, может быть даже с чертами складывающейся государственности. Ее границы не должны были полностью совпадать с границами этого образования, но должны были так или иначе соответствовать сфере его воздействия.

Существование обширного политического образования в междуречье Днестра, Западного Буга и Дуная естественно являлось величайшим препятствием на пути славянского продвижения на Балканы. Можно поэтому полагать, особенно учитывая наличие в черняховской культуре славянского компонента, что именно полный разгром этого политического образования гуннами с последующим падением Гуннской державы создал для славян возможность массового переселения за Дунай. В известной мере можно говорить в данном случае об исторической параллели к событиям, развернувшимся в Паннонской котловине в связи с приходом кочевой орды авар. Вторжение авар в VI в. облегчило колонизацию славянами Дунайской низменности, а их разгром обеспечил здесь в дальнейшем преобладание славянского элемента²⁴. Гуннское нашествие могло разгромить и полностью вытеснить рассеянные группы готов, в результате гуннского нашествия могли жестоко пострадать земледелие и скотоводство (возможно, частично имевшее пастушеский характер), деградировать материаль-

¹⁸ Из последних работ, поддерживающих этот тезис, следует назвать: М. Н. А р т а м о н о в. Археологическая культура и этнос. В сб. «Проблемы истории феодальной России (К 60-летию В. В. Мавродина)». Л., 1971. Здесь же дана большая библиография вопроса.

¹⁹ W. H e n s e l. Archeologia i prehistoria. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971, s. 465—492. Ср. замечания И. И. Ляпушкина (И. И. Л я п у ш к и н. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, № 152, 1968, стр. 89) и П. Н. Третьякова (П. Н. Т р е т ь я к о в. У истоков древней русской народности. Л., 1970, стр. 92 и др.).

²⁰ Э. А. Рикман. Некоторые черты общественного строя племен низовьев Днестра и Дуная в первых веках нашей эры. «Советская этнография», 1970, № 6; е г о ж е. О влиянии позднеантичной культуры на черняховскую в Днестровско-Прутском междуречье. «Краткие сообщения Института археологии» (далее — КСИА), № 124, М., 1970.

²¹ П. Н. Т р е т ь я к о в. У истоков..., стр. 48; Э. А. Р и к м а н. Население Днестровско-Прутского междуречья в первых столетиях н. э. КСИА, № 119, М., 1969; е г о ж е. О фракийском элементе в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья. КСИА, № 121, М., 1970.

²² П. Н. Т р е т ь я к о в. У истоков..., стр. 50—52.

²³ Такую гипотезу выдвинул недавно П. Н. Т р е т ь я к о в. У истоков..., стр. 49—50.

²⁴ «История Венгрии», т. I. М., 1971, стр. 75—76.

ная культура, но местное земледельческое, в том числе и славянское, население не могло полностью исчезнуть. Зато гушское нашествие могло резко изменить в пользу славян соотношение этнических факторов в междуречье Днепра и Дуная, выдвинуть здесь на первый план славянские племена, в той или иной мере соприкоснувшиеся с античной культурой и дако-фракийским этносом, что впоследствии должно было, вероятно, сказаться на Балканах в ходе сложных процессов этнической интеграции.

Но из признания факта резкого нарушения традиций этнического развития, отраженного в материальной культуре на юго-востоке Европы, нет основания делать выводы о безразличности античной подосновы вообще для судьбы контактной зоны в эпоху раннего средневековья. И дело здесь отнюдь не только в соображениях общего порядка. Дело в том, что конкретные исследования не позволяют трактовать вопрос так, как он мог трактоваться еще не так давно²⁵. Славяне, заселявшие Балканский полуостров и Среднее Подунавье, бесспорно, действовали отнюдь не в условиях полного этнического и культурного вакуума. Такого вакуума не было. Не было его прежде всего в этническом смысле, что показали новые наблюдения антропологов и этнографов, констатировавшие заметное участие местного балканского — фракийского и иллирийского — субстрата в процессе формирования южнославянских народов²⁶. Иными словами, этническая интеграция, этнический синтез здесь были, но происходили они на базе языково-этнического преобладания пришлых славянских, а не местных романизированных или эллинизированных народов.

Впрочем, и в этом плане нужны все же довольно существенные оговорки. Речь идет о романизированном населении, известном в более поздних источниках, начиная с XI в., под именем влахов. Своими корнями население это, по-видимому, уходит еще в позднеантичную эпоху, когда к северу от Балканского хребта произошла его романизация. Позже, в период раннего средневековья, каких-либо новых процессов романизации этого населения, разумеется, предполагать нет оснований, как нет возможности полагать, что сам процесс романизации происходил не в пределах среднего Подунавья, а южнее. Дело в том, что в античный период именно Балканский хребет в основном являлся естественным рубежом эллинизации и романизации²⁷.

О том, что в дальнейшем в формировании этого средневекового этнического компонента населения Юго-Восточной Европы принимали участие славянские элементы, свидетельствуют данные языка²⁸. Романо-славянская этническая интеграция, очевидно, в данном случае имела место²⁹,

²⁵ «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 60—63 и др.

²⁶ В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей. «Советская этнография», 1967, № 2, стр. 36—38. Граница между собственно фракийской и родственной ей дако-мезийской языково-этнической областями (территория Дакии, Верхней и Нижней Мезии, современной Добруджи) проходила в Болгарии по линии Тимок — Вардар, что отразилось в болгарских диалектах (В. Георгиев. Вопросы на българската етимология. София, 1958, стр. 108—119).

²⁷ «Зборник К. Иречека», т. II, Београд, 1962, стр. 16; Л. Милетиц, Д. Д. Агур. Там же, стр. 12. К югу от Балканского хребта тоже известно население, ведшее, как и вlahи к северу от него, пастушеский образ жизни. Но это — эллинизированное население (В. Маринов. Подвижно пастырство в България и на Балканския полуостров. «Известия на Етнографския институт и музей», т. VIII. София, 1965).

²⁸ Г. Г. Пиотровский. Молдавский язык и вопросы славяно-молдавских отношений в эпоху раннего средневековья. «Октябрь», Кишинев, 1961, № 6; «История Молдавской ССР», т. I. Кишинев, 1965, стр. 59—61; «Istoria Românei», т. II. București, 1962, p. 20—23; J. Demel. Historia Rumunii. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, s. 78—82.

²⁹ Сp. W. Hensel. Ibid., s. 184—199.

однако в процессе ее возобладали не славянские, а романские элементы. Думается, что в очень большой мере такой характер процесса определили особенности экономического развития этой группы местного романизованного населения и его географической среды. Особые условия развития были причиной того, что славянизации не подверглись также предки современных албанцев. Подвижный и изолированный образ жизни, длительное сезонное пребывание в горных районах вообще мало благоприятствуют этнической интеграции, способствуя этнической устойчивости пастушеских обществ. В Иране и Закавказье примером такой исключительной этнической устойчивости может служить судьба курдов³⁰. Поэтому, говоря о романо-славянском синтезе в период раннего средневековья, по-видимому, будет осторожнее до перехода владов к земледелию предполагать его ограниченные масштабы.

Но не только подавляющее преобладание (в области языка, материальной культуры, военно-политической организации) пришлого (славянского) населения³¹ в процессе этнического синтеза являлось отличительной особенностью контактной зоны. В регионах синтеза античности и варварства как на Западе, так и на Юге и Юго-Востоке Европы в ходе этнического синтеза происходил процесс интеграции населения, в хозяйстве которого главную роль играло земледелие. Участниками синтеза являлись земледельческие этносы. Аналогией этому явлению в контактной зоне была этническая интеграция славян и местного, частично эллинизированного, частично романизованного фракийского или иллирийского по происхождению населения. Особенностью процессов этнической интеграции в Юго-Восточной Европе было, однако, то обстоятельство, что наряду с земледельческим очень активное участие в этих процессах принимали кочевнические и отчасти пастушеские элементы.

Наличие трех культурно-хозяйственных типов — земледельческого, представленного славянами и автохтонным населением, кочевого, носителями которого являлись тюрко-язычные и угро-язычные пришельцы-скотоводы (протоболгары, авары, венгры), и пастушеского, который был типичен для местного романизованного и частично эллинизированного населения, — в огромной мере определило не только специфику социально-экономических, но и этнических процессов, происходивших в контактной зоне Юго-Восточной Европы в раннем средневековье. Правда, первые упоминания о пастухах-владах в современных событиях источниках появляются с XI в. Анализ русской летописи свидетельствует, однако, о том, что романизованное пастушеское население, бесспорно, проживало рядом со славянами в среднем Подунавье уже в IX в.³² Оно, оче-

³⁰ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Там же, стр. 52.

³¹ Как уже отмечалось выше, это преобладание нового элемента было связано с резким ослаблением местного автохтонного. Такое ослабление обычно было результатом гибели вследствие переселения народов, особенно кочевнических вторжений, значительной части взрослого мужского населения. Массовое уничтожение его — явление, характерное не только для той эпохи. Победители таким образом, с одной стороны, резко сокращали физические возможности побежденных к сопротивлению, а с другой — подготавливали условия для их деэтнизации, ибо в условиях патриархата этническое самосознание именно мужчины, отца, определяло этническую принадлежность младшего поколения.

³² В. Д. Королюк. Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971; е г о ж е. Волохи и славяне «Повести временных лет», «Советское славяноведение», 1971, № 4; е г о ж е. К вопросу о месте извстий о волохах в «Повести временных лет». «Советское славяноведение», 1972, № 1. Подробные данные о быте, хозяйственной и социальной организации пастушеского населения см. Л. М и л е т и ч, Д. Д. А г у р. Там же; M. G y o n i. La transhumance des Vlaques balkaniques au Moyen Âge. «Byzantinoslavica», t. XII. Praha, 1951; сб. «Симпозијум о средневековном катуу», Сарајево, 1963.

видно, унаследовало очень древние черты пастушеского быта, хорошо соответствовавшие у части местного балканского населения географическим условиям изучаемого региона, и отмечаемые археологами и этнографами еще для античной эпохи³³.

В то время как пастушеское романизированное и эллинизированное население в ходе сложных языковых и этнических контактов со славянами сохранило свой, хотя и существенно обогащенный, язык, этнический синтез кочевников со славянами завершился языковой ассимиляцией и исчезновением кочевников, имевших очень сильную военную организацию, но, по-видимому, относительно малочисленных³⁴. Так случилось с протоболгарами и аварами. В последнем случае процесс был радикально ускорен военным разгромом Аварской державы. Существенно иначе сложились обстоятельства в Паннонии, где возобладал венгерский языково-этнический элемент. Такой феноменальный финал славяно-венгерского этнического синтеза был обусловлен не только силой венгерского элемента, его быстрым социально-экономическим прогрессом, но и прежде всего слабостью местного славянского населения, крайне разреженного в результате систематических ударов восточных франков и опустошительных набегов воинственных кочевников³⁵. Показательно, что в Словакии, покоренной впоследствии венграми, повторения этого явления не произошло. Для развития этнических процессов в Паннонии немаловажное значение могло иметь и то обстоятельство, что венгры еще до переселения в Паннонию привыкли к сосуществованию с оседлым земледельческим населением³⁶. В условиях причерноморских степей не было, однако, предпосылок для прочного синтеза кочевого и оседлого населения на земледельческой культурно-хозяйственной основе. Переход венгров-кочевников к оседлому образу жизни и земледелию был, по-видимому, ускорен в результате их христианизации³⁷.

Не только протоболгары, авары и венгры, но и тюркоязычные печенеги и половцы участвовали в этногенезе народов Балкан и Центральной Европы, что имело свои последствия и в области развития материальной культуры в контактной зоне. Социально-экономическое развитие формирующихся здесь новых средневековых этнических общностей происходило на базе сложных контактов и синтеза земледельческой славянской материальной культуры с культурой кочевых народов и, по-видимому, элементами античного культурного наследия.

Нужно сказать, что вопросы вклада кочевых народов в развитие культуры Юго-Восточной Европы всегда привлекали и продолжают привлекать к себе внимание археологов и историков. Как в отношении авар³⁸, так особенно и протоболгар можно даже констатировать в послед-

³³ В. М а р и н о в. Там же, стр. 85—86; Л. Б о т у ш а р о в а. Релеф на Херакл от с. Кобилино. «Годишник на Народния археологически музей Пловдив», кн. III. София, 1959; И. В е л к о в. Драгойново — един тракийски селищен центр. «Известия на Археологически институт», кн. XIX. София, 1955.

³⁴ О смешанности по антропологическим признакам авар см. Т. А. Т о т, Б. В. Ф и р ш т е й н. Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970.

³⁵ О военно-политической и демографической ситуации в Паннонии в конце IX — начале X в. см. Н. Л о w m i a ŋ s k i. Początki Polski, t. IV. Warszawa, 1970, s. 383—394; ср. «История Венгрии», т. I, стр. 102—105.

³⁶ А. Б а р т а. Восточная Европа и раннее средневековье Венгрии до середины XI в. «Nouvelles études historiques», v. I. Budapest, 1965.

³⁷ Д. О б о л е н с к и. Ibid., p. 98. Одновременно автор подчеркивает значение этого фактора и для перехода к оседлости протоболгар.

³⁸ Из последних публикаций необходимо отметить специальный сборник: «Symposium über die Besiedlung des Karpatenbeckens im VII—VIII Jahrhundert. 28 VIII—1 IX 1966. Studijné zvesti Archeologického ustavy Slovenskej Akadémie Vied», t. 16. Nitra, 1968.

нее время известное усиление исследовательского интереса к этой проблематике. В том, что так называемая аварская культура не была достижением только творческого гения кочевого или нескольких кочевых этносов, в настоящее время не может быть сомнений. Помимо восточных и византийских, в ней выделяются и местные элементы, связанные, возможно, с частичным сохранением вблизи бывших лагерей и станций римского лимеса местных ремесленных мастерских. Территориально границы этой культуры определялись пределами полиэтнической аварской державы и сферой ее политического влияния. Примечательно при этом, что наиболее многочисленны и важные памятники аварского стиля обнаруживаются не на собственно аварской территории, а за ее границами — в южной Моравии. Сложный синкретический характер показателен и для культурного наследия протоболгар³⁹. Делаются попытки вскрыть в протоболгарской культуре не только византийские воздействия, но и возможные признаки ее связей с Кавказом и Передней Азией⁴⁰.

Серьезный вклад в изучение синтеза славянской земледельческой и протоболгарской кочевой культур внесли исследования болгарских археологов⁴¹. Существенные достижения имеют и советские археологи⁴². Речь идет о планомерном исследовании на территории Молдавии памятников так называемой балкано-дунайской культуры, связываемой некоторыми исследователями с Первым Болгарским царством и, возможно; пришедшей в упадок вместе с его падением в результате византийского завоевания 1018 г.

Сложнее обстоит дело с проблемой античного наследия в развитии материальной культуры контактной зоны. Относительно продвинуты в настоящий момент соответствующие исследования применительно к территории Болгарии. Но и здесь они имеют преимущественно локальный характер. Разрабатываются главным образом проблемы античных традиций в области строительной техники на примере крупных архитектурных комплексов эпохи Первого Болгарского царства⁴³. При этом возникают сложности с разграничением факторов античного наследия с факторами постоянно действовавшего византийского влияния на культурное развитие раннесредневековой Болгарии.

В очень слабой мере изучение вопросов континуитета античных традиций ведется на примере раннесредневековых поселений сельского типа, хотя в области фольклора и этнографии продолжается выявление новых данных, свидетельствующих о живучести античного наследия как в области духовной⁴⁴, так и материальной культуры⁴⁵. Свой вклад в раз-

³⁹ См., например, А. М и л ч е в. По въпроса за културата на славяните и прабългарите в нашите земи през раното средновековие. «Археология», София, 1964, № 2; С. С т а н ч е в. Славяни и прабългари в старобългарската култура. Там же, № 4; С т. В а к л и н о в. Изтокът в старобългарското изкуство от VII до XI в. «Трудове на Висшия педагогически институт братя Кирил и Методий», т. 5, кн. I. София, 1968.

⁴⁰ С т. В а к л и н о в. Там же, стр. 138—145.

⁴¹ Z. V á ž a g o v a. Slawen und Protobulgaren (nach archäologischen Angaben). «Berichte über den II Internationalen Kongress für Slawische Archäologie», B. I. Berlin 1970.

⁴² См. указанные выше работы Г. Б. Ф е д о р о в а; много работали в этом плане Э. А. Р и к м а н, И. Г. Х и н к у, Г. Ф. Ч е б о т а р е н к о.

⁴³ Помимо работ, указанных в сноске 39, см. также: С. М и х а й л о в. Строительные периоды и происходят на старобългарската монументална архитектура. «Археология», 1964, № 2; М. С т а н ч е в а. По някой проблеми на средновековия Средец. «Известия на Българското историческо дружество», т. XXV. София, 1967.

⁴⁴ См. сб. «Этногенезис и культурно наследство на българския народ». София, 1971.

⁴⁵ Там же; см. также В. М а р и н о в. Етнографска характеристика на ярема в България. «Изследования в чест на акад. Михаил Арнаудов». София, 1970.

работку проблем античного наследства стремятся внести и историки, ставящие вопросы об усвоении славянами в ходе постоянных контактов с оставшимся местным населением его материальной культуры и производственного опыта ⁴⁶.

Явно недостаточная изученность проблематики античного наследства в области материальной культуры затрудняет, конечно, общую оценку пути, пройденного народами контактной зоны в период раннего средневековья. Особенно остро ощущается крайне слабая исследованность проблемы сохранения в условиях Великого переселения народов остатков бывших римских ремесленных центров, традиций провинциально-римского ремесла.

Все эти лакуны в наших знаниях ни в коей мере не снимают вопроса о важности античного фактора в развитии всех основных процессов, происходивших в Юго-Восточной Европе.

Главными историческими процессами в этом регионе Европы были, само собой разумеется, процессы формирования новых феодальных производственных отношений, зарождающихся и развивавшихся на базе очень сложных явлений интеграции в области материальной культуры, производства в связи с очень сложными явлениями этнического синтеза. Зарождение и развитие феодальных отношений в этом регионе Европы были теснейшим образом связаны с образованием государственности и ее активным воздействием на сферу социальных отношений. К сожалению, именно эти процессы в значительной мере из-за скудости и сложности источников изучены далеко недостаточно, особенно, учитывая сложность и неоднородность социально-экономической и культурно-хозяйственной структур контактной зоны, пестроту ее этнической характеристики. Можно было бы даже сказать более: процессы феодализации у южных славян до сих пор изучались главным образом в том плане, в котором они проявляют свое явное сходство с развитием аналогичных процессов в бессинтезных обществах Восточной и Центральной Европы ⁴⁷. Подчеркивая важную роль государственности, централизованной ренты ⁴⁸, исследователи истории южных славян во главу угла изучения процессов феодализации ставили проблему формирования частновотчинных отношений в хозяйстве государей и знати ⁴⁹.

Специфика условий контактной зоны, где происходил синтез земледельческой и кочевой культур, двух различных типов хозяйственной жизни, до сих пор еще очень слабо учитывалась в наших исследованиях генезиса южнославянского феодализма. Социальная структура аварского каганата практически не изучалась, а особенно — формирование феодальных отношений в пастушеско-земледельческом обществе влахов-волохов, только совсем недавно привлечшее к себе внимание нашей историографии, да и то еще не в монографическом плане ⁵⁰.

Если роль христианской церкви как фактора, способствовавшего формированию феодальных отношений и этнической интеграции кочевого и земледельческого населения, в общей постановке вопроса очевидна, то ее специфика как феодального землевладельца на всем протяжении контактной зоны выяснена далеко недостаточно, особенно в Паннонии и Великой Моравии IX в.

⁴⁶ Г. Г. Литаврин. Темпове и специфика..., стр. 28.

⁴⁷ Примером такого исследования является монография Ю. В. Бромлей (Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964).

⁴⁸ В последнее время на это обстоятельство особенно энергичный упор был сделан Г. Г. Литавриным. Там же, стр. 28—32.

⁴⁹ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 57; Ю. В. Бромлей, Там же, стр. 270.

⁵⁰ «История Молдавской ССР», т. I, стр. 81—86.

Вступление в стадию раннефеодального развития сопровождалось процессами этнической интеграции, образованием новых этнических общностей — народностей. Важная роль в этих процессах складывающейся раннефеодальной государственности опять-таки очевидна, хотя, конечно, и не равнозначна на всем пространстве контактной зоны, тем более что сама эта государственность существенно отличалась в разных ее частях ⁵¹. Для Великой Моравии, Хорватии и даже Сербии есть основания предполагать путь формирования государственности, очень близкий к характеру складывания ее у восточных славян, поляков и чехов. Этот путь вел от примитивных племенных княжений к крупным, относительно устойчивым раннефеодальным монархиям с этнически однородным составом населения. При этом пути границы государств имели ясно выраженную тенденцию к совпадению с границами образующей их народности. Следы начальных этапов аналогичного пути развития с учетом возможного участия в этом процессе старого местного населения можно отметить и для славян паннонских, и в Болгарии. Однако сильная военная организация пришельцев-кочевников легко нарушила этот начинающийся процесс. Покоренные кочевниками племена вошли в состав многоэтнических держав с неоднородным характером социальной, хозяйственной и этнической структуры — ханство протоболгар, аварский каганат, венгерское государство. Если в аварском каганате этнический синтез кочевников со славянами, видимо, не произошел, хотя элементы этого этнического симбиоза все же были ⁵², то зато в рамках Первого Болгарского царства, как и Венгерской державы, активные процессы этнического синтеза совершенно бесспорны. Они завершились образованием болгарской и венгерской раннефеодальных народностей, чему в огромной мере способствовала христианизация. Однако они не привели одновременно к полной ликвидации этнической неоднородности населения этих государственных образований. Этнически однородными они в полной мере так никогда и не стали. Поэтому роль второго пути формирования государственности в контактной зоне — пути создания держав, где главную роль в хозяйственной жизни играло все же земледельческое, преимущественно славянское население, а господствовали кочевники, в процессе формирования народностей в контактной зоне не может быть оценена однозначно. Роль этих держав в процессе складывания народностей в Юго-Восточной Европе, по-видимому, явно противоречива, хотя и крайне недостаточно изучена. Ярким примером противоречивости этой роли может, пожалуй, послужить судьба восточно-романских этносов. Как каждая формирующаяся в условиях перехода к феодализму народность, восточные романцы, видимо, неоднократно делали попытки оформиться политически в рамках раннефеодальной государственности. Но попытки эти увенчались успехом только в XIV в., когда в условиях развитого феодального окружения возникли молдавское и валашское государства анклавного типа, в которых в дальнейшем стали развиваться процессы социально-экономического, языкового и этнического волошко-славянского синтеза. Для Валахии показательное участие в синтезе болгарского, для Молдавии — болгарского и восточнославянского элементов.

Само собой разумеется, что сказанное выше является всего только предварительным опытом характеристики основных линий социально-

⁵¹ Из последних работ, посвященных образованию государственности в контактной зоне, следует назвать здесь: Н. Ё о w m i a n s k i. Ibid.; L. E. H a v l í k. Počátky státního života balkanských slovanů. «Slowanský přehled», 1970, № 6. Здесь же указана литература вопроса.

⁵² В. Д. К о р о л ю к. Авары (обры) и дулебы русской летописи. «Археографический ежегодник за 1962 г.». М., 1963.

экономического и этнического развития контактной зоны в Юго-Восточной Европе в эпоху раннего средневековья. Характеристика эта требует еще множества дополнительных разработок и уточнений, привлечения новых источников. Однако границы выделяемой между регионом синтеза и бессинтезной зоной в Юго-Восточной и частично Центральной Европе контактной зоны обрисовываются довольно отчетливо. Зона эта охватывала Словакию, территорию современной Венгрии, Румынии и Молдавии, внутреннюю Хорватию и сербские земли, Болгарию, Македонию, подходя вплотную к весьма подвижным границам Византии. В нее не входила Далмация, а Моравия, часть южной Польши и часть юго-западных земель образовывали ее пределы на северо-востоке. На востоке эта зона непосредственно соприкасалась с территорией распространения так называемой салтовско-маяцкой культуры, сложившейся в значительной мере в Хазарском каганате. Если реки, в первую очередь Дунай, и система византийских военных укреплений не препятствовали, а скорее благоприятствовали, стягивая к себе окрестное население, развитию культурных, экономических и этнических контактов, то совсем иную роль играли труднодоступные горные местности и обширные пространства лесов. Они были важным условием сохранения в отдельных частях рассматриваемого региона тенденций к культурной и этнической изоляции, с ними связана в значительной мере пестрота его этнической характеристики.

Как видно из сказанного выше, контактную зону нет оснований включать в регион ни умеренного, ни тем более — с преобладанием позднеримских элементов — социально-экономического синтеза варварства и античности. Отмечаемые в ней элементы этого синтеза отличаются качественно и прослеживаются главным образом в области материальной культуры. Вместе с тем эту зону нельзя рассматривать и как простое продолжение бессинтезного восточно- и центральноевропейского региона, ибо элементы синтеза античности и варварства здесь все же имелись, причем нарастание их происходило почти буквально в направлениях с востока к западу и с севера на юг.

Попытка типологического выделения контактной зоны на Юго-Востоке Европы, разумеется, если она оправдается, по мнению автора, может оказаться плодотворной не только при исследовании основных этапов социально-экономического развития и этнической истории рассмотренного региона. В дальнейшем ее можно было бы распространить и на другие, близкие по своей социально-экономической, культурной и этнической характеристике регионы Европы. В первую очередь в таком случае речь должна была бы пойти о Закавказье и прилегающих к нему территориях. В заключение одно общее замечание. Выше были рассмотрены три большие археологические культуры, соответствующие трем крупным политическим образованиям. Если тезис о формировании в границах черняховской культуры особой народности представляется очень неясным и может быть спорным (нет оснований даже положительно решить вопрос о возможном языке этой народности), то зато следует определенно считать, что соответствующих процессов этнической интеграции в Аварском каганате и не происходило. Так называемая аварская культура не обнаруживала тенденции превратиться в культуру моноэтническую. Иная ситуация сложилась в третьем случае. Балкано-дунайская культура, или культура Первого Болгарского царства, тоже была полиэтнической. Однако в пределах державы протоболгар процесс этнической интеграции все же развивался. Правда, протоболгарское завоевание прервало, по-видимому, процесс формирования здесь самостоятельной славянской государственности и связанный с ней процесс складывания народности. Однако в дальнейшем могучая военная организация протоболгар не только исключила

возможность византийского завоевания с его тенденциями к деэтнизации населения покоренных территорий, но и способствовала усилению темпов славянской колонизации, а может быть даже и укреплению позиций славянского этнического элемента по отношению к автохтонному населению. Славяне и славянизированное местное население стали основной боевой и производственной силой державы. Процесс этнической интеграции протоболгар, славян и автохтонов завершился, однако, только в условиях перехода кочевников к оседлости и христианизации общества в целом. Только принятие новой религии окончательно ликвидировало все препятствия на пути начавшихся процессов этнической интеграции, на пути формирования раннефеодальной болгарской, славянской по своему этническому самосознанию, народности (как видно из сказанного выше, в основном вне этого процесса стояли влады).

Конкретно-исторические условия формирования болгарской славянской народности очень существенны для этнических исследований и в теоретическом плане. Изучение их свидетельствует о большой роли, которую могла играть религия — идеологическая и культурная надстройка (в данном случае — надстройка феодального типа — христианство) в процессе формирования на основе старых этносов или их элементов новых этнических общностей.

Л. А. СОФРОНОВА

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ПОЛЬСКОГО БАРОККО

Искусство и литература барокко характеризовались непостоянным набором различных признаков, неодинаково распределенных для различных их уровней¹, что приводило к эстетическому плюрализму, предполагавшему определенную свободу художника. Барокко в своей системе в целом реализует художественные принципы изменчивости и контраста. Произведения искусства этой эпохи бесконечно варьировали одни темы, одни приемы: один и тот же предмет может быть осмеян и возвышен, в равной степени служить высокому сравнению и снижению темы. Барочное произведение могло строиться по контрастным принципам, противопоставляя простоту сложности, нагнетание однообразных приемов их разнообразию. Широкий диапазон литературного материала и способов его подачи способствовал разнонаправленности, разностильности барокко. Но при всем своем разнообразии оно имело очень важную общую черту, проявлявшуюся на формальном уровне. Эта черта, известная, например, и искусству средних веков, — его осознанная условность. Искусство не всякой эпохи сознается в том, что оно искусство. Часто оно намеренно скрывает свою природу. Барокко настаивало на своей «искусственности», декларировало ее. Имея детально разработанную систему приемов, художники барокко предлагали читателю относиться к ним как к художественной технике, вводили его в мир этой техники, раскрывали тайны мастерства. Сложные пути создания произведения были открыты для наблюдения. Барокко требовало от читателя не сопереживания, а восхищения той свободой, с которой оно обращалось с формой.

Условность барокко, постоянное обнажение художественных приемов в восприятии современного читателя, а зачастую и исследователя, становятся доминантой литературы XVII в. Часто говорят, что барокко доводило до абсурда работу над формой, предавалось формальным ухищрениям, забывало о содержании, о значении произведений. Видимо, такое мнение объясняется тем, что различия в области формы улавливаются быстрее, чем различия в значении, скрытом в этой форме. Часто оно вообще не воспринимается нами, так как организовывалось совсем по другим принципам. Продолжая на новом уровне традиции предшествующих эпох, риторика оставалась поэтикой XVII в. Риторическими были поэтические произведения; по правилам риторики строились драматические сюжеты². Кроме того, содержание художественных произведений барокко сильно отличается от того, которое определяет искусство XVIII—XX вв.

¹ «XVII век в мировом литературном развитии». М., 1969; J. S o k o ł o w s k a. *Spory o barok*. Warszawa, 1971.

² «Retorica e barocco». Roma, 1955.

При внимательном рассмотрении вопроса обнаруживается, что барочное произведение скрывало в себе содержания гораздо больше, чем можно предположить, основываясь на сопоставлении его с более близкой к нам по времени литературой. Оно присутствовало во всем: в названии произведения, в построении сюжета, в системе тропов, в отдельных лексемах. Многочисленные формальные приемы служили выдвиганию на первый план содержания, значения.

Писатель и поэт барокко в первую очередь были нацелены на создание семантических структур, которым подчинялись все формальные приемы. Для их более точного воспроизведения они варьировались, обновлялись, вступали в неожиданные сочетания. Мысль, идея, значение более всего занимали поэта и художника барокко, которые видели их во всем и раскрывали всеми возможными средствами. Все элементы произведения организовывались категорией значения.

Постоянный учет этой особенности барокко, с нашей точки зрения, приводит к тому, что степень его постулируемой свободы уменьшается. Такие его черты, относящиеся к различным уровням литературы, как выбор и предпочтение отдельных тем (темы *vanitas*, смерти, иллюзий), дидактичность и риторика, искусственные стихи, неожиданное соединение противоположных понятий в одно целое, набор выталкивающих друг друга эпитетов, могут предстать перед нами в ином свете: как результаты работы одной организующей системы — системы значений, высокой степени знаковости искусства барокко. Наблюдения над текстами показывают, что проблемы, связанные со знаком и значением, во многом определяли характер творчества писателей и поэтов XVII в., а следовательно, и специфику литературы барокко.

Эти проблемы оказали сильное влияние на отбор поэтом и писателем барокко жизненного материала, на восприятие мира, элементы которого использовались в конструкции мира искусства. Литературный материал не был строго регламентирован: безобразное входило в литературу наряду с прекрасным. Стихий и небесные светила, предметы домашнего быта и физические недуги, как и результаты исследования точных и естественных наук, могли быть предметом поэтического описания. Литература барокко черпала свой материал, например, из космогонических представлений: «Совершай свой путь, вечное светило, и мы, жители земли, хотя принадлежим к твоему небу, также проходим свой краткий путь. Мы — тоже звезды, нам тоже известно затмение, когда гаснут лучи нашего рассудка» («*Bież, wieczne światło, i my-ć krótki wiek bieżymy, Ziemiańskie, acz do twego nieba należymy. I my-ć gwiazdy, i na nas przychodzi zaćmienie, Gdy nam zgasną zdrowego rozumu promienie*») ³; «Мир — это шар, и все в нем — это сферы, хотя и различной величины и вида...» («*Świat jest okrągły i wszystkie w nim sfery, Chóć różnej barżo wielkości i sery*») ⁴. Часто она обращалась к явлениям природы, но не с целью их описания, а с целью изобретательного нахождения в них символов добра или зла, времени или вечности. Вот как Д. Наборовский говорит о розе: «Роза означает для нас наши скоротечные годы, она с солнцем появляется на свет...» («*Róża nam wyraziła nasze krotkie lata, Bo z słońcem na świat wchodzi...*») ⁵. Шипы розы символизируют страдания любящего: «...это богиня любви хотела смешать желчь с медом...» («*...tak mieć chciała*

³ Z. M o r s z t y n. Na porównanie jesienne. В сб. *Muza domowa*, т. II. Warszawa, 1954.

⁴ Ibid., *Emblema* 51.

⁵ D. N a b o r o w s k i. Róża przypisana po Kołodzie Księżu Imci Krzysztofowi Radziwiłłowi. В сб. *Poezje*. Warszawa, 1961, s. 171.

bogini miłości, Aby zółć, przymieszała była do słodkości»⁶. Поэта барокко часто привлекало море как символ многотрудной жизни человека. Нередко материалом для сравнений и символов служила система родства, человеческий организм.

Окружающая действительность отображалась художником не ради нее самой, а ради стоящего за ней или скрытого в ней смысла: «...а все, что здесь, лишь тени того, что там...» («...a zaś te wszystkie rzeczy są tylko cienie tamtych...»), — пишет З. Морштын⁷. Мир заново рождался в художественном произведении, и каждое явление действительности наряду с собственным значением, данным ему повседневной жизнью, приобретало еще одно, не совпадающее с ним. Оно соотносило предмет с миром в целом, ставило в ряд других предметов, вскрывало ранее скрытые связи между ними. Так, входя в художественный контекст, явление действительности становилось знаком, и его значение определял сам художник⁸. Вещь «теряет свою обычную функцию использования и делается бесполезной, но зато выступает как представитель идеи и становится эмблемой»⁹. Очень часто эти новые значения были совершенно неожиданными. Так, в песочных часах заключен прах Тириса, сожженного взглядом своей дамы. Потому они напоминают нам о вечном терзании влюбленных¹⁰. Жених и невеста — это верующий и церковь¹¹. Эротика вообще часто служит для выражения религиозного экстаза, а понятия, связанные с религиозным ритуалом, проникают в любовную лирику: «Любовь для человека — это жертва, уста — алтарь, кадило — поцелуй...» («Uczona miłość to człeku za ofiarę stanie, Wargi ołtarz, kadzidło jest pocałowanie...») ¹².

Обобщенное значение вещи устанавливалось поэтом не сразу. Он не скрывал от читателя свою работу по определению значения, напротив, обычно в тексте шло длительное «разглядывание» вещи, описание ее во всех возможных аспектах, остранение. Поэт отказывался от привычных слов, не обращался к общеизвестным именам вещей. Давая им новые значения, он по-новому называл их, искал новые средства выражения для описания экстатического состояния верующего, для описания обыденного предмета. Потому для барокко так типичен перифраз. В связи с постоянной тенденцией выявить скрытое значение окружающего поэта мира, этот перифраз часто бывает загадкой: «Пою тебя и буду цеть до последней черты, пока не сяду в ладью жестокого Харона...» («Śpiewam Ci i śpiewać będę Do kresu samego Róki na łódź nie wsiedę Charona srogiego...») ¹³; «Уже козерог призывает тебя, о Феб, удалиться в теплый приют обычным путем светлого знака...» («Już Phoebe, kozorożec do austra ciepłego woła cię zwykłym znaku gościńcem jasnego...») ¹⁴; «Посланный туда, где в королевском гербе три лилии, от которых идет свет по всему миру» («Posłany tedy tam gdzie trzy lilije w krolewskim herbie, od których blesk bije Po wszystkim świecie») ¹⁵. Определение истинных, скрытых значений элемен-

⁶ Ibid.

⁷ Z. Morsztyn. Emblema 51. Ibid.

⁸ J. Błoński. Mikołaj Sęp-Szarzyński a początki polskiego baroku. Kraków, 1967.

⁹ Н. Жинкин. Проблема эстетической формы. Художественная форма. М., 1927, стр. 25.

¹⁰ J. A. Morsztyn. Na zegarek ciekący. В сб. Wybór poezji. Warszawa, 1963, s. 120.

¹¹ Z. Morsztyn. Emblemata. Ibid.

¹² D. Nabogowski. Miłość. Ibid.

¹³ Z. Morsztyn. Druga дума samegoż autora pod tenże czas oblężenia Krakowskiego, gdy był u Szwedów więźniem. В сб. Wirydarz poetycki. Lwów, 1910, s. 373.

¹⁴ Его же. Na porównanie jesienne. В сб. Muza domowa, t. II, s. 213.

¹⁵ Его же. Pamiątka zacnego wielkich cnot i wiecznej godnego pamięci Imci Pana Aleksandra z Szpanowa na Haliczanych Czaplica (1659). В сб. Wirydarz poetycki, s. 423.

тов мира, в чем, как мы говорили, писатели и поэты барокко видели свою задачу, делало основным тропом барокко — символ. Тенденция дихотомического деления мира на мир вещей и мир идей при доминирующем положении последнего в этой оппозиции приводила к тому, что барочный символ обычно реализовал переход от уровня конкретных представлений к миру идей. Например: «В его саду травы — надежда, хвощ — обещания, которые развеет ветер, сухие ветви — это посланцы мук...» («W ogrodzie jego zioła są nadzieje, chwast — obietnice, które wiatr rozweje, Męczeństwa posły są suche gałęzi...») ¹⁶. Те же принципы приводили к созданию бесчисленных классификаций любых явлений: «Четыре есть вещи, которые губят человека: компания, забава, речь и привычки... Четыре есть неocenенные вещи...» («Cztery rzeczy są, z których człowiek wydaje: kompanija, zabawa, mowa, obuczaje... Cztery rzeczy na świecie nieoszacowane...») ¹⁷. Они же лежат в основе доминирующего художественного приема эпохи — концепта, в котором абстрактное переносное значение всегда подавляет конкретное, основное.

После того как каждое явление получало свое высшее поэтическое значение, мир терял свою хаотичность и становился строго организованной системой, все элементы которой связаны между собой. Он предстал перед художником как «невидимый язык бога», «великий алфавит природы», как книга, в которую вписал свои суждения вечный разум, как собрание иероглифов и эмблем. Его элементы не были беспорядочно разбросаны в пространстве, а получали постоянные места на основе приобретаемых ими в искусстве значений. Эпоха барокко стремилась не к внешней похожести искусства на жизнь, а к установлению глубинных соответствий между ними. Она находила эти соответствия на уровне значения, не обращая внимания на внешние и функциональные различия вещей. Именно их смысл, значения, которые она им придавала, оправдывали их появление в литературе и их сочетание. Этим объясняется то, что на первый взгляд несоотносимые явления оказывались в литературе системой соответствий. Отсюда то беспрестанное смешение различных сфер материальной и духовной жизни, которое мы наблюдаем: «Я прикован к земле, но на легких крыльях стремится мой плененный дух воспарить ввысь...» («Przykowany-m do ziemi, a lotnymi pióru Pragnie duch mój związany wylecieć do góry...») ¹⁸. Смешивалось высокое и низкое, конкретное и абстрактное: «От головы до ног моя ничтожная душа замарана грехами... Погибшая лежит она в смердящей грязи...» («Od wierzchu głowy po same kolana Pługawa dusza, w grzechach uszargana... Leży zginiona w śmierdzącym błocie...») ¹⁹. В одной строке сосуществовали термины родства и религиозные понятия, описание физиологического процесса смерти и духовных мук (см. Эмблему 7 З. Морштына, описание смерти Амура у С. Твардовского в «Прекрасной Пасквалине» ²⁰). Сердце верующего могло быть закалено в горниле, его можно было ковать, мыть в фонтане (см. Эмблемы 6, 10, 11 З. Морштына). Подчиненное положение конкретных понятий по отношению к миру идей, их потенциальная значимость способствуют возникновению метафор, соединяющих абстрактные и конкретные понятия: святая наковальня, молоты слова, душа — крепость жизни, небесная баня, дым грязных грехов, сердце — показатель правильного компаса (święte kowadło, młoty słowa, dusza — forta żywota, niebieska łaźnia, dym brzydkich grzechów, serce — indeks wiernego kompasu (З. Морштын).

¹⁶ J. A. Morsztyn. Ogród miłości. Ibid., s. 44.

¹⁷ D. Naborowski. Czwartak. Ibid., s. 153.

¹⁸ Z. Morsztyn. Emblemata. В сб. Muza domowa, t. II, s. 11.

¹⁹ Ibid., s. 16.

²⁰ S. Twardowski. Nadobna Paskwalina. Kraków, 1926.

В поэзию барокко входили давно сложившиеся постоянные ряды соответствий различных элементов мира, например темпераментов и времен года, планет и металлов, органов человеческого тела: «И это соотносит сердце смертного человека, который есть сложное отражение громадного мира, с солнцем, а его мозг — с лунной» («A to dla człeka czyni śmiertelnego, który jest świata konterfet złożony; Serce do słońca wielką relacują ma, a księżycą mózg influencują») ²¹. Поэт барокко, как было свойственно человеку его эпохи, видел соответствия между структурой мира и человеком, т. е. между макро- и микрокосмосом: «Живой человек — это малый мир, голова — небо, чувства — планеты, разум — солнце...» («Mały świat człowiek żywy; tam niebo, gdzie głowa; Zmysły, planety; rozum, słońce...») ²². В результате такого отношения к изображаемой действительности барокко стремилось преимущественно к символическому воспроизведению.

Далеко не всегда каждое явление реальной действительности, входящее в литературу, получало единственное и неповторимое значение. Гораздо чаще эти явления группировались на основании сходных значений, становились тождественными на семантическом уровне. Они образовывали группу знаков с одним значением. Это имеет в виду Ю. М. Лотман, когда говорит об эстетике тождества, господствующей в эпоху барокко: «Однообразие на одном полюсе тождества компенсируется самым необузданным разнообразием на другом» ²³. Например: «Звук, тень, дым, ветер, блеск, голос, мгновение — вот человеческая жизнь» («Dźwięk, cień, dym, wiatr, błysk, głos, punkt, żywot ludzki słynie») ²⁴; «...не глаза, а факелы, не факелы, а звезды..., не звезды, а солнца...» («...nie oczy, lecz pochodnie, nie pochodnie, lecz gwiazdy..., nie gwiazdy, ale słońca...») ²⁵. Распространенный поэтический прием — асиндетон, состоящий в том, что поэт накапливал множество различных слов, сводившихся в итоге к одному значению, — также объясняется описанным выше соотношением знака и значения в искусстве барокко. Это соотношение создавало многозначность.

Могло быть и обратное. Одно и то же явление свободно меняло значение в одном художественном контексте, т. е. один и тот же знак мог одновременно иметь несколько значений. На этом принципе основан английский сборник эмблем XVII в. — «Schola cordis», где в каждой эмблеме изображался один и тот же символ — сердце, но благодаря предложениям всякий раз получал новое значение.

Изменениям, непостоянству жизни посвящались многие сюжеты и темы той эпохи. Как символ изменений в барочной литературе был чрезвычайно популярен Протей: «И как Протей, он постоянно превращается в разных чудовищ» («I jak Proteus w różne się Potwory Coraz odmieniał») (Эмблема 76, З. Морштыц). Постоянно интерпретировались «Метаморфозы» Овидия. С. Твардовский посвятил поэму превращению Дафны. Эта тема возникает и во второй части его поэмы «Прекрасная Пасквалина», в которой дважды повторен еще один сюжет с превращением (Мирра — мать Адониса). В 1635—1636 гг. в Варшаве шла опера «Дафна, превращенная в лавр», в 1638 г. — опера «Превращенный Нарцисс», в 1637 г. — комедия П. Барыки «Мужик-король», сюжет которой, как метафора, возникает в стихотворении З. Морштына «Спокойной ночи» ²⁶. Изменения,

²¹ Z. Morsztyn. Emblemata. В сб. Muza domowa, t. II, s. 47.

²² «Microcosmus». В сб. Wirydarz poetycki. Lwów, 1910, s. 99.

²³ Ю. М. Лотман. Лекции по структуральной поэтике. Тарту, 1964, стр. 173.

²⁴ D. Naborowski. Krótkość żywota. Ibid., s. 158.

²⁵ Его же. Na oczy królowny angielskiej. Ibid., s. 144.

²⁶ Z. Morsztyn. Na dobrą noc. В сб. Muza domowa, t. I, s. 248.

превращения героя — один из сюжетных ходов придворной рыбалтовской комедии «Масленица».

Зыбкость образа, его преднамеренная неопределенность типичны для барокко. Писателей и поэтов привлекала таящаяся в каждой вещи возможность перестать быть собой, испытать превращение, потерять свое знание и обрести иное, зачастую противоположное. Они стремились уловить момент перехода явления из одного качества в другое, видели в этом высшее проявление общей связи элементов мира.

Всеобщая обратимость, превращаемость ставила знак равенства между различными явлениями, уравнивала их.

Возможность колебания значений, их непостоянство порождали чувство неуверенности в окружающем мире. Жизнь — это иллюзия, сновидение, мистификация. Тема «жизнь — есть сон» развивалась во многих произведениях польского барокко: «И нашу жизнь мы напрасно называем жизнью, это только сон, сон исчезающий и позволенный нам на недолгое время» («*Azci i to, co żyjemy, Prożno żywotem zowiemy, Sen to tylko, sen znikomu, Na krótki czas pozwolony*») ²⁷; «И ты спишь беспробудно, хотя тебе и кажется, что ты живешь... жизнь — это сущность смерти, жизнь — это сон» («*I tyć śpisz nieobudzony, Choć ci się żeś żyw zdało... żywot ten śmierci istota, Żywot ze snem zrownany*») ²⁸.

Барокко было эпохой, в которой с новой силой прозвучала средневековая идея о *Theatrum mundi*: «Весь мир — это сцена, и все живущие — комедианты... Но часто представление становится трагедией, и кто выше встанет в этом театре, тот подвергает себя громам и бурям...» («*Zgoła świat scena, a wszyscy co żyją Osobami są tej komediej; Ale w okrutne często tragedye Te gry się mienia, a in kto na wyższe wstąpi teatrum, tym jest podlejszy Srogim piorunom i wichrom...*») ²⁹.

С этими темами связана тема суетности мира: «Мир славит суетность и все земные грехи» («*Świat hołduje marności I wszystkie ziemskie złości*») ³⁰. *Vanitas* преследовала поэтов барокко, сплетаясь с темой смерти и ее ожидания, страданий тела и души. Трупы, скелеты, черепа — неизменные аксессуары многих произведений живописи XVII в., ее постоянное *memento mori*. С идеей всеобщей обратимости и равенства связано популярное в эпоху представление об уравнивающей всех смерти, много раз возникающее в философской лирике.

Немотивированность знака, потенциальное наличие в нем нескольких значений и их свободная замена приводили к тому, что значение могло полностью подавлять носителя значения, отрываться от него и существовать независимо, поэтому в драматургии и в поэзии барокко, как и в средние века, продолжают появляться аллегории и аллегорические фигуры. На сцене и в стихах действуют нелицетворенные, невоплощенные Вера, Надежда, Разум. Иногда драматическая фабула вообще основана только на их действиях.

Иногда значения, которые получали предметы реального мира в литературе, могли быть постоянными, закреплялись за ними. Постоянные значения уходили своими истоками в античную мифологию, христианскую символику, средневековые bestiarii. Например, переходящее наслаждение (*Voluptas brevis et insignia*) постоянно ассоциируется с пламенем, с тающим дымом, облаком, со стрелой, с течением реки, с мыльными пузырями. В любом контексте аист значил сыновнюю любовь, пеликан —

²⁷ Ibid.

²⁸ Z. Morsztyn. *Żywot, sen i cień*. В сб. *Muza domowa*, т. II, s. 199.

²⁹ Егонец. *Epithafium...* В сб. *Wirydarz poetycki*, s. 466.

³⁰ D. Naborowski. *Marność*. Ibid., s. 58.

родительскую, жертвенную любовь; павлин был символом роскоши мира: «Павлин — это образ роскошного мира, в котором прекрасны только перья. Но что такое сам этот мир? — Только перья и надутые ветром пузыри» («Paw to jest, świata konterfet pysznego, W którym krom pierza nie masz nic pięknego. Ale i sam świat cóż jest? — Tylko pierze I lekkie wiatrem nadziane pęcherze») ³¹.

Чаще значения предметов не были постоянными и зависели от контекста. Примером может служить «Предисловие с предупреждением для читателя» Я. Трембецкого, которым открывается собрание стихотворений анонимных и известных поэтов XVII в. «Стихотворный вертоград» («Wirydarz poetycki»). Представляя сборник читателю, он сравнивает стихотворения, вошедшие в него, с цветами. Лилия, тюльпан, роза символизируют стихи на моральные темы, нарцисс обозначает нечто серьезное. Лаванда символизирует шуточные стихи, красная гвоздика — это символ стихов, воспевающих воинственного Марса, а хвощ и крапива — фразы. Эти цветы, как известно, могли символизировать иное. Так, например, роза могла быть символом богородицы, лилия — невинности и т. д. Системы символов могли перекрещиваться, могли переводиться одна в другую.

Отношение к миру как ко множеству знаков сказывалось не только в создании отдельных символов, предпочтении некоторых приемов, но и в трактовке тех элементов литературы, значимость которых в настоящее время упала или продолжает существовать в неявном виде. Фонологический, морфологический, грамматический уровни языка были включены как действенные в поэтическое произведение.

Поэт барокко искал новые значения не только в словах. Значимыми для него были и звуки, имевшие, как и слово, семантическую нагрузку: «А — выражает достоинство, возвышенность... Е делает стихотворение приятным и нежным и странно милым для уха» ³². Сходно звучащие слова в поэтике барокко объявлялись имеющими аналогичный смысл. Иногда, напротив, значения сходно звучащих отрывков противопоставлялись. Морфологические и грамматические средства в барочной поэзии были также очень значимы, что подтверждается распространенностью таких приемов, как анаграмма, когда из разрозненных или поставленных в обратном порядке слогов одного и того же слова возникает несколько значений; как логодеалия — прием, при котором доминантой строения стиха был слог и стихотворения строились на односложных словах. В эпоху барокко вообще была чрезвычайно распространена игра со словом. Например, в стихотворении В. Потоцкого «Вето, или не позволю» слово *veto* разлагается на слоги и первый слог интерпретируется как *vae* — несчастье ³³. Аналогичный прием использован поэтом в стихотворении «Ханжа» («Dewotka») ³⁴. Синтаксические структуры не менее значимы для поэта барокко. Наиболее сложные из них были призваны выражать наиболее сложное содержание («Темный стиль будит ум»). Большую роль играла синтаксическая инверсия. Она была направлена на раскрытие и усиление значения, приводила читателя сначала к ложному, а затем — к истинному значению. Она способствовала созданию множества значений текста и колебаний между ними.

Знаковый подход к литературе в эпоху барокко проявлялся и в трактовке графической структуры. Она рассматривалась как самостоятельная система и имела свои правила построения. Ее разработка обогащала поэзию новыми значениями. Были известны такие графические фигуры, как

³¹ Z. M o r s z t y n. Emblema 38. В сб. Muza domowa, t. II.

³² M. K. S a r b i e w s k i. O poezji doskonałej. Wrocław, 1954.

³³ W. P o t o c k i. Veto albo nie pozwalam. В сб. Wybór wierszy, Łódź, 1950, s. 10.

³⁴ Ibid., s. 18.

жолцо, крест, крыло и др. Обычно она сочеталась с языковыми приемами; в основном на фонологическом уровне. Примерами могут служить пространственные стихи типа эхо³⁵ или стихотворение неизвестного польского поэта XVII в. «Круг» («Koło»), каждая строка которого начинается и заканчивается звуком *o*: «*Od serdecznego afektu to koło Ochotnie toczy ku tobie wesole*»³⁶. Взаимодействие графической и фонологической структур стиха, участвующих в создании значения, особенно ярко выражается в акростихах, например: «*Acrostichon de nomine Jesu*»³⁷; в стихах-раках, обратное чтение которых создавало противоположное значение, например «Раки» Я. А. Морштына³⁸. Графическая структура могла использоваться для введения числовой символики. Буквы могли читаться одновременно и как цифры.

Знаковый подход к искусству определил во многом организацию литературы XVII в. в целом: соотношение ее жанров, структуру отдельных литературных произведений. Поиски значений, скрытых в реальном мире, стремление подчеркнуть смысл изображаемого приводили к тому, что в системе барочных жанров важное место занимали жанры, ориентированные на значения, структура которых отражала тенденцию к осмыслению вещного мира. Основным из них был жанр эмблем. Он проецировался на строение других жанров, поэтических и драматических. Это обстоятельство в значительной мере затрудняет восприятие литературы барокко для современного читателя. Нас может остановить разлаженность, разрыв между отдельными частями барочного произведения, резкая смена его топальностей и ритмов. Без знания правил его построения оно может показаться нагромождением противоречащих друг другу элементов содержания и выражения. В действительности любой барочный текст — это строгая система с выдержанной иерархией уровней, подчиненная единому эстетическому заданию, система, где каждая деталь участвует в создании общего значения. И прозаический и поэтический тексты могли прерываться морализаторскими вставками, заканчиваться назидательным заключением, что характерно как для «ученой» литературы («Прекрасная Пасквалина» С. Твардовского), так и для «низового» барокко (совизжальская проза). Это не было их недостатком. Такой тип построения обуславливался поэтикой. В XVII в. объяснение, толкование текста входило в его художественную структуру³⁹. Элементы дидактики не были в литературе барокко случайными, привнесенными извне. Они имели равные права с художественным описанием, диалогом. В одном произведении сочеталось описание жизненных ситуаций, реальных явлений, изображение знаков и изложение их смысла, значения.

Поэты XVII в. очень часто пользовались дедуктивным методом построения произведения. Он состоял в том, что некоторый тезис подтверждался многочисленными примерами, часто отпосившимися к различным предметным областям. Этот прием сходен с построением поэтического произведения в целом. Он употребляется в стихотворениях Д. Наборовского «Возвращение», «Добродетель — всего основа», «Оплакивающему покойную супругу Радзивиллову», «Поэтические письма»; в стихотворении «Весна» Я. А. Морштына⁴⁰. В «Диалоге юноши с девушкой» Д. Набо-

³⁵ «De echo ex Jacobo Pontano». В сб. *Wirydarz poetycki*, s. 42.

³⁶ «Koło». В сб. *Wirydarz poetycki*, s. 38.

³⁷ *Ibid.*, s. 39.

³⁸ J. A. Morsztyn. *Raki*. В сб. *Wybór poezje*, s. 98.

³⁹ J. Kułtuniakowa. *Od mitu do moralitetu*. Wrocławskie spotkania teatralne. Wrocław, 1967.

⁴⁰ А. Морозов. Основные задачи изучения славянского барокко. «Советское славяноведение», 1971, № 4; A. Schöne. *Emblematik und Drama im Zeitalter des Barock*. München, 1964.

ровского герои аргументируют свои доводы многочисленными примерами, взятыми из античной мифологии.

Наиболее последовательно описанная выше структура выражена в популярном жанре эпохи — эмблеме⁴¹. Эмблема демонстрирует наиболее характерное для барокко взаимодействие искусств — живописи и слова. Всякая эмблема состоит из трех частей: изображение (*imago*), подпись (*subscriptio*), надпись (*inscriptio*). Рисунок — это предмет реального мира, знак. Никаких ограничений темы рисунка не существовало, как не было и ограничений художественного материала: «Нет ни одной вещи под солнцем, которая не могла бы стать материалом эмблематики» («*Nulla res est sub sole quae materiam Emblematici dare non possit*»). Обычно изображались бытовые сценки: сбор плодов, картины природы. Со средневековыми bestiариями связаны изображения животных. Рисунок не главенствовал в эмблеме. Большую роль играла сентенция. Она выражала высшее, обобщенное значение, которое соотносило изображение материального мира с миром идей. Обычно она морализировала по поводу внутреннего мира человека или норм его поведения в повседневной жизни. Так совершался переход от конкретного явления к абстрактному умозаключению. Значение рисунка обогащалось и часто неожиданно усложнялось, но оно не исчезало полностью, а входило в состав общего значения эмблемы. Это значение подробно освещалось в эпиграмме-подписи (*subscriptio*). Например, на рисунке изображен человек, смотрящий на компас и проливающий слезы. Подпись под рисунком, взятая из книги Иова, гласит: «Не малы ли дни мои?» Эмблема означает преходящесть земной жизни и торжество духовного начала над материальным. Другой пример. На рисунке изображен цирюльник, пускающий кровь. Подпись: «Избавь меня от крови» (Псалом 50). Стихотворение, сопровождающее эмблему, — это ее подробный комментарий, развивающий тему сентенции. Эти примеры взяты из сборника эмблем З. Морштына «*Emblemata*», который представляет жанр эмблем в варианте, близком к религиозной, медитативной лирике.

Эмблематика не существовала изолированно. Она проникала в другие барочные жанры. Эмблематических сравнений, примеров полны стихотворения З. Морштына: пеликан как символ родительской любви появляется в его «Второй Думе» 1668 г., хамелеон, также заимствованный из эмблематики, означает многочисленные облики дьявола (в 70 эмблеме). Эмблемами насыщены стихотворения Я. А. Морштына «Женщины», «К бабочке». Они встречаются в стихотворениях Д. Наборовского: «Размышление», «Петух на крестинах». В этих поэтических текстах описываются как бы рисунки эмблем: бабочка, летящая на огонь, символизирующая человеческую беспечность; морская буря, означающая страдания в жизни человека; петух и жемчужное зерно; лев, убегающий от петуха, — сопровождаемые моралью.

Эмблематика широко использовалась в другом популярном жанре барокко — в загадках. Вот, например, загадка № 77 сборника «Стихотворный вертоград»: «Рождаясь, всегда убиваю мать» («*Nie mogę sie urodzić matki nie zabiwszy*»). Отгадка: ящерица. Ящерица, означавшая беззаветную любовь, по старинным поверьям, рождая детенышей, погибала.

Жанр загадок заслуживает того, чтобы на нем остановиться в связи со знаковым подходом к искусству. Являясь важной частью развлекательной и нравоучительной литературы, загадки явно и наивно решали

⁴¹ D. N a b o r o w s k i. Poezje. Warszawa, 1961; J. A. M o r s z t y n. Wybór poezji. Warszawa, 1963.

одну из важнейших художественных задач эпохи — поиски значения. Этот жанр в целом подтверждает отношение поэта XVII в. к миру как собранию иероглифов, которые следует расшифровать. Примером загадок XVII в. могут служить загадки анонимных поэтов в сборнике «Стихотворный вертоград»⁴².

Басни — жанр, пользовавшийся не меньшей популярностью, — также могут быть описаны как произведения, доминантой которых является значение. Они обязательно содержали некоторую картинку, конфликтную ситуацию и мораль (см. басни В. Потоцкого)⁴³.

В основе построения многих стихотворных произведений барокко также лежал знаковый подход к искусству. Рассмотрим небольшое стихотворение Я. А. Морштына «Пчела в янтаре»⁴⁴:

Зримо скрытая в прозрачном янтаре,
Пчела, кажется, плывет в своем меду,
Презираемая при своей жизни под небом
Теперь возвеличена погребением и мо-
гилой.

Так оплатился ее труд,
Она сама так хотела умереть.
Пусть Клеопатра не гордится,
Так как насекомое покоится
В усыпальнице, более совершенной.

Widomie skryta w przezczystym bursztynie,
Zda się że w własnym miedzie pszczoła
płynię;
Wzgardzona będąc, gdy żyła pod niebem,
Teraz jest droższa truną i pogrzebem.
Tak się jej wierna płaca zapłaciła,
Snadź sama sobie tak umrzeć życzyła.
Niech Kleopatra nie pochlebia sobie,
Kiedy w kształtniejszym mucha leży
grobie.

Первые его четыре строки, полные изящной игры контрастов видимого и невидимого, движения и покоя, застывшего и текущего, представляют собой живописную миниатюру. Постепенно описание янтара, ставшего склепом, переходит в сентенцию: пчела достойным памятником вознаграждена за труды. Сравнение ее могилы с саркофагом Клеопатры перекликается с популярной темой барокко — темой всех уравнивающей смерти. Картина служит поэту поводом для размышления на абстрактные темы. Первая часть этого стихотворения сопоставима с рисунком эмблемы, вторая — с сентенцией. Структура такого типа характерна для многих стихотворений того же поэта (см., например, «На яблоко»); для стихотворений Д. Наборовского «Петух на крестинах», «Не стремись к тому, чего не можешь получить», где само название уже является сентенцией; для стихотворения З. Морштына «Письмо к пану А. Меженьскому».

Аналогично поэтическим жанрам часто строилась барочная, особенно школьная, драма⁴⁵. Ее фабула служила иллюстрацией, примером некоторой общей идеи, ее доминирующего элемента. Ей подчинялись остальные элементы драмы. Идея непосредственно излагалась в сумме, предшествовавшей драме, а затем в прологе. Пролог драмы мог иметь структуру, аналогичную структуре драмы. «В прологе можно выставить известные символические изображения добродетели или события, нарисованные либо резные, или надписи; эти символы одно или несколько лиц разъясняют...»⁴⁶. Пролог делал выводы относительно пороков и добродетелей, комментировал поведение главного действующего лица. Так, например, пролог в «Драме о Генсерике и Трзимунде» («Mistyczna wesela komunii

⁴² «Gadki rozmaite». В сб. Wirydarz poetycki, s. 73—83.

⁴³ W. P o t o c k i. Wybór wierszy.

⁴⁴ J. A. M o r s z t y n. Pszczoła w bursztynie. Ibid., s. 95.

⁴⁵ A. S c h ö n e. Ibid.; W. R o s z k o w s k a. Uwagi o programowości teatru barokowego w Polsce. В сб. Wrocławskie Spotkania Teatralne. Wrocław, 1967; J. L i p i Ń s k i. Historia sztuki aktorskiej w Polsce. «Pamiętnik Teatralny», 1971, № 2.

⁴⁶ В. И. Р е з а н о в. Эскурсе в область театра иезуитов. Нежин, 1910, стр. 334.

Genserika i Truzumunda)»⁴⁷ произносит аллегорическая фигура — Властолюбие. Она появляется в виде устрашающего дракона с повязкой на глазах и повествует о том, что будет происходить на сцене, описывая все будущие события как борьбу добра и зла. Оно же предрекает исход трагического столкновения героев: «Я собственной рукой пронжу его сердце сталью, я погублю сама своего сторонника» («Żelazo własną ręką u sercu własnym jego Utopię, zgubię śmiercią hołdownika mego»). Смысл отдельных действий кроме пролога и суммы выражали хоры. В них говорилось о значении происшедших событий, иногда также предсказывалось развитие событий. Хоры служили как бы подписями к живым картинам, которые показывали на сцене. Хоры между действиями упомянутой выше драмы говорят о власти и смерти: «То, что затевает жестокая алчность, сразу обречено на провал» («Gdyś co podnosi chciwość gorącą To się na zgubę z góry patraś»), о неизбежности кары за злодеяния, о лжи и неискренности в дружбе. Такую же роль мог играть эпилог, иногда сходный с проповедью. В нем обычно вновь повторялся смысл представления.

Значение драмы в целом могли отражать интермедии. Они, снижая, повторяли то, что происходило в основном действии. Смысл сюжета пьесы мог служить основой для объединения интермедий в одно целое.

Неоднородность барочной драмы, наличие в ней различных в жанровом отношении элементов, например: сценические монологи, адресованные зрителю, интермедии, собственно драматическое действие — усиливается еще и тем, что очень часто сама драматическая фабула могла состоять из разрозненных кусков (см., например, драму «Совершенная игра») ⁴⁸. Цельность барочной драмы достигалась не на формальном уровне, где совмещались разноплановые куски, а на уровне значения. По этой причине драма XVII в. во многом представляется нам несценичной.

Выявляя доминанту драмы — значения, драматурги поручали своим героям не только действие, но и его оценку. Участвуя в конфликтных ситуациях, герои барочной драмы пространно комментировали свои действия и действия своих противников и сторонников, одновременно и действовали и выступали в роли резонеров. При этом персонаж высказывал не ту точку зрения, которую можно было ожидать, основываясь на его сценическом поведении, а ту, которую должен был занять по отношению к событиям, происходящим на сцене, зритель. Поэтому барочная драма полна сентенций, риторических монологов, объясняющих значение фабулы, выносящих оценку событиям и героям. Такая самооценка, кстати, типична и для многих стихотворных жанров. Например, старый король в упомянутой выше драме, мотивируя свой отказ в престоле одному из сыновей, говорит: «Корона предназначена для благородных, мужественных сердец» («Mężnych serc wspaniałych korona nie mija»).

Рассматривая сценическое действие как живопись, высшее достоинство которой состоит в выражении истины (Я. Масен), школьные драматурги часто использовали прием сочетания немой сцены и речи героя, обычно вестника. Этот прием — ключ к построению барочной драмы в целом. Ее сценическое действие может быть рассмотрено как немая картина, речи ее героев — сентенции, подписи к этим немым картинам. Мы видим здесь модель эмблемы. По этой же модели строились названия драмы, например: «Блудный сын после голодных дней призван отцом на пир, который означает святое причастие» («Syn marnotrawny po głodzie od ojca wezwany na bankiet, który jest ucztą w Najświętszym Sakramencie dla

⁴⁷ Ossolineum, 12 778 I.

⁴⁸ J. D ü r r - D u r s k i. Wstęp do «Misternej Personaty». Misterna Personata. «Pamiętnik Teatralny», 1952, № 1, s. 88—144.

grzesznika»). Первая часть названия относится к событийной стороне, вторая, разъясняющая ее, — к идейной.

Эти приемы применялись не только в развитых драматических жанрах, но и в более примитивных — школьных диалогах, декламациях. Декламации включали не только словесный текст, но и живые картины — знаки, значение которых раскрывалось в речах декламаторов. Существовали специальные картинные декламации энигматического характера. В них разгадывался смысл картин⁴⁹.

Сходную с драмой структуру имела фацеция, популярный жанр барокко. В отличие от драмы она не прерывалась морализаторскими вставками, но имела заключение (последние две рифмованные строки), подводящее итог рассказу, оценивающее героев. Например, фацеция «О пьяном, что был королем», заканчивается так: «Что может пьянство и какая это безобразная вещь, этим случаем показал король. Хорошо сказал некто: Пьяный, что бы он ни делал, во всем свинье подобен». («Co pijanstwo umie i jak jest rzeczą sprosna, tym kunsztem Karolus okazał. Dobrze napisał jeden: Pijany, cokolwiek czyni, Podobien we wszem do świni») ⁵⁰.

Так же строилась барочная поэма. «Прекрасная Пасквилина» С. Твардовского, например, начинается строками, выполняющими функцию пролога драмы, заканчивается заключением морализаторского характера. Ее эпизоды мало связаны формально, зато они объединены общим значением, которое сводится к моральному совершенствованию героини. Ее путь, являющийся канвой сюжета поэмы, в то же время символизирует очищение от грехов, путь к истине.

Итак, особенности жанровой структуры литературы барокко, внутреннее строение отдельных жанров, многие особенности ее поэтического языка могут быть объяснены высокой степенью ее знаковости.

⁴⁹ В. И. Резанов. К вопросу о старинной драме. Теория школьных «декламаций» по рукописным поэтикам. Известия ОРЯС, 1913, кн. 1.

⁵⁰ «O pijanicu, co cesarzem był». В сб. *Faceseje polskie z roku 1654*. Kraków, 1903, s. 28—29.

Я. В. ЗАКРЕВСКАЯ

О ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ И ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО МИКРОПОЛЕЙ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА

Украинские говоры карпатского ареала, в который объединяются традиционные закарпатские, бойковские, гуцульские, лемковские и часть буковинских говоров, отличаются рядом характерных, только им свойственных черт. К их числу относится особо развитая и богатая система словообразования этих говоров. С точки зрения словообразовательного инвентаря эта система минимально отличается от системы словообразования украинского литературного языка или других диалектов. В сфере же функционирования отдельных словообразовательных элементов, в расширении их семантических функций и наличии четкой семантической дифференциации омонимических суффиксальных морфем, изменении пространности и продуктивности некоторых формантов, своеобразии сочетания их с разными типами основ и т. п. выявляются значительные отличия.

Диалектному словообразованию, в том числе и словообразованию в говорах карпатского ареала свойственна в большинстве случаев четкая территориальная дифференциация отдельных словообразовательных единиц. Однако при исследовании диалектного словообразования в ареальном аспекте целесообразно выбирать в качестве объекта не самые минимальные словообразовательные единицы (например, отдельные аффиксы), а более общие — *словообразовательный тип*, являющийся главной единицей словообразовательной системы и представляющий собой формально-семантическую схему построения слов, абстрагированную от конкретных лексем, а также более широкую единицу, которая объединяла бы словообразовательные типы с общим формантом и общим словообразовательным значением, — *словообразовательное микрополе*. Следует отметить, что такие понятия, как словообразовательный тип, словообразовательная модель, словообразовательное поле не имеют в лингвистической литературе единого терминологического определения. Одни исследователи почти отождествляют понятия «словообразовательный тип» и «словообразовательная модель»¹, или «словообразовательный тип» и «словообразовательное поле», другие, к мнению которых мы присоединяемся, вкладывают в последнее более широкое содержание. Поэтому словообразовательное поле

¹ См., например, Т. К. Молодіт. До питання про словотвірний тип. Питання словотвору східнослов'янських мов. Київ, 1969.

уточняется понятием «подполе» или же различаются понятия «словообразовательное макро- и микрополе»².

Словообразовательное поле часто взаимосвязано с семантическим микрополем и обуславливается им. Эта взаимосвязь и обусловленность иллюстрируется данными словообразовательного поля деятеля, которое состоит из набора синонимических суффиксов, сообщающих «производным именам одно и то же общее словообразовательное значение, а также один и тот же пучок значений определенных грамматических категорий»³.

Как известно, всем славянским языкам свойствен большой ряд синонимических суффиксов, входящих в словообразовательное поле деятеля. В современном украинском народноразговорном языке, например, этот ряд представлен суффиксами: *-ар* (*-яр*), *-ач* (*-яч*), *-ик* (*-ник*, *-альник*, *-ильник*, *-ельник*), *-ець*, *-тель*, *-аль*, *-ух*, *-ун*, *-аш*, большинство из которых являются общеславянскими. Кроме того, в этот ряд входит определенное количество заимствованных аффиксальных элементов более позднего времени: *-ист*, *-іст*, *-ор*, *-атор*, *-ир*, *-ер*, которые народноразговорному языку свойственны в меньшей мере.

Возникает вопрос, как происходит «отбор» из синонимического ряда семантически однозначных суффиксов для образования названий действующего лица. Материалы говоров карпатского ареала дают основание сделать вывод, что такой отбор не произволен, а происходит преимущественно в пределах семантического микрополя, вследствие чего семантические и словообразовательные микрополя перекрываются. Такая взаимозависимость и обусловленность словообразовательного и семантического микрополей может иметь внутридиалектный или междиалектный характер и выявляться как в пределах одного языка, так и в группе контактирующих языков.

Примером внутридиалектной взаимосвязи и взаимозависимости словообразовательного и семантического микрополей в украинском языке могут служить названия действующего лица на *-аш* в закарпатских говорах. Части закарпатских говоров, особенно так называемым ужанским, боржавским и мараморошским (по классификации И. А. Дзензелевского⁴), свойственны названия действующего лица на *-аш*: *сія́ш* 'сеятель', *кося́ш* 'косец', *копа́ш* 'копач', *соко́таш* 'кто присматривает за чем-нибудь', *вартáш* 'сторож, дежурный', *дівка́ш* 'кто часто ухаживает за девушками' и др. В этих же говорах суффикс *-аш* в агентивной функции выступает наряду с другими синонимическими суффиксами, например, *-ник*, *-ач*, *-ар*. Однако названия отдельных лексико-семантических групп, как, например, названия музыкантов, играющих на разных видах инструментов, здесь образуются, как правило, по единой словообразовательной модели, а именно, при помощи суффикса *-аш*: *бубна́ш* 'играющий на бубне', *трембі́таш* 'играющий на трембите', *дримба́ш* 'играющий на дримбе', *гуслáш* 'скрипач', *дудáш* 'дудочник', *флу́жерáш* 'играющий на свирели' и др.

² О. Г. Ревзина. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969; Ф. Т. Жилко. Картографирование элементов словообразования в атласах восточнославянских языков. Совецание по общеславянскому лингвистическому атласу (Ленинград 26—30 сентября, 1972). Тезисы докладов. М., 1972; З. С. Сикорская. Суффиксальное словообразование имен существительных в украинских говорах юго-восточного языкового пограничья. Автореферат канд. дисс. Киев, 1972.

³ Ср. определение словообразовательного поля деятеля в работе О. Г. Ревзиной «Структура словообразовательных полей...», стр. 10.

⁴ И. О. Дзензелевський. Класифікація говорів в Закарпатській обл. Тези доповіді V Міжвузівської республіканської славистичної конференції. 25—30 вересня 1962 р. Ужгород, 1962.

Суффикс *-аш* в названиях действующего лица в закарпатских говорах многими исследователями относится к венгерским словообразовательным заимствованиям⁵, хотя существует и другое мнение, согласно которому признается славянское происхождение *-аш*⁶.

По-видимому, не случайно именно эта узкая лексико-семантическая группа названий действующего лица образуется при помощи суффикса *-аш*, который в закарпатских говорах несомненно активизировался в агентивной функции под влиянием венгерского языка. Ведь сами исполнители в большинстве случаев были странствующими музыкантами, приходившими в Закарпатье из Венгрии. Этот экстралингвистический фактор сыграл немаловажную роль в словообразовательном моделировании названий деятеля и анализируемой лексико-семантической группе. Названия музыкантов, играющих на различных инструментах, в других говорах карпатского ареала моделируются по иным словообразовательным образцам⁷.

Междиалектный характер взаимозависимости и обусловленности словообразовательного и семантического микрополей не только в украинском языке, но и в группе контактирующих языков выявляется на примере названий действующего лица с суффиксом *-ар*.

Суффикс *-ар*, как известно, почти во всех славянских языках относится к числу широко распространенных и продуктивных суффиксов, при помощи которых образуются названия действующего лица согласно профессии, специальности, занятия или рода деятельности вообще. По своему происхождению этот суффикс относится к древним, общеславянским заимствованиям, проникшим в славянские языки через посредство германских языков из латинского (ср. лат. *-arius*).

Образования с суффиксом *-арь* засвидетельствованы уже в самых древних славянских памятниках.

Материалы древнерусских памятников дают полное основание сделать вывод, что названия действующего лица с суф. *-арь* в древнерусском языке составляли значительную группу, в которую, кроме определенного количества неславянских лексических заимствований (из готского — *боукарь*, *мытарь*, из греческого — *келарь*, *нотарь*), входили преимущественно славянские образования: *винарь*, *говедарь*, *лѣсарь*, *ниварь*, *плугарь*, *рибарь*, *хлѣбарь*, *козлицарь* и др.

Позднее суффикс *-ар* по-разному распространяется в славянских языках. Наиболее продуктивен он в западославянских языках и особенно в чешском, а также словацком и лужицком, в несколько меньшей мере продуктивен *-ар* в южнославянских языках. На восточнославянской почве агентивные образования с *-ар* распространились в украинском и белорусском языках, в которых *-ар* и поныне является продуктивным формантом. В русском языке суффикс *-ар* относится к малопродуктивным.

В современном украинском языке агентивные образования с суффиксом *-ар* распространены и продуктивны как в литературном языке, так и в говорах. Однако имеются значительные отличия в степени распространения и продуктивности этих образований в литературном языке и в

⁵ См., например, П. М. Л и з а н е ц ь. Основні шляхи проникнення лексичних мадаризмів в українські говори Закарпаття. Слов'янсько-угорські міжмовні та літературні зв'язки. Ужгород, 1970, стр. 110—111.

⁶ П. П. Ч у ч к а. Антропонімія Закарпаття (вступ та імена). Ужгород, 1970, стр. 69.

⁷ Ср. *гудяк*, *гусляр*, *гусельник* 'скрипач' (см. Й. О. Д з е н д з е л і в с ь к и й. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської обл. УРСР, ч. 1, карта 100. Ужгород, 1958); *скрипак*, *гудяк*, *свистак*, *трумбетар*, *дудар* (см. З. В. Б у л и к. Словотвір бойківської музичної лексики. Українська діалектна морфологія. Київ, 1969, стр. 49—51).

говорах. Как свидетельствуют материалы шеститомного украинско-русского словаря, в современном украинском языке функционирует около 200 существительных — названий действующего лица на *-ар*. Правда, часть из них имеет пометы «редкое», «устарелое», «диалектное». В украинских говорах происходит двойственный процесс: с одной стороны, сокращение агентивных существительных с суффиксом *-ар* и утрата его продуктивности (например, в юго-восточных говорах, в частности на территории украинско-русского пограничья)⁸, а с другой — значительное распространение агентивных существительных на *-ар* и рост продуктивности суффикса *-ар* в образованиях анализируемого типа, что особенно четко выявляется в говорах карпатского ареала. Карты и архивные материалы т. II Атласа украинского языка, материалы Общеславянского лингвистического атласа, наши собственные полевые записи, а также печатные и рукописные работы⁹, дали возможность определить ареал усиленного функционирования суффикса *-ар* в агентивной функции, охватывающий основную массу карпатских говоров — закарпатские, бойковские, гуцульские, лемковские и часть буковинских.

В этом ареале функционирует, по нашим данным, более 100 агентивных существительных на *-арь*, не известных украинскому литературному языку, а также другим украинским говорам. Это обуславливается несколькими моментами.

Во-первых, говоры данного ареала (особенно закарпатские, относящиеся к архаическим украинским говорам), сохраняют определенное количество древних названий действующего лица: *плугáр'* 'пахарь' (ср. др.-русск. *плугарь*¹⁰), *винáр'* 'винодел' (др.-русск. *винарь*), *рибáр'* 'рыболов' (др.-русск. *рыбарь*), *житáр'* 'полевой сторож' (др.-русск. *житарь*), *коровар'* 'лицо, пасущее рогатый скот' (др.-русск. *краварь*) и др.

Во-вторых, словообразовательный тип с суффиксом *-арь* является настолько активно действующим образцом, по которому образуются агентивные существительные, что под его влиянием изменяется словообразовательная структура общеукраинских названий: *стригáр'*, *стрижар'* 'человек, стригущий овец' вместо *стригаль*, *дружбáр'* вместо *дружба*, *конюхáр'* вместо *конюх*, *железничáр'* вместо *залізничник* 'железнодорожник' и др. Иногда общеукраинские названия в говорах карпатского ареала заменяются другими лексемами, изменяя при этом всю словообразовательную структуру согласно действующей модели: *пчолáр'* вместо *пасічник* 'пчеловод', *білетáр'* вместо *касир*, *колесáр'* вместо *стельмах* 'тележный мастер' и др. Эту группу названий пополняют также иноязычные заимствования, которые морфологически адаптировались на местной почве, например, закарпатское диалектное *бадогáр'* 'жестянщик' из венг. *badogos*, *ранд'áр'* из венг. *randos*, *доган'áр'* 'табаковод' из венг. *dohanyos* и др.

В-третьих, в говорах карпатского ареала очень развита система номинации действующего лица в связи с временным занятием, непрофессиональными навыками и т. п. Например, человек, изготовляющий различные виды продукции из дерева, называется соответственно обозначению каждого отдельного изделия: *бочáр'* (*бочкáр'*) 'бондарь', *бербенничáр'* 'делающий *бербениці* — специальные бочонки, в которые откладывают творог', *гелетáр'* 'делающий *гелети* — вид небольшой бочки', *верете-*

⁸ З. С. Сикорская. Там же, стр. 10.

⁹ Матеріали до словника буковинських говірок, вип. I—III. Чернівці, 1970—1973; М. Й. Он и ш к е в и ч. Словник бойківського діалекту (рукопись); М. А. Г р и ц а к. Словник закарпатських говорів (рукопись) и др.

¹⁰ См. «Indeks a tergo do słownika staroruskiego I. I. Srezniewskiego», Warszawa, 1968.

нár 'делающий веретена', *мискár* 'делающий деревянные миски', *корьтár* 'делающий корыта', *драничár* 'делающий *дранци* — дранку', *дошкár* 'распиливающий доски', *ложкár*, 'делающий ложки' и др.

Некоторое влияние на сохранение активности агентивного суффикса *-ар* и расширение сферы его функционирования в украинских говорах карпатского ареала оказывало также близкое соседство чешского и словацкого языков, в которых этот формант очень продуктивен.

Под влиянием соседних языков, с которыми украинские карпатские говоры находятся в длительных контактах, распространилось в них и определенное количество лексических заимствований — названий действующего лица на *-ар*: *вакар* 'пастух рогатого скота' (ср. рум. *vacar*); *догар* 'бондарь' (ср. рум. *dogar*); *ворар* 'сплавщик леса' (ср. чешск. *vogař*); *границар* 'пограничник' (ср. чешск. и слвц. *hraničar*), *брамкар* 'вратарь' (ср. чешск. *brankař*); *мешкар* (*мышкар*, *мошкар*) 'человек, кастрирующий животных' (ср. слвц. *miškar*, чешск. *miškař*, польск. диал. *miśiarz*) и др.

Говорам карпатского ареала, кроме суффикса *-ар*, свойственны и другие синонимические суффиксы для образования агентивных существительных, в частности *-ник* (с производными *-альник*, *-ильник*, *-ильник*): *мурнык* 'каменщик', *в'язальник* 'вяжущий снопы во время жатвы', *гонильник* 'подгоняющий овец для доения', *р'ад'ил'ник* 'хозяин, встающий в очередь для получения молочных продуктов с полонины' и др.; *-ач*: *помагач*, *сокотач*, *звач*, *сватач*; *-аш*: *бубнаш*, *флуераш*, *копаш*, *косаш* и др. Правда, по сравнению с *-ар* эти суффиксы в говорах карпатского ареала значительно меньше распространены и продуктивны.

Данный синонимический ряд суффиксов также ограничивается рамками семантического микрополя. Так, например, названия человека, пасущего скот или ухаживающего за ним, образуются, как правило, при помощи суффикса *-ар*: *в'єчár* (*в'єч'єр*, *в'єчár*, *вучár*, *учár*¹¹) 'чабан', *ячár* 'пастух ягнят', *баранár* 'пастух баранов', *ялохár* 'пастух яловых овец', *веснár* 'пастух, пасущий весеннюю отару овец', *дополуднár* 'старший пастух, пасущий только в первой половине дня', *відполуднár* 'помощник старшего пастуха, пасущий во второй половине дня', *коровár*, *скотár*, *чередár* 'пасущий коров', *волár* (*вол'ár*), *воловар* 'пасущий волов', *кон'ár*, *кон'ухár*, *стадár* 'пастух коней', *гусар*, *гус'ár* 'пастух гусей', *козár*, *коз'ár* 'пастух коз'¹² и др.

В говорах исследуемой территории лексические и словообразовательные структуры, определяющие одно и то же лицо, не всегда соотносительны. Например, общее название человека, пасущего стадо рогатого скота, в карпатских говорах имеет следующую территориальную дифференциацию: для верховинских и мараморошских говоров Закарпатья больше всего характерно название *скотár*, для боржавских и ужанских — *чередár* или *бóйтар*, для гуцульских — *коровár* или *бóйгар* и др. Однако, несмотря на этимологически различные производящие основы, все они оформлены по одной и той же словообразовательной модели — с суффиксом *-ар*.

Аналогичные названия с идентичной словообразовательной структурой распространены и в других славянских языках, например: чешск. *ovčář*, *kravař*, *volař*, *dobytkář*, *kozař*, *prasečkář*, *drubezář*, *husař*¹³; слвц. *ovčiar*,

¹¹ Ср. И. А. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас українських народних говірів Закарпатської області УРСР, ч. II, карта 210. Ужгород, 1960.

¹² Ср. его же. Овцеводческая лексика закарпатских говоров. «Общеславянский лингвистический атлас». М., 1965, стр. 118—121; М. А. Грицак. Матеріали до вівчарської лексики с. Росішки Рахівського р-ну Закарпатської обл. (рукопись).

¹³ М. D o k u l i l. Tvoření slov v češtině, t. 2. Praha, 1967, s. 133.

*kraviar, voliar, jeloviar, jarčiar, husiar, koniar, kozar, dobytkar*¹⁴; польск. *owczarz, krowiarz, skotarz, wolarz, gęsiarz, koniarz*¹⁵; н.-луж. *wojcaŕ, krowaŕ, ŕeletaŕ, gusaŕ, konjaŕ, swinaŕ, kazaŕ*; в.-луж. *wowčer, kŕiwar, husar, kónjer, kòzar*¹⁶; серб.-хорв. *dečār, govedār, krāvār, vdlār, stādār, kòňār, kòzār*¹⁷, спорадически *skd̄tār, čredar, n̄ranĥar*¹⁸; македон. *овчар, кравар, воловар, говедар, бишкар, козар, гускар, кобилар, коњар*¹⁹; болг. *овчар, яловар, говедар, кравар, телчар, воловар, козар, коняр, юничар, патичар* и др.²⁰

Исследуя это явление в лингвогеографическом плане, можно предположить, что существует территориальная дифференциация однотипных словообразовательных структур в пределах семантических микрополей не только в одном языке, но и в группе контактирующих языков. Изоморфы словообразовательных формаций анализируемого типа, обозначающих лицо, которое пасет скот или ухаживает за ним, выявлены не только на украинской языковой территории. Они имеют продолжение в говорах других языков района Карпат и далее — Балкан и дают основание говорить об общем ареале функционирования указанного словообразовательного типа в пределах данного семантического поля, с одной стороны, и о взаимосвязи словообразовательного и семантического микрополей, их взаимообусловленности, с другой.

¹⁴ «Slovník slovenského jazyka», t. I—V. Bratislava, 1959—1965.

¹⁵ «Słownik języka polskiego» p. r. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego, t. I—VIII. Warszawa, 1898—1919.

¹⁶ М. М и х а й л о в. Суффиксы имен действующего лица в серболужицком языке. Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. XVII. М., 1959, стр. 134—135.

¹⁷ И. И. Г о л с т о й. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.

¹⁸ W. R o m i a n o w s k a. Razlike u pogledu tvorbe reči u nozivima nosilaca zanimanja u južnoslovenskim dijalektima. Zbornik za filologiju i lingvistiku, kn. XII. Novi Sad, 1969, стр. 32.

¹⁹ В. М и л и ч и к. Обратен речник на македонскиот јазик. Скопје, 1967.

²⁰ «Речник на съвременния български книжовен язык», т. I—III, София, 1955—1959.

А. Л. МИРЕЦКИЙ

О ПЕРЕДАЧЕ ПОЛЬСКОГО *ć* В РУССКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

Передача глухих польских аффрикат в русской практической транскрипции не является делом легким, так как в данном случае трем польским фонемам *c*, *ć* и *cz* соответствуют в русском языке только две: *ц* и *ч*. Действующими в настоящее время правилами¹ предусматривается передача *c* посредством *ц* и *cz* посредством *ч*. Что же касается *ć*, то рекомендуется (и именно этой рекомендации не всегда придерживаются) следующее: *ць* в конце слова или перед другим согласным и *ци*, *ця*, *цён*, *це*, *цен*, *цё*, *цю* на месте *ci*, *cia*, *cią*, *cie*, *cię*, *cio*, *ciu* (*ció*).

Наиболее последовательно предлагаемый способ транскрипции *ć* проводится в «Словаре географических названий зарубежных стран» под ред. М. Б. Волостновой (М., 1965), где, например, находим: *Замосць* (*Zamość*), *Нотець* (*Noteć*, река), *Цьмелюв* (*Cmielów*), *Хенцины* (*Chęciny*), *Косьцян* (*Kościan*), *Хоцянув* (*Chocianów*), *Рацёнж* (*Racisz*), *Косьцежина* (*Kościelna*). То же (с возможным только пропуском *ь*) — в энциклопедиях и других справочных изданиях, а также, как правило, и в периодической печати, так как написание названий географических объектов сравнительно легко можно проверить.

Что же касается фамилий и имен, названий газет, журналов, театров и т. д., то всегда по правилам (правда, опять-таки с возможным пропуском *ь*) записываются они лишь в энциклопедических словарях. Ср., например: «*Жыце літэрацке*» («*Życie literackie*»), «*Пшыяцюлка*» («*Przyjaciółka*»), «*Творчосць*» («*Twórczość*»), *Цёлек* (*Ciołek*) — БСЭ (2 изд.); *Зындрам-Косцюлковский* (*Zyndram-Kościelkowski*), *Францисшек* (*Franciszek*) *Флорентинец* — «Советская историческая энциклопедия» (т. 11, М., 1968); *Вуйциковский* (*Wójcikowski*), *Косцюлковская* (*Kościelkowska*) — «Театральная энциклопедия» (т. IV, М., 1965). В периодической печати нередко в таких случаях наряду с *ц* находим *ч*. Прежде чем перейти к обзору написаний *c* ч, проанализируем действующие в настоящий момент правила передачи *ć*.

Их положительной стороной является то, что в транскрипции находит свое отражение каждая из трех глухих польских аффрикат. В силу этого есть возможность, например, различать *Cackowski* — *Цацковский*, *Ciastek* — *Цястек* и *Czarnecka* — *Чарнецкая*; *Stec* — *Стец*, *Bołtuć* — *Болтуць* и *Frycz* — *Фрыч*.

Однако современному русскому литературному приношению мягкое *ц* не свойственно, и поэтому обеспечить прочтение написаний типа *За-*

¹ См. «Инструкция по передаче на картах географических названий Польши». М., 1955; Р. С. Гиляревский, Б. А. Старостин. Иностранные имена и названия в русском тексте. Справочник. М., 1969, стр. 132—139.

мосць, *Рацёнж*, *Хоцянуе* с мягким *ц* — а ведь текст с такими написаниями может быть предназначен и для прочтения вслух — вряд ли возможно. Если признавать, вслед за А. А. Реформатским, что практическая транскрипция должна быть общедоступной, предназначенной не только для специалистов², то трудно не согласиться с Л. В. Щербой, который, говоря о русских написаниях иностранных фамилий, указывал, что они должны «попросту и бескомпромиссно отражать русское произношение, не прибегая ни к каким условностям», что свойства произношения, не имеющие аналогии в русском языке, обозначать не следует³.

Но даже если бы мы и старались произносить написания типа *Замосць*, *Рацёнж* с мягким *ц*, этим мы все равно не воспроизвели бы польского произношения этих слов, так как польский звук *ś* произносится не как *ц'*, а близко к русскому *ч* (отличаясь от него большей мягкостью)⁴.

Однако дело не только в этом. Необходимо указать и на то, что действующие правила не обеспечивают в некоторых случаях различия *ś* и *s*. Например, такое различие невозможно провести перед *e*, и поэтому, например, в *Cedynia* и *Cieszanów* мы одинаково транскрибируем начальные звуки (*Цедыня*, *Цешануе*), а в *Gliwice* и *Zawercie* — конечные (*Гливице*, *Заверце*). Казалось бы, можно различать в транскрипции *su* и *śi*, используя в первом случае *цы*, а во втором *ци* (на практике в обоих случаях пишется *ци*, лишь иногда *су* передается через *цы*), но буквосочетания *цы* и *ци* имеют в русской графике одно и то же звуковое значение — *цы*, поэтому только так они будут восприняты и в польских именах и названиях. Наконец, на практике, как уже отмечалось, не всегда за *ц*, передающим *ś* и находящимся в конце слова или перед другим согласным, следует *ь*. Ср. в БСЭ: *Замосць*, *Цвиклиньская*, хотя там же: *Бжесць-Куявски*, *Цьмелюв*. Написание *Замосць* встречаем также в «Краткой географической энциклопедии» (т. 3, М., 1962; там же — *Нотец*), в «Словаре ударений для работников радио и телевидения» (изд. 3, М., 1970). В связи с этим необходимо указать на то, что конечный *ь* по аналогии со случаями типа *мышь*, *ночь*, *рожь*, где он является грамматическим сигналом женского рода, может и после *ц* восприниматься как такой же грамматический сигнал, что будет препятствовать его постановке в топонимах мужского рода.

Говоря о передаче *ś* как мягкого *ц*, интересно еще указать на то, что дореволюционной практике была свойственна передача *śio* и *śiż* посредством *цио*, *цион* (к транслитерации такого рода прибегали, по-видимому, из-за неупотребительности буквы *ё* и опасений, что буквосочетания *це*, *чен* будут прочтены с *e*). Так, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона находим: *Раціонжекъ* (*Raciqżek*), *Косціоль-Косцѣльскій* (*Kościół-Kościelski*). Такая же картина в «Справочной книжке Люблинской губернии» (Люблин, 1905): *Усціонжъ* (*Uściazż*), *Ціолки* (*Ciotki*), *Ціотуша* (*Ciotusza*). Именно благодаря такой передаче фамилия *Ciolkowski* превратилась в фамилию *Цюлковский*. Любопытно, что подобной транслитерацией иногда пользуются и сейчас. Ср. *Паціоркевич* (*Paciorkiewicz*) — «Советская музыка» (1970, № 1; в № 1 за 1971 г. — *Пачеркевич*). В результате такой передачи *śio* в русском варианте получается на один слог больше, что изменяет фамилию до неузнаваемости.

² А. А. Реформатский. Практическая транскрипция иноязычных собственных имен. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1960, т. XIX, вып. 6, стр. 531.

³ Л. В. Щерба. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий. «Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. I. Л., 1958, стр. 156, 157.

⁴ Я. Кротовская, Б. Гольдберг. Практический учебник польского языка. Изд. 2. М., 1959, стр. 28; S. K a g o l a k, D. W a s i l e w s k a. Учебник польского языка. Warszawa, 1971, стр. XX.

Переходим к обзору случаев передачи *ć* посредством *ч*. Примеры такого рода встречаются чаще всего в газетных и журнальных сообщениях и очерках о Польше, в обзорах польской печати, в сообщениях о пребывании в СССР польских государственных деятелей, деятелей культуры и искусства, спортсменов и т. д. Известный материал дают также переводы произведений польских писателей. Приведем некоторые примеры.

В названия некоторых польских газет и журналов входит слово *życie*. Как правило, *ć* в этом слове передается через *ч*, например «*Жиче Варшавы*» («Правда», 14 VII 1972; «Известия», 2 IX 1972; «Огонек», 1972, № 22). Особо отметим, что такую же транскрипцию дает «Словарь ударений для работников радио и телевидения», имеющий нормативный характер, причем там же встречаем: «*Право и жиче*», а также «*Пишлячулка*» («*Przyjaciółka*»); ср. «*Пишлячулка*» в БСЭ. Другие примеры: «*Жиче литера-Рачке*» («Новый мир», 1972, № 2, хотя там же «*Жиче Варшавы*» — 1966, № 2; ср. «*Жиче литерацке*» в БСЭ), «*Кобьета (sic!) и жиче*» («Театр», 1972, № 9).

Название Познаньского кукольного театра «*Marcinek*» передано в журнале «Театр» (1970, № 9) как «*Марчинек*».

Больше всего написаний с *ч*, естественно, при передаче польских фамилий. Например, мы встретили такую транскрипцию фамилий *Stikiewicz, Gościmińska, Kmieciak, Kociołek, Łuciuk, Maciączyk, Racioriewicz, Szlachcic, Wójcik*: Чмикевич («Советский спорт», 10 X 1972), Госчиминьская («Правда», 12 VII 1972), Кмечик («Советский спорт», 10 X 1972), Кочелек⁵ («Правда», 21 XII 1970; «Известия», 22 XII 1970), Лучюк («Советская музыка», 1971, № 1), Мачончик («Неделя», 1972, № 43), Пачеркевич («Советская музыка», 1971, № 1), Шляхциц («Правда», 6 VI 1972; «Известия», 7 VI 1972), Вуйчик («Вокруг света», 1972, № 2). В переводе романа Збигнева Сафьяна «Дневник инженера Геины», опубликованном в журнале «Москва» (1966, № 7), фамилия одного из персонажей передается как *Кмичиц (Kmicic)*. Имя *Maciej* передается в «Правде» (16 VII 1972) как *Мачей*.

Без сомнения, все примеры подобной транскрипции обусловлены знанием того, как реально произносится слово в польском языке, в отдельных случаях, возможно, и просто записью «по слуху». Конечно, польское *ć* не совпадает полностью с русским *ч*, как не совпадает с ним и польское *cz*, однако, поскольку двум русским глухим аффрикатам в польском языке соответствуют три, две из них неизбежно должны восприниматься как одна и та же фонема. Приведенные примеры написаний не по правилам свидетельствуют о том, что при этом отождествляются именно *ć* и *cz*.

Существующие правила передачи *ć*, имеющие, кстати, давнюю традицию, являются, конечно, не только отражением стремления обеспечить различие в передаче *ć* и *cz*, но также и определенным элементом транслитерации: то, что в польской графике одинаково передается через *c* (не считая «крески» или последующего *i*), обозначается одной и той же буквой и в русском написании. Собственно говоря, любой практической транскрипции трудно обойтись без тех или иных элементов транслитерации, особенно тогда, когда невозможно точно воспроизвести звучание. Однако история русской практической транскрипции польских имен и названий демонстрирует ярко выраженную тенденцию к устранению этих элементов там, где это возможно. Так, например, сейчас мы транскрибируем не *Бржозовский, Пржемыславъ, Ціхановъ* (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона), а *Бжозовский, Пшемислав,*

⁵ Так как буква *ę* может не быть употреблена, лучше, чтобы избежать чтения с *е*, передавать *cio* как *чо*.

Цеханув. Изменение существующего сейчас способа передачи *ć* также было бы в русле этой тенденции.

Здесь, однако, может быть выдвинут контраргумент. В целом передача польских имен и названий строится сейчас по принципу собственно транскрипции, однако в передаче среднебных *ś, ź, dź* (а *ć* стоит с ними в одном ряду) применяются элементы транслитерации. По правилам мы должны транскрибировать: *Банась (Banaś), Козенице (Kozienice), Дзядош (Dziadosz)*, т. е. должны передавать звук *ś* той же буквой, что и *s*, звук *ź* той же буквой, что и *z*, звук *dź* тем же сочетанием букв, что и *dz*, подобно тому как, если не считать «крески» или последующего *i*, графически одинаково передаются эти звуки в польской графике. Не следует ли поэтому и *ć* передавать той же буквой, что и *c*, учитывая сходство их передачи в польском письме?

Этот аргумент, однако, можно опровергнуть. Дело в том, во-первых, что, передавая звуки *ś, ź, dź*, действительно трудно найти удовлетворительную альтернативу. Скажем, замена *Козенице* на *Коженице* совершенно исказила бы фонетический облик слова, передача *Dziadosz* как *Джядош* имела бы те же недостатки, какие сейчас имеет передача *Kościan* как *Косыцян*, *Raciqż* как *Рацёнж* и т. д.; наконец, запись фамилии *Banaś* как *Банашь*, помимо всего прочего, привела бы к необходимости склонять: род. *Банаша*, тв. *Банашью* и т. д., а у топонимов мужского рода подобное графическое оформление вообще вряд ли было бы возможно. Передача же *ć* через *ч* таких негативных последствий не вызвала бы. Правда, при этом мы не имели бы возможности различать в русской транскрипции *sz* и *ś*, но зато могли бы различать *s* и *ć*, что сейчас, как мы уже видели, невозможно в случаях *cie — se, ci — su* (а *ć* в *cie* и *ci* встречается особенно часто) и не всегда делается, когда *ć* стоит в конце слова или перед другим согласным.

Во-вторых, передача одной буквой *s* и *ś, z* и *ź* может быть мотивирована и тем, что в польском языке *ś* и *ź* с точки зрения исторической и функциональной являются мягкими соответствиями *s* и *z*⁶, и, как следствие этого, передача *ś* и *ź* буквами *s* и *z* дает возможность в ряде случаев представить себе хотя бы приблизительно этимологию имени или названия, ср. *Козёлек (Koziołek), Лесьница (Leśnica)*. Что же касается звука *ć*, то исторически и функционально он является мягким соответствием *t*, а не *s*⁷, и именно поэтому передача *ć* буквой *ц*, а не *ч* не имеет никаких преимуществ в этом плане. Наоборот, передача *ć* через *ч* в отдельных случаях, например *Заверче (Zawiercie), Хочанув (Chocianów)* может сделать определенный этимологический намек, так как чередование *т — ч* обычно для русского языка.

Все сказанное приводит нас к выводу, что передача польского *ć* посредством *ч* в русской практической транскрипции была бы более целесообразной. Такая передача более соответствовала бы реальному произношению этого звука, отвечала бы общей тенденции к ограничению использования элементов транслитерации, не вызвала бы никаких трудностей в прочтении протранскрибированных имен и названий, в отдельных случаях помогла бы понять их этимологию.

⁶ W. Doroszewski. Podstawy gramatyki polskiej. Wyd. 2. Cz. 1. Warszawa, 1963, s. 62.

⁷ Ibid.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. Г. ПУЦКО

ГОТИЧЕСКИЙ ПОТИР ИЗ КОСТРОМЫ

Как известно, изделия из драгоценных металлов, выполненные в готическом стиле, встречаются в древнерусских городах крайне редко¹. Русские мастера-серебряники остались равнодушными к готическим образцам и гораздо охотнее обращались к романским традициям². Возникновение «Грановитой палаты» в Новгородском кремле — единственного памятника чисто готического стиля на русской почве — объясняется антимосковскими устремлениями архиепископа Евфимия, являвшегося ее заказчиком³. Но существует еще небольшая группа потиров, выполненных в готическом стиле, происхождение которых нельзя связать ни с работой русских мастеров, ни со странами Западной Европы.

Один такой потир находится в ризнице Ипатьевского монастыря в Костроме⁴. Изделие изготовлено из серебра и частично позолочено⁵. Чаша потира в нижней своей части имеет вид срезанной сферы, а выше — образует несколько выгнутый раструб (см. рис.). Нижняя часть потира закрыта серебряным кожухом с чеканным растительным узором и с венчиком из литых готических крестоцветов по верхнему краю, отделанному жгутом, покрытым косой насечкой. По венцу чаши нанесена довольно крупная литургическая надпись: *пните ѿ н, се естъ кров моя новаго завета, ежь за вы н за.*

¹ См. В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966, № 87—88, 90; Н. Покровский. Древняя ризница новгородского Софийского собора. Тр. XV археол. съезда в Новгороде, т. I. М., 1914, стр. 84, табл. X (3); е г о ж е. Заметки о памятниках псковской церковной старины. «Светильник», 1914, № 5—6, стр. 27—28, табл. XIII (3—4); см. также Ф. Серно-Соловьевич. Слуцкая старина, IV. Слуцкий Свято-Троицкий монастырь. «Русский паломник», 1891, № 28, стр. 439, рис. на стр. 433.

² В этом отношении характерным примером может служить панагиар мастера Ивана, выполненный в Новгороде в 1435 г. по заказу владыки Евфимия, единственным готическим элементом которого являются крестоцветы на поддоне. Н. Покровский. Там же, стр. 70—82, табл. VIII—IX; А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 209—210; Ю. Дмитриев. Мастер-серебряник XV века. «Новгородский исторический сборник», вып. 7, 1940, стр. 32—38; «История русского искусства», т. II. М., 1954, стр. 303—304 (текст А. В. Арциховского); М. Алпатов. К вопросу о западном влиянии на древнерусское искусство. «Этюды по истории русского искусства», т. I. М., 1967, стр. 147—148; Г. Н. Бочаров. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, стр. 50—51, рис. 43—45.

³ В. Н. Лазарев. Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.) (XIII Международный конгресс исторических наук), М., 1970, стр. 36.

⁴ Костромской историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № КОК 849. Высота потира 24,1 см, диаметр чаши 11,8 см, диаметр поддона 16,2 см. Сохранность хорошая.

⁵ Позолотой покрыты: чаша с внутренней стороны, литургическая надпись и медальон, щитки «яблока» и подкладки под прорезным орнаментом «ложек».

Потир. Костромской историко-архитектурный музей-заповедник

По-видимому, мастер не рассчитал правильно место, и формула оказалась написанной неполностью. Надпись разделяет круглый медальон с резным изображением четырехконечного креста на подножии, с обычными буквенными обозначениями. На противоположной части тонкой контурной линией исполнены в медальонах поясные фигуры Христа, богородицы и Преподобного (Деисус). Сопровождающие изображения надписи и монограммы выполнены скорописью. Стоян потира состоит из четырех частей: верхней в виде шестигранника с напоминающими окна проемами и с выступающими колонками, «яблока» в виде сплюснутого шара, расчлененного сверху и снизу на чеканные щитки и окруженного по экваториальному делению шестью выпуклыми ромбами, части похожей на верхнюю, но более длинной и широкой, затем — горизонтально положенной пластинки, напоминающей базу колонны, и части, при посредстве которой стоян, расширяясь, переходит в поддон. Тулово и отгиб поддона расчленены на шесть дуг, соответствующие обрезам закругленных расширенных концов, которыми оканчиваются грани стояна.

Приведенная выше литургическая надпись на венце чаши выполнена широкой четкой вязью; фон покрыт штриховкой. Из наиболее существенных эпиграфических особенностей следует отметить а в виде вертикальной мачты с маленькой, вычурного рисунка петлей; буквы е и с имеют заостренные концы — характерный признак XVI в. Буква м очень широкая и напоминает соединение двух л. Сокращения отсутствуют. Выносные буквы встречаются редко (например, в слове *крѣк* помещена над строкой *ѣ*), но зато имеют место лигатуры. В слове *зѣкътъ* вместо *ѣ* поставлено *е*. Смешение этих звуков в произношении не может считаться признаком, характерным лишь для определенной территории. Оно встречается как в белорусском языке⁶, так и в сербских и боснийских памятниках⁷.

Шестигранные части стояна имеют по два вписанных в полуциркульные арки окна. Ромбы, на которые расчленено «яблоко», украшены резным растительным орнаментом в виде веточек и розеток из лепестков. Обрезы выпуклых ромбов имеют прочеканные полоски. Щитки позолочены. Шестиугольная пластинка (напоминающая базу колонны) двухчастная, причем обрез ее верхней части вогнутый. Орнамент прорезных пластин, наложенных на позолоченные грани нижней части стояна в виде веток с широкими листьями, местами покрытыми штриховкой. Прорезные пластины к основе прикреплены гвоздиками с округлыми шапками, каждая в двух местах. По ребрам граней нижней части стояна наложен покрытый поперечной насечкой жгут. Обрезы закругленных концов граней украшены ромбовидным мотивом орнамента, выполненным в технике оброна.

Достаточно уже беглого ознакомления с потиром, чтобы убедиться в том, что он не может принадлежать к числу литургических сосудов русского происхождения. Правда, мы можем провести ряд примеров, когда на Руси для богослужебных целей приспособляли изделия западноевропейского происхождения. Так, потир немецкой работы первой половины XIV в. был снабжен изображением голгофского креста на чаше и вложен Иваном Грозным в Троице-Сергиев монастырь⁸. Два потира с изображениями, гравированными уже в России, хранились в ризнице Псково-Печерского монастыря⁹. Известны также случаи, когда от готического церковного сосуда исполь-

⁶ А. И. Соболевский. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. РФВ, XV, 1866, стр. 21; Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. I. М., 1955, стр. 202—203; см. также В. В. Виноградов. Исследования в области фонетик севернорусского наречия, вып. I, ИОРЯС, XXIV(1), 1922.

⁷ А. И. Соболевский, Славяно-русская палеография, изд. 2. СПб., 1908, стр. 79, 81.

⁸ В. П. Даркевич. Там же, № 87, табл. 27 (1).

⁹ Н. Покровский. Заметки о памятниках псковской церковной старины, стр. 27, табл. XIII (3, 4); ср. потир из кафедрального костела в Вильнюсе. В. Фронцевич. В ризницах римско-католических костелов городов Вильны и Трок. Тр. IX археол. съезда в Вильне, т. II. М., 1897, стр. 220, табл. XXI (1).

зовалась только нижняя часть (стоян с поддоном), в то время как чаша заменялась новой, более удобной по форме¹⁰. Именно так поступили новгородцы с поддоном снеского потира первой половины XIV в.¹¹

Готическая церковная утварь в странах Западной Европы получила весьма широкое распространение¹². Много вещей в стиле готики изготовлялось для церковного обихода и в тех славянских странах, где был распространен католицизм¹³. Отдельные образцы готической утвари проникали в православные храмы Украины и Белоруссии, где иногда вызывали подражания у местных мастеров¹⁴. Тем не менее потир из Ипатьевского монастыря в Костроме нельзя отнести к изделиям западноевропейских мастеров. Общее решение и трактовка отдельных деталей позволяют его скорее сблизить с готическими потирами из ризницы Троице-Сергиевой лавры, один из которых имеет вкладную надпись с именем боярина Дмитрия Ивановича Годунова — дяди царя Бориса¹⁵. Это в значительной степени делает понятной близость указанных изделий. Хотя потир Ипатьевского монастыря не имеет вкладной надписи, не подлежит сомнению, что он поступил от того же лица. В переписных книгах Ипатьевского монастыря 1595 года читаем: «Да Дмитрея Ивановича данья сосуды церковные серебряные, да 2 потыря, да лжица, да 2 блюда, да блюдо дисковое, да 2 звезды, да копые, да 3 блюда дарных, все серебряны»¹⁶. Обращаясь к более поздним инвентарям монастырской ризницы, можно установить, что к XIX в. там хранилось всего три потира, из которых один имеет вкладную надпись с именем Д. И. Годунова, датированную 1599 г., другой — вложенный И. И. Годуновым в 1603 г. и третий — «ажурной работы» без надписей¹⁷.

Бояре Годуновы на протяжении нескольких десятилетий делали в Ипатьевский монастырь, который, по легенде, основан их родоначальником, татарским мурзой

¹⁰ Западноевропейские готические потиры, как правило, имеют чашу, расширяющуюся кверху, что отчасти обусловлено удобством при извлечении оттуда рукой облаток для причащения. В православной церкви, где чаша наполняется вином, смешанным с водой, со временем вырабатывается тип полусферического сосуда, с несколько отогнутыми краями.

¹¹ В. П. Д а р к е в и ч. Там же, № 90, табл. 27 (3). Ср. М. М. П о с т н и к о в а - Л о с е в а. Новгородская серебряная чаша. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 177—184. Автор считает, что нижняя часть потира немецкого происхождения.

¹² «Victoria and Albert Museum. Department of Metalwork. Catalogue of Chalcides». London, 1922, Pl. 3 (c—d), № 6, 8, 10, 12—15; E. S t e i n g r ä b e r. Studien zur venezianischen Goldschmiedekunst des 15. Jahrhunderts. «Mitteilungen des Kunsthistorischen Instituts in Florenz», Bd. 10, 1962, S. 152, 174, Abb. 5, 32, 33; «Spätgotik am Oberrhein. 1450—1530». Karlsruhe, 1970, Abb. 160—181; «Les trésors des églises de France». Paris, 1965, pl. 172—178, 182, 188, 189, 194—201; C h. O m a n. The Golden Age of Hispanic Silver. 1400—1665. London, 1968, fig. 21—72; 82, 83, 105; «Madarsko zlotarstvo od X do XIX veka». Beograd—Zagreb, octobar—november, 1968, № 43, 48, 49; «Istoria Altelor Plastice in Romania», v. I. București, 1968, fig. 448, 449. Э. А. Л а п к о в с к а я. Прикладное искусство средних веков в Государственном Эрмитаже. М., 1971, рис. 71—83.

¹³ «České umění gotické 1350—1420». Praha, 1970, vybor. 142, 146—157; «Wzory sztuki w dawniej Polsce», ser. 3. Warszawa, s. d., tabl. 5 (s); «Muzeum Narodowe w Warszawie. Sztuka zdobnicza. Dary i nabitki 1945—1964». Warszawa, 1964, № 246.

¹⁴ С м. В. Т р и п о л ь с к и й. Полтавское епархиальное древнехранилище. Полтава, 1909, № 456 (поддон потира западного происхождения, с нанесенной позже вкладной надписью «Марія Игнатъева Святой Николай, року Рож. Хр. 1560»); М. З. П е т р е н к о. Українське золотарство XVI—XVII ст. Київ, 1970, стор. 51, рис. на стор. 49.

¹⁵ Ю. А. О л с у ф ь е в. Опись древнего церковного серебра б. Троице-Сергиевой Лавры (до XVIII века). Сергиев, 1926, стр. 19—23.

¹⁶ Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. М., 1890, стр. 20.

¹⁷ И. Б а ж е н о в. Костромской Ипатьевский монастырь. Историко-археологический очерк. Кострома, 1909, стр. 26; Н. В. П о к р о в с к и й. Памятники церковной старины в Костроме. «Вестник археологии и истории», вып. XIX, 1909, стр. 12, табл. 1.

Четом, принявшим христианство¹⁸, богатые вклады. Д. И. Годунов¹⁹ вел на свои средства строительство в монастыре, дал монастырю несколько сел с деревнями, снабдил монастырскую ризницу дорогими облачениями, иконами в золотых и серебряных окладах²⁰, богатой утварью, а монастырскую библиотеку — рукописями. Из всей семьи Годуновых, именовавшихся «начальниками обители»²¹, Дмитрий Иванович был наиболее щедрым вкладчиком. Кроме того, он известен как большой знаток и любитель произведений искусства. В числе принадлежавших ему вещей можно встретить византийскую иконку на стеатите XIV в.²² и потир с хрустальной чашей в сербской оправе XIV в.²³, английский кубок работы Симеона Брука (1585—1586 гг.)²⁴. Над выполнением его заказов работали лучшие московские мастера.

Как уже указывалось выше, рассматриваемый потир из Ипатьевского монастыря имеет две ближайшие аналогии — потиры из ризницы Троице-Сергиевой лавры (в Загорском музее), один из которых с вкладной надписью, упоминающей имя Д. И. Годунова. Ни по типу, ни по трактовке отдельных деталей они не имеют ничего общего с русскими изделиями. Поэтому остается предположить, что эти три потира или привезены в Россию или выполнены у нас заезжими мастерами, которые, как известно, при Борисе Годунове работали в Москве²⁵. Потир с вкладной надписью имеет лишь ту особенность, что чаша его из горного хрусталя оправлена в серебро; остальные детали вполне идентичны сближаемому с ним двум другим потирам. В частности, совершенно совпадают форма шестигранников с проемами и колонками, «яблоки», поддоны, тип прорезного орнамента. Тождествен и орнаментальный мотив, покрывающий ромбовидные фигуры «яблока». Вкладная надпись потира с хрустальной чашей сообщает: «Сій потырь дал боярин Дмитрей Ивановичь Годуновъ в Сергиевъ монастырь».

Все три интересующих нас потира типологически могут быть сближены с готическими потирами, выполненными сербскими мастерами XVI в. В стиле готики выполнены потир 1576 г. Троицы Плевальской в Герцеговине²⁶, потир 1578 г. из Де-чан²⁷, потир из Крушедола²⁸. Последнее изделие имеет сходной формы чашу и поддон и совершенно идентичный кожух чаши, декорированный растительным узором, напоминающим узор на потире из Ипатьевского монастыря в Костроме. Аналогичным является и венчик кожуха из крестоцветов. Примеры сплющенного яблока с выпук-

¹⁸ А. К о з л о в с к и й. Описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1832, стр. 35; М. Д и е в. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1858, стр. 5—7; П. О с т р о в с к и й. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870, стр. 3—4; И. Б а ж е н о в. Там же, стр. 6—7; С. Я ц к о в с к а я, Костромской Ипатьевский монастырь. М., 1896, стр. 9—10; В. Г. Б р ю с о в а. Ипатьевский монастырь. Ярославль, 1968, стр. 11—13; В. И в а н о в. Кострома. М., 1970, стр. 44—45.

¹⁹ О нем см. А. Б. Л о б а н о в - Р о с т о в с к и й. Русская родословная книга. СПб., 1895, стр. 146.

²⁰ М. М. П о с т н и к о в а - Л о с е в а. К вопросу об отражении византийской художественной культуры в золотом и серебряном деле древней Руси. (Серебряный оклад Дмитрия Солунского 1586 г.) ВВ, т. 30, 1969, стр. 233—244; е е ж е. Silver Mount of an Icon of St. Demetrius dated 1586 in the Collection of the State Historical Museum, Moscow. «Burlington Magazine», 1968, p. 29—37; е е ж е. «Образ Дмитриев удет золотой». Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV—XVI вв. М., 1970, стр. 473—477.

²¹ М. Д и е в. Там же, стр. 75.

²² Гос. Исторический музей в Москве, инв. № 75021.

²³ Ю. А. О л с у ф ь е в. Там же, стр. 1—4, табл. 1; «Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники». М., 1968, стр. 144, рис. 175; Т. В. Н и к о л а е в а. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1969, № 95.

²⁴ Т. Г. Г о л ь д б е р г. Из посольских даров XVI—XVII веков. Английское серебро. Гос. Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954, стр. 440, 458—459.

²⁵ Н. М. К а р а м з и н. История государства Российского, т. X, прим. 451.

²⁶ Б. Р а д о ј к о в и ћ. Српско златарство XVI и XVII века. Нови Сад, 1966, стр. 122, сл. 136.

²⁷ Там же, рис. 60.

²⁸ Там же, стр. 100, 123, рис. 139.

лыми ромбами также известны в сербских потирах (например, потир из Прасквице)²⁹. Характер растительного орнамента прорезных пластин нижней части стояна потиров в Загорске и Костроме можно определить как восточный. Эта деталь не встречается ни в русской горевтике, ни в западноевропейской, в то время как для сербских изделий является довольно обычной³⁰, как и сочетание восточных и западных мотивов вообще.

Поскольку русские ювелиры не проявляли заметного интереса к готике, едва ли можно предполагать изготовление ими литургических сосудов в указанном стиле. Завезенные на Русь западные вещи, как правило, снабжены латинскими надписями. Литургическая же надпись на венце потира из Костромы славянская, выполненная нетипичной для русских изделий вязью. Еще более обращающей на себя внимание является резьба изображений Деисуса в медальонах. Тонкая резьба охотно использовалась сербскими серебряниками, имевшими в качестве образцов иллюстрации печатных книг³¹. Гравированные изображения иногда сплошь покрывают оклады богослужебных книг, таких как евангелие из Сараева (вторая половина XVI в.)³², евангелие из монастыря Савине (конец XVI в.)³³, евангелие из монастыря Прасквице (1600 г.)³⁴. В изделиях русских серебряников конца XVI в. если и встречается рисунок тонкой контурной линией, то его характер совершенно иной³⁵.

Таким образом, все существенные особенности, свойственные готическим потирам из ризницы Троице-Сергиевой лавры и Ипатьевского монастыря в Костроме, находят себе соответствие в сербских серебряных изделиях. Не подлежит сомнению, что эти произведения выполнены в самом конце XVI в. Указанная датировка находит косвенное подтверждение в известии о вкладе Д. И. Годуновым потира с хрустальной чашей в Троице-Сергиев монастырь в 1598 г. Поскольку потиры в Загорске и Костроме обнаруживают настолько близкое сходство, что не исключена возможность выполнения их одним мастером, трудно предположить, что они привезены из Сербии или Герцеговины. Гораздо более реальным представляется изготовление их по заказу Д. И. Годунова сербским мастером в Москве.

При всей отрывочности сведений о деятельности сербов на Руси, мы все же можем указать на выполнение ими в конце XIV в. в Москве таких монументальных икон, как «Предста царица» и «Похвала Богородицы с акафистом». В 1404 г. Лазарь Сербин поставил часы в Московском Кремле³⁶. В 1476 г. в Москве работал золотых дел мастер Трифон из города Котора³⁷. Таким образом, мастер упомянутых готических потиров имел своих предшественников, которые работали на Руси.

²⁹ Там же, рис. 138.

³⁰ Там же, рис. 57, 91, 92.

³¹ Б. Р а д о ј к о в и ћ. Илустрације српских штампаних књига XVI века као приручници старих српских златара. «Зборник музеја примењене уметности», II. 1967, стр. 59, сл. 72; см. также Д. М е д а к о в и ћ. Графика српских штампаних књига XV—XVII века. Београд, 1958, табл. XLI—XLIII, XLVI (2), XLVIII (1), L, LII.

³² Б. Р а д о ј к о в и ћ. Илустрације српских штампаних књига, стр. 64, сл. 6—8.

³³ Е е ж е. Српски окуви јеванђеља XVI и XVII века. «Зборник музеја примењене уметности», 3—4, 1958, сл. 11, 12.

³⁴ Е е ж е. Илустрације српских штампаних књига..., стр. 69, 71—72, сл. 14, 15.

³⁵ Ю. А. О л с у ф ь е в. Там же, стр. 259—261, табл. XIII.

³⁶ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 77.

³⁷ Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей венецианской республики, к знаменитому персидскому государю Уми-Гассану, совершенное в 1473 г., т. I, ч. II. СПб., 1836, стр. 107—108.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МИТО ИСУСОВ. Работническа класа в България. 1944—1947. София, 1971, 290 стр.

МИТО ИСУСОВ. Рабочий класс в Болгарии. 1944—1947

Рецензируемая книга Мито Исусова посвящена исследованию истории главной производительной силы общества — рабочего класса Болгарии в первые годы народной власти.

Исследованием проблем рабочего класса Мито Исусов занимается уже около двух десятков лет. Он — один из авторов коллективного труда, посвященного истории стачечной борьбы рабочего класса Болгарии в досоциалистический период (1960 г.), а в 1962 г. была издана его монография о революционном профсоюзном движении в Болгарии в 1903—1912 гг. В дальнейшем М. Исусов сосредоточил свое внимание преимущественно на исследовании проблем рабочего класса в первые годы народной власти. По этой проблематике им опубликован ряд оригинальных статей, а обобщающим трудом явилась рецензируемая монография, отличающаяся новизной постановки и решения проблемы, глубиной теоретического анализа, комплексным освещением темы. Она свидетельствует о научной зрелости автора, его умении глубоко проникать в сущность общественных явлений, всесторонне анализировать их с классовых позиций, на основе марксистско-ленинской методологии.

Основательно проанализировав имеющуюся литературу, автор вместе с тем поднял огромный документальный материал из многочисленных архивных фондов, что позволило ему ввести в научный оборот не известный ранее фактический материал, по-новому подойти к освещению роли рабочего класса в общественной жизни страны.

Книга состоит из четырех глав. Особенно выделяются глубиной анализа и оригинальностью суждений первая и четвертая главы работы, в которых раскрывается роль рабочего класса в формировании экономики и социальной структуры переходного периода, а также динамика изменения социальных функций рабочего класса в политической системе народной демократии.

Характеризуя экономику переходного периода, автор рассматривает ее как систему сложных переплетений различ-

ных старых и новых форм общественного производства, как временное сосуществование социалистического (государственного и кооперативного) и частнокапиталистического секторов. Читатель найдет немало новых, уточненных сведений и авторских суждений о количестве промышленных и ремесленных предприятий, о составе рабочих на них в период 1945—1947 гг., о размере и роли иностранного капитала в экономике Болгарии в эти годы, о разных формах производственной кооперации и их социальной структуре и т. д. Весьма интересна постановка вопроса о социальных последствиях экономических преобразований в первые годы народной власти и о соотношении различных классов и социальных групп в стране в этот период. Во второй главе анализируются изменения в численности и структуре рабочего класса. Приводится обширный статистический материал о динамике численности и структурных изменений различных категорий промышленных, ремесленных, строительных, сельскохозяйственных рабочих, а также рабочих, занятых вне сферы материального производства, подтверждающий главную мысль, что в 1944—1947 гг. происходит «производственно-экономическая консолидация рабочего класса», основу которого составляли индустриальные рабочие (стр. 128—129). М. Исусов ставит интересные вопросы о социальных границах рабочего класса в целом и его отдельных отрядов, об источниках их пополнения и причинах сокращения в различные периоды, о сложных процессах внутриклассовых и межклассовых миграций.

В связи с этим автор высказывает заслуживающие внимания суждения о нетождественности понятий «наемные рабочие» и «рабочий класс», о том, что семья как социальная микроструктура не всегда является органической частью структуры отдельных социальных групп; о месте инженерно-технических работников в социальной структуре общества и их социальных функций и др.

Задавшись целью исследовать внутреннюю структуру рабочего класса, дина-

мику взаимодействия его отдельных отрядов и диалектическую взаимосвязь с другими классами общества, М. Исусов на протяжении всей работы много внимания уделяет характеристике социальной структуры общества. Он исходит из верной методологической посылки, что социальная структура общества шире классовой структуры, что она, как подчеркивает автор, «охватывает как междуклассовые, так и внутриклассовые отношения» (стр. 9). При этом следовало бы, однако, учесть и то, что понятие социальной структуры общества включает в себя профессиональные, национальные, демографические и иные аспекты.

В процессе всего исследования автор руководствовался верной отправной установкой, что история рабочего класса Болгарии 1944—1947 гг. имеет свои внутренние особенности и закономерности, но что рабочий класс развивается в органической связи с общими экономическими, политическими, социальными и культурными преобразованиями и процессами в стране. В соответствии с этим в книге получили широкое освещение и такие вопросы, как роль рабочего класса в создании нового социального законодательства, в развитии различных форм рабочего контроля и производственно-трудового соревнования, проблемы рабочего быта и др.

Раскрывая их, М. Исусов полемизирует с рядом авторов, уточняет некоторые положения и высказывает свою точку зрения по отдельным вопросам, касающимся структуры и роли рабочего класса в строительстве социализма. Автор доказательно обосновывает ведущую роль рабочего класса и раскрывает руководящую и направляющую деятельность БКП в строительстве новой Болгарии.

Широта поднятых вопросов, видимо, не позволила автору с одинаковой глубиной раскрыть все аспекты и факторы, характеризующие место рабочего класса

в обществе. Слабее, в частности, освещена идейно-воспитательная функция рабочего класса, а также влияние интернациональных связей на различные стороны его деятельности. В решении всех вопросов социально-экономических, политических и культурных преобразований рабочий класс Болгарии опирался как на свой собственный опыт, так и на опыт других стран. И это вполне закономерно, ибо в условиях существования мировой системы социализма интернациональные связи и сотрудничество рабочих являются объективным фактором, влияющим на каждый из интернациональных отрядов рабочего класса. Нуждаются в уточнении положения автора о влиянии таких факторов, как деятельность союзной Контрольной Комиссии и Информбюро коммунистических и рабочих партий на характер развития политической системы народной демократии в Болгарии (стр. 209).

Можно было бы упрекнуть автора и в том, что работа в отдельных местах несколько перегружена менее значительными фактами. Однако не эти частные замечания определяют лицо рецензируемой работы.

Написанная на основе марксистско-ленинской методологии с использованием огромного документального материала, в большинстве своем впервые введенного в научный оборот, книга Мито Исусова представляет собой серьезное, оригинальное научное исследование по истории рабочего класса 1944—1947 гг. В нем впервые столь глубоко, всесторонне и комплексно рассматриваются многие закономерности развития рабочего класса и его роли во всей системе общественных отношений страны.

Монография Мито Исусова, несомненно, займет достойное место в историографии данной проблемы.

П. С. Сохань

В. С. ПАРСАДАНОВА. Формирование национального фронта в Польше (1944—1946). М., 1972, 270 стр.

Рецензируемая работа охватывает период от создания в условиях оккупации Польской рабочей партией (ППР) и другими демократическими организациями Крайовой рады народовой в новогоднюю ночь 1944 г. и до первых послевоенных всеобщих выборов в сейм, которые состоялись 19 января 1947 г.

В работе использован значительный материал из советских и польских архивов, опубликованные сборники документов, пресса того периода — прежде всего такие газеты как «Речь-посполита», «Глос Людэ», «Курьер Подзенны», «Ро-

ботник». Наиболее интересные результаты принесли поиски Парсадановой в фондах ППР, КРН в Центральном архиве ЦК ПОРП и материалы ЦКНО — в Архиве новых актов в Варшаве. Судя по списку архивов, автор не использовала документы, хранящиеся в Архиве Института истории крестьянского движения, но этот недостаток в определенной мере компенсируется многочисленными публикациями источников по истории крестьянского движения.

Литература предмета, добросовестно использованная Парсадановой, не очень

обширна, поскольку лишь в последнее время в Польше появилось определенное оживление в исследованиях генезиса Польской Народной Республики. Большинство работ было опубликовано в последние четыре года, т. е. именно в тот период, когда работа Парсадановой находилась в стадии завершения.

Книга состоит из шести разделов, хронологическими рубежами которых являются: создание ПКНО в июле 1944 г.; закон об аграрной реформе в сентябре 1944 г.; создание Правительства Национального единства 28 июня 1945 г.; закон о национализации промышленности и банков в декабре 1945 г.; референдум 30 июня 1946 г. Представленное деление, как и сами хронологические рамки, логически обоснованы, поскольку раскрывают основные этапы рассматриваемого процесса.

Период, освещаемый В. С. Парсадановой, длился три года, но он был богат важными событиями. Это — освобождение польских земель от оккупации в результате победы Советской Армии над гитлеровской Германией, вопросы о границах и характере правительства возрожденной Польши. Исследователи в событиях середины 40-х годов видят черты, типичные для социалистической революции и гражданской войны. Капиталистический лагерь в Польше не был ведь ни бесильным, ни бездейственным. Кроме действующего в Лондоне польского эмигрантского правительства, которое было признано многими государствами, в стране находились Рада единности народовой, вокруг которой объединялись поддерживающие ее политические партии и подпольная вооруженная сила — Армия крайова. Эти силы предприняли отчаянную попытку взять власть в свои руки. Такой попыткой было Варшавское восстание. После его поражения силы реакции не прекратили борьбы, организовали подпольную политическую партию «Вольность и Неподлежность» (ВиН). Не сложили оружия и многие, созданные в условиях подполья вооруженные отряды, которые начали борьбу с Советской Армией и местными органами народной власти.

Основа конфликта, что отчетливо представила в своей работе В. С. Парсаданова, находилась в плоскости политической. Для освобожденной от гитлеровской оккупации Польши было характерно существование большого числа политических партий, организаций и групп. Не все они имели четкую политическую программу. Основной задачей ППР было сплотить вокруг себя широкие слои на-

селения, привлечь на свою сторону все левые силы общества, а в особенности демократические организации, объединить их в национальном фронте, изолировав националистические и реакционные элементы. Межпартийная борьба по социальным и политическим вопросам рассматривается автором в связи с международной обстановкой.

В. С. Парсаданова показывает, что на одном полюсе сконцентрировались реакционные силы, ставившие своей целью сохранение социального и политического status quo, т. е. капиталистического строя, а на другом — демократические силы, стремившиеся к революционным преобразованиям, к установлению диктатуры пролетариата. Реакционные силы объединились в Польском Стронництве людовом, которое было единственной их легальной партией, консолидация демократических сил была политической задачей ППР. На всеобщих выборах в Законодательный Сейм ППР решила противопоставить реакции тактику единого фронта левых, демократических организаций. ППР удалось вместе с ППС, Стронництвом демократичным, Стронництвом праца и значительной частью крестьянского движения во главе со Стронництвом людовым создать единый избирательный блок. В результате всеобщих выборов в январе 1947 г. лагерь реакции потерпел окончательное поражение.

Проблема борьбы за власть представлена в книге синтетически, что является несомненным достоинством труда В. С. Парсадановой. Однако в нем недостаточно освещена проблема молодежного движения (деятельность Союза борьбы молодых, Союза сельской молодежи, Молодежной организации ТУР и др.), которое в это время сыграло немаловажную роль. Следовало бы шире показать связь происходящих в Польше событий с развитием международных отношений. Имеют место и элементы схематизма: излагая борьбу реакции с силами прогресса, автор полагает, что реакция в деревне опиралась только на богатое крестьянство. В действительности не всегда было так. Позиция отдельных слоев деревни определилась локальным влиянием данной партии, традициями и рядом других обстоятельств. Сильным оплотом НСЗ и ВиН были районы Прикарпатья и Мазовша. Отмеченные недостатки не влияют, однако, на общий высокий уровень работы, в которой кратко и аналитически показаны изменения, связанные с формированием строя народной демократии в Польше.

Анджей Скинпек

S. CAMBEL. *Slovenská agrárna otázka. 1944—1948*. Bratislava, 1972, 436 s.

С. ЦАМБЕЛ. *Словацкий аграрный вопрос. 1944—1948*

Проблема демократических аграрных преобразований в процессе мирного перерастания национально-демократической революции в социалистическую давно привлекала внимание чехословацких историков¹. Однако в работах, вышедших в 50-е годы, она освещена недостаточно полно и объективно. Основное внимание концентрировалось на явлениях, проходивших в чешской деревне, а выводы механически, без детального анализа словацкой деревни переносились на Словакию. Поэтому в трактовке общих проблем чехословацкой революции терялась специфика условий, в которых проходило развитие революционного процесса в Словакии и особенно в словацкой деревне. Даже те авторы, которые пытались выделить в комплексе вопросов сугубо словацкую проблематику, не всегда могли выйти за рамки уже ставших традиционными точек зрения. Борьба коммунистов за крестьянские массы рассматривалась авторами указанных работ преимущественно в плане освещения внутрипартийных событий 1944—1948 и последующих лет.

Попытка преодолеть односторонний подход к изучаемой проблематике была предпринята словацким историком С. Цамбелом в книге «Революционный год 1945», вышедшей в 1965 г. Отдельные вопросы, поставленные в этой работе, получили дальнейшую разработку в исследовании «Словацкий аграрный вопрос. 1944—1948». Эта монография основана на богатой источниковедческой базе — автор использовал в ней не публиковавшиеся ранее ценные и интересные материалы центральных и местных архивов Чехословакии, чешскую и словацкую прессу.

В центре внимания автора — вопрос о влиянии специфики социально-экономического и политического развития Словакии на ход революционных событий 40-х годов. С. Цамбел подвергает сомнению правомерность сформулированной в 50-х — начале 60-х годов концепции единого пути развития революции в чеш-

ских и словацких условиях, обосновавшей необходимость одновременного осуществления революционных перемен в двух частях Чехословацкой республики и поэтапного проведения аграрных демократических преобразований в чехословацкой деревне, главным образом земельной реформы.

Анализ социально-экономического развития Словакии накануне и в годы второй мировой войны, представленный в первой главе работы, приводит автора к выводу о том, что коренная ломка установившихся аграрных отношений и борьба коммунистов за привлечение на сторону революции крестьянских масс в чешской и словацкой деревне происходили в неадекватных условиях. Это объяснялось прежде всего различной социально-экономической структурой деревни, различным подходом к решению вопроса о судьбах немецкого населения в Судетах и венгерского — в южных районах Словакии, различной степенью виновности в сотрудничестве с фашистами представителей католической церкви в чешских районах и клерикалов марионеточного фашистского словацкого «государства».

Исследуя процесс формирования программы социально-экономических преобразований (этому посвящены три последующие главы), С. Цамбел пишет, что уже в период Словацкого национального восстания, которое положило начало национально-демократической революции в Чехословакии, словацкие коммунисты занимали позицию, вытекавшую из учета особенностей Словакии и опиравшуюся на классовую интерпретацию лозунга «земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает»². Под этим лозунгом коммунисты прежде всего подразумевали ликвидацию крупного помещичьего землевладения в словацкой части республики (иностранного, отечественного и церковного). Эти радикальные требования в области земельных отношений, учитывавшие специфику словацких условий, не были приняты во внимание при разработке программы Национального фронта чехов и словаков, что, как считает автор, нашло свое выражение в более умеренной по сравнению с периодом Словацкого национального восстания программе, с которой руководство КПС выступало перед крестьянами в освободенных от фашистов районах Восточной Словакии в декабре 1944 г., где пропа-

¹ S. C a m b e l. *Agrárna otázka na Slovensku a naša revolúcia. 1944—1948*. Bratislava, 1958; L. V e b r. V. P l e v z a. S. C a m b e l, *KSC a roľnícka otázka na Slovensku*. Bratislava, 1961; M. F a l t' a n. *Cesta slovenského roľníctva k socializmu*. Bratislava, 1954; e g o ж e. *Február 1948 — víťazstvo zväzku robotníkov a roľníkov*. Bratislava, 1958; J. I n o v e c k ý. *Slovenská dedina viera a dnes*. Bratislava, 1956. K. S l i v k a. *Staré a nové v našom roľníctve*. Bratislava, 1955.

² S. C a m b e l. *Slovenská agrárna otázka. 1944—1948*. Bratislava, 1972, s. 37.

ганда земельной реформы велась по линии национальной и антифашистской³. Такое решение земельного вопроса в условиях Словакии, предполагавшее ликвидацию земельных владений лишь немцев, венгров (исключая активных антифашистов), а также предателей чешского и словацкого народа и коллаборационистов, шло, по мнению С. Цамбела, вразрез с объективной обстановкой в Словакии: «Объективная словацкая действительность (нация малоземельных крестьян и сравнительно ограниченный земельный фонд) определяла позиции словацких коммунистов и диктовала курс на всеобщую земельную реформу. Иной путь — ликвидация собственности крупных землевладельцев по частям, по национальному признаку, давал ограниченные возможности для удовлетворения земельного голода и для решения основной социальной проблемы словацкой деревни»⁴. В словацких условиях, — продолжает автор, — непосредственный эффект могла дать, главным образом, земельная реформа во внутренних районах, но она должна была затронуть всю землю крупных землевладельцев, включая крупные церковные поместья. В условиях национальной и демократической революции в Словакии непосредственно после освобождения были все политические и социальные предпосылки для реализации подобного решения⁵. Автор также полагает, что радикальное решение основной социальной проблемы словацкой деревни за счет поместий епископата при благоприятной обстановке политических сил, существовавшей в Словакии в первый период после освобождения, парализовала бы в будущем усиливающиеся по мере развития революции клерофашистские тенденции.

Однако во имя общего для всей республики развития революционного процесса КПС вынуждена была вразрез с объективной обстановкой в словацких районах принять программу аграрных преобразований, которая была составлена с учетом чешских условий. Принятая в апреле 1945 г. Национальным фронтом чехов и словаков правительственная Кошицкая программа, наметившая конфискацию и распределение земли по линии национальной и антифашистской, была явно недостаточной для словацких условий, так как сужала земельный фонд, предоставляемый крестьянам для надела.

В трех последующих главах (V—VII) автор монографии подробно останавливается на вопросе о том, как общая программа аграрных преобразований повлияла на развитие революции в Словакии. Он приходит к выводу, что такая программа тормозила процесс утверждения народ-

но-демократического строя в Словакии, так как помимо общих с чешскими коммунистами трудностей, которые возникают при коренной ломке старой общественно-экономической формации, коммунисты Словакии вынуждены были преодолевать целый ряд дополнительных трудностей, которые возникли вследствие единого подхода к задачам аграрной революции в чешских районах и Словакии. К числу таких трудностей С. Цамбел относит, в первую очередь, ограниченность словацкого земельного фонда, который еще более сузился из-за оставшегося нерешенным вопроса о выселении венгерского национального меньшинства из южных районов Словакии. Оставшийся неудовлетворенным земельный голод затруднял завоевание трудового крестьянства на сторону революции, что отрицательно сказалось на результатах выборов в Законодательное Национальное Собрание в мае 1946 г.

Подчеркивая значение всеобщей земельной реформы для Словакии, автор далек от стремления противопоставить идею полной ликвидации крупного землевладения линии постепенного развития революции в 1944—1948-х годах, однако он все же считает, что ориентация на общее развитие революционного процесса в Чехословакии привела к падению влияния и авторитета Коммунистической партии в Словакии, негативно отразилась на темпах революционного процесса в этой части республики и в значительной степени осложнила положение словацких коммунистов. Этим вопросом автор посвятил восьмую главу монографии. В трех последних главах автор анализирует новые положения в аграрной программе Коммунистической партии, появившиеся после VIII съезда партии, положительно сказавшиеся на отношении крестьянства Словакии к народно-демократическому строю, показывает роль словацкого крестьянства в февральских событиях 1948 г.

С. Цамбел не ограничивает свою работу исследованием земельных отношений и влияния хода земельной реформы на позицию различных категорий сельского населения словацкой деревни. Отмечая специфику, он останавливается и на роли аграрных кооперативных центров и на значении крестьянской организации. В связи с этим хотелось бы отметить, что автор недостаточно четко осветил степень и причины влияния реакционных элементов в кооперативных организациях Словакии. Известно, что Кошицкая правительственная программа, предусматривавшая наказание и вытеснение из сельскохозяйственных организаций лиц, скомпрометировавших себя сотрудничеством с фашистским режимом, должна была способствовать демократизации сельскохозяйственной кооперации в обеих частях Чехословацкой республики. В ходе реа-

³ Ibid., s. 45.

⁴ Ibid., s. 51.

⁵ Ibid., s. 60.

лизации этой части Кошицкой правительственной программы выяснилось, что положения, касающиеся кооперации, давали различный эффект в Словакии и Чешских землях. В Словакии буржуазные элементы, контролировавшие большинство словацких сельскохозяйственных кооперативов в межвоенный период, не попадали под категорию «предателей народа и коллаборационистов», поскольку они принимали участие в движении Сопротивления, составляя лагерь так называемой демократически настроенной антифашистской буржуазии. Эта часть словацкой буржуазии, считая себя жертвой преследования клерофашистского режима, добилась восстановления своих национальных прав в целом ряде сельскохозяйственных кооперативных центров, подчинив их вновь своему влиянию. В Чешских же землях реакционное ру-

ководство большинства кооперативных центров скомпрометировало себя сотрудничеством с оккупантами и вынуждено было, под давлением коммунистов, покинуть кооперацию. Таким образом, подобно различным результатам поэтапного осуществления земельной реформы в словацких и чешских условиях, различный эффект давала реализация Кошицкой программы и в области кооперации.

Работа С. Цамбела, написанная на основе всестороннего и тщательного анализа новых архивных материалов, сочетающая основательную документированность с хорошей логической аргументацией, позволяет представить во всей полноте сложную картину развития революции 1944—1948-х годов в Словакии.

Э. Лаврик

«ЧЕХОСЛОВАЦКО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ»

(Новое издание философского факультета
Карлова университета)

Карловым университетом в Праге издан первый выпуск тематического ежегодника, посвященного вопросам чехословацко-советских отношений¹. Это новое издание, как сказано во введении (автор К. Галла), видит свою задачу в продолжении «лучших прогрессивных традиций в отношении к Советскому Союзу, советской науке и советскому народу», традиций «изучения и развития чехо-русских и чехо-советских связей в разных областях общественной жизни». В книге собраны статьи историко-литературного, общественно-исторического и лингвистического характера.

Сборник открывается статьей В. Гунычака «К вопросу о древнейших русско-чешских связях», посвященной истории возникновения культа Бориса и Глеба в Чехии. Исходя из того, что политические связи между Русью и Чехией существовали уже в дохристианский период и усилились после принятия христианства, наиболее вероятными распространителями культа первых русских святых в Чехии автор считает жен чешского князя и первого короля Богемии Вратислава II (ум. 1092), сторонника славянского богослужения, покровителя Сазавского монастыря. Первой из них была Аделаида, дочь венгерского короля Андрея I и Анастасии Ярославны Киевской (внучатая племянница Бориса и Глеба), второй — Святава (Святослава), дочь польского князя Казимира Восстановителя и Марии Добронегы Владимировны (племянница Бориса и Глеба). В статье

высказывается мысль, что одновременно с мощами, а также житием Бориса и Глеба, в XI в. в Чехию были перенесены и другие церковно-славянские рукописи русского происхождения.

Статья С. Маггаузеровой «Русские песенники в Пражских библиотеках» посвящена раскрытию той роли, которую сыграли русские песенники в развитии чехско-русских культурных связей. В ней отмечается, что сборником Чулкова не раз пользовался Ф. Л. Челаковский, а к песням, записанным и изданным в Петербурге чехом Иваном Прачем, нередко обращались видные музыканты.

Подробно и обстоятельно рассматривается вопрос о переработке Л. Н. Толстым повествования Я. Гербена «Брат Ян Палечек» в статье Ш. Колафы «Шут Палечек — крестьянский сын». При этом автор уточняет работы некоторых советских и чешских исследователей. В статье подчеркивается, что в отличие от Гербена, видевшего в Палечеке «хорошего дворянина, стремившегося устранить общественные противоречия», Толстой «показывает Палечека, как крестьянина, выходящего из народа, поборника равенства между людьми».

Три статьи сборника посвящены вопросам типологической близости и идейной связи между пролетарской и революционной поэзией Чехии и России. В первой из них — «Общие моменты в начальном периоде чешской и русской пролетарской литературы» — М. Грала обращает внимание на родство тем и форм первоначального бытования произведений чешской и русской пролетарской поэзии. В то же время в статье отмечаются особен-

¹ Československo-sovětské vztahy. Universita Karlova. Praha, 1972, 164 s.

ности развития рабочей и пролетарской поэзии в Чехии и России. В первом случае, пишет автор, она возникает в середине XIX в., во втором — в конце. Но если в России «пролетарская литература как направление» получает силу и размах уже перед 1917 годом, то в Чехии это происходит в 20-е годы. Отчасти продолжает тему М. Грала статья «Видение революции поэтом» Я. Неудлой, посвященная поэзии Антонина Мацека, раскрытию в его стихах образа революции. Первоначально поэт связывал его с тяжелой жизнью пролетариев и их протестом против беспорядка. В дальнейшем образ революции ассоциируется с бурей и восстанием и, наконец, «символом нового героизма, освобождения трудового человечества» для Мацека становится Советская Россия (стихотворение «Советской России»). В статье Ф. Бурианека «Поколение Неймана и Великая Октябрьская социалистическая революция» рассматривается влияние революции в России на таких чешских поэтов, как Нейман, Шрамак и Томан, отражение революционных идей на страницах журнала «Червень».

Ранние произведения Ивана Ольбрахта и рассказы Максима Горького сопоставляет в своей статье «О бывших людях и злых нелюдимах» В. Менцлова. Отмечая общее и отличное у героев Горького и Ольбрахта, автор указывает на интерес последнего к «психологическому состоянию человека», связанного с обществом и в то же время одинокого.

Серия историко-литературоведческих работ завершается статьей Я. Таха «Поиски идеи „нового мира“». В ней освещаются некоторые моменты идейного развития Марии Пуймановой в межвоенное двадцатилетие. Автор показывает, как от абстрактного гуманизма писательница постепенно, преодолевая разного рода заблуждения, пришла к мысли о новом социалистическом мире, реальным воплощением которого для нее был Советский Союз.

Статьи сборника, посвященные чешско-русским и чешско-советским литературным отношениям, весьма различны по своей тематике и характеру ее раскрытия. В совокупности они дополняют и расширяют наши представления о взаимоотношениях литератур братских народов, являются вкладом в чехословацко-советское научное сотрудничество.

В статье Ч. Аморта «Развитие чехословацко-советских отношений в начале 30-х годов» прослеживаются отношения между обеими странами накануне официального признания СССР Чехословакией. В этот период социальная база движения за установление дипломатических отношений с Советской страной значительно расширилась за счет левой интеллигенции, молодежи и прогрессивно настроенных средних слоев. Автор отмечает значение

V съезда Коммунистической партии Чехословакии (февраль 1929 г.) в истории чехословацко-советских отношений, взявшего курс на развитие дружественных связей с СССР.

Движение за признание СССР де юре усиливается в 1933 г. после прихода к власти в Германии нацистской партии. Автор дает характеристику позиции различных политических и общественных групп Чехословакии в вопросе признания Советского Союза: коммунистов, национальных социалистов, левого крыла правящей коалиции, представителей левой интеллигенции и молодежи. В статье показана деятельность Союза друзей СССР, Общества экономических и культурных связей с СССР. Весной 1934 г. борьба за признание СССР достигла кульминации. Ч. Аморт подчеркивает, что правящим кругам буржуазной Чехословакии потребовалось более пятнадцати лет для того, чтобы осознать необходимость признания советского государства. Чехословакия была одним из последних государств, которое решилось на этот шаг. Лишь изменение международной обстановки, связанное с агрессивной политикой Германии, вынудило чехословацкое правительство прибегнуть к новой дипломатии.

Статья В. Краля «К вопросу о роли Советского Союза во время сентябрьского кризиса 1938 г.» носит полемический характер. Она направлена против выступлений ряда чехословацких историков в 1968 г., в частности на конференции, организованной в июне бывшим Институтом истории КПЧ в связи с 50-летием Чехословакии. В этих выступлениях высказывалось сомнение в том, что Советский Союз был надежным союзником Чехословакии накануне Мюнхена. Подобные высказывания весьма характерны для западной буржуазной историографии. При этом защитники политики умиротворения Германии пытаются свалить ответственность за мюнхенскую катастрофу на Советский Союз. Отвечая на вопрос, почему в Чехословакии, ставшей жертвой мюнхенской политики, была предпринята попытка пересмотреть роль Советского Союза в сентябре 1938 г., автор статьи указывает, что известная часть чехословацких историков отошла от марксистских, классовых позиций в оценке исторических явлений.

В статье на большом фактическом материале убедительно показано, что на всех этапах сентябрьского кризиса 1938 г. СССР был единственным государством, которое последовательно защищало интересы Чехословакии. Позицию Советского Союза в отношении ЧСР автор характеризует как программу коллективной безопасности. Совместные действия Англии, Франции, США и СССР могли привести к созданию антифашистского фронта, который противостоял бы агрес-

сии со стороны Германии. Приведенные документы свидетельствуют, что Советский Союз был готов прийти на помощь Чехословакии даже и без союзной Франции при условии, что сама Чехословакия будет сопротивляться агрессии и обратиться к СССР с просьбой о помощи. Однако господствующие классы Чехословакии встали на путь предательства национальных интересов. Политика умиротворения Германии завершилась мюнхенским соглашением.

Статьи Ч. Аморта и В. Краля пополнили литературу о советско-чехословацких отношениях в 30-е годы.

Интересна статья Ф. Сингуле «Как чешские учителя знакомились с русской и советской школой и педагогикой». Чешские учителя начали проявлять постоянный интерес к русской педагогике с 70-х годов прошлого века. С этого времени в чешской педагогической печати стали появляться статьи о развитии русской школы, многочисленные очерки о представителях русской педагогики и переводы их работ. Наибольшее внимание уделялось К. Д. Ушинскому и Л. Н. Толстому.

В межвоенный период группа прогрессивных чешских педагогов проводила большую работу по пропаганде достижений советской школы. Помимо отдельных изданий, было опубликовано более 800 статей, сообщений и рецензий в чешских

педагогических журналах. Проводились выставки. В 30-х годах почти ежегодно организовывались поездки чешских учителей в СССР для ознакомления с советской педагогической практикой. Автор статьи отмечает, что довоенная деятельность чешских учителей в этом направлении сыграла важную роль при создании чехословацкой социалистической школы.

К. Хлупачова в статье «К пониманию омонимии в русской и чешской лингвистике» рассматривает этимологический и семантический принципы анализа омонимии и показывает их место в русской и чешской лингвистике. Автор считает, что сопоставление интерпретации омонимов в русских и чешских словарях может быть полезным для лексикологического и лексикографического решения проблематики омонимии. Небольшая статья П. Адамца и И. Влчека «Заметки о советской языковедческой богемистике последних лет» информирует о развитии языковедческой богемистики в СССР. В статье приведены примеры сотрудничества между учеными обеих стран.

Приветствуя появление сборника «Чехословацко-советские отношения», мы надеемся, что за ним последуют другие подобные издания, которые также явятся полезным вкладом в дело чехословацко-советского научного сотрудничества
Л. К., М. К

ФОТОТИПИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ АВТОБИОГРАФИИ И ДНЕВНИКА Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Великим Кобзарем интересуются везде, но особый интерес его творчество и биография вызывают, естественно, в славянских странах. Все произведения Т. Г. Шевченко давно изданы и неоднократно переиздавались, шевченковедческая библиография исчисляется ныне сотнями книг, тысячами статей и иных публикаций. В большом потоке литературы, появившейся за последнее время, выделяется вышедшее в 1972 г. фототипическое издание автобиографии и дневника Т. Г. Шевченко¹. Вместе с опубликованными ранее фототипическими сборниками — «Три літа», «Мала (захалайна) книжка» и «Більша книжка» — это издание составляет ценнейшую библиотечку автографов Кобзаря, познавательное и мемориальное значение которой совершенно очевидно.

Немалый интерес вызывает знакомство с автографом написанного в январе 1860 г. текста, который известен шевченко-

ведческой литературе под названием «Автобиография». Но особенное впечатление возникает при чтении дневника, впервые представшего перед широким читателем в своем первоизданном виде. Говоря о шевченковском дневнике, Константин Федин в юбилейном 1964 г. называл его жгучим и сверкающим литературным памятником предреформенного десятилетия России². Корней Чуковский задолго до этого писал, что при чтении дневника появляется иллюзия живого общения с его автором: будто вот-вот «откроется дверь, и он войдет к нам опять тяжелой походкой, в смазных сапогах, медлительный, в длинном галстуке, и за чаем и ромом продолжит вчерашнюю нашу беседу...»³. Так воспринимались типографские издания дневника. Сейчас же, когда мы имеем перед собой любовно и точно воспроизведенный автограф, этот

² К. Ф е д и н. Служить народу, как завещал Кобзарь. «Известия», 1964, 28 мая.

³ К. Ч у к о в с к и й. Воскресающий Шевченко. «Речь», 1911, № 158.

¹ Т. Ш е в ч е н к о. Дневник. Автобиография (автографы). Киев, изд-во Наукова думка, 1972.

эффект «соприсутствия» неизмеримо возрастает.

Т. Г. Шевченко начал дневник в первые месяцы ссылки, но сжег написанное и не пытался его возобновить до того момента, когда «повеяло волей». В период с 12 июня 1857 г. до 13 июля 1858 г., когда Шевченко вел дневник, произошли серьезные перемены в судьбе его автора. Огромное разнообразие событий и лиц, упоминаемых на страницах дневника, строгая простота и подкупающая искренность всех его записей, позволяют отчетливо увидеть как литературно-эстетические воззрения поэта, так и его общественно-политические симпатии. Среди множества вопросов, по которым текст дневника может служить важным источником, мне особенно дорого то, что относится к связям Кобзаря с польскими сызлыми.

Ограничимся лишь двумя наиболее яркими фактами. Во-первых, это записи от 19 и 20 августа 1857 г., сделанные на польском языке астраханскими знакомыми Т. Г. Шевченко — Каролом Новицким, Павлом Радзейовским, Титусом Шалевичем и Томашем Зброшком; во-

вторых, польский текст стихотворения Эдварда Желиговского, вписанного им в дневник 13 мая 1858 г. и собственноручно озаглавленного «Do brata Tarasa Szewczenki».

Подготовка текста осуществлена чл.-корр. АН Украинской ССР проф. Е. С. Шаблювским. Им же написано большое и содержательное послесловие, в котором дается описание воспроизводимых текстов (они хранятся в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко в Киеве), а также анализируется их содержание и история прежних публикаций. В завершающей части послесловия Е. С. Шаблювский справедливо подчеркивает значение осуществленных на Украине фототипических изданий произведений Т. Г. Шевченко: «Все это — художественные сокровища неопределимого значения. Мы проникаем в творческую лабораторию великого поэта, видим руку Тараса, в каждой черточке его письма ощущаем трепет сердца революционера, его взволнованное, исполненное любви и гнева дыхание» (стр. XXV).

В. А. Дьяков

НОВЫЙ СЛАВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В Салониках, на родине славянских просветителей Кирилла и Мефодия, вышел первый номер нового славистического журнала¹, названного в их честь «Кириллометодианум» (Cyrillomethodianum). Редакционную коллегию, в состав которой вошли С. Пападопулос, М. Сетатос, А. Таборес, возглавил известный греческий славист А. Э. Тахиаос.

Подзаголовок нового журнала славистов («Исследования по истории греческо-славянских отношений») уточняет его направление: предполагается публикация исследований, посвященных изучению греческо-славянских отношений и, особенно, преемственности кирилло-мефодиевской традиции, восприятию славянским миром греческой византийской культуры, связанной с античностью. Намечены различные аспекты изучения кирилломефодиевской традиции как особой отрасли славяноведения: филология, лингвистика, литература, история литературы, искусства, музыки.

Появление такого рода журнала — результат оживления в Греции интереса к истории славян. О международном характере журнала свидетельствует факт публикации, наряду с работами греческих ученых, статей исследователей из Румынии, Югославии, Австрии на фран-

цузском, немецком и английском языках.

Журнал открывается статьей Дамиана П. Богдана «Поучения Петра Мовилы своему брату Моисею Мовиле». Наряду с публикацией и французским переводом «Поучения» Д. Богдан дает характеристику памятника и жанра в целом.

Сербским переводам с греческого (но уже нового времени) посвящена статья профессора салоницкого университета Я. Тарнадиниса «Сербские переводы XVIII в. греческих сочинений».

Австрийский славист Ф. Мареш отождествляет епископа Мефодия в списке братии Райхенауэрского монастыря со славянским просветителем Мефодием.

Сообщение византийского историка Дукки о сербско-турецких отношениях в середине XV в. и трактовка им политики Георгия Бранковича (1429—1456) анализируется греческим ученым Я. А. Пападрианосом.

Описание музыкальных рукописей библиотеки Иверского монастыря на Афоне и публикация одного из песнопений (на греческом языке с сербским переводом) выполнены А. Яковлевич.

А. Э. Тахиаос принадлежит публикация «Похвального слова Димитрия Кантакузина святому Димитрию», которому предпослано исследование, освещающее жизненный путь и творчество писателя.

Заключает первый раздел журнала историографический обзор Х. К. Папа-

¹ «Cyrillomethodianum. Recherches sur l'histoire des relations helleso-slaves», Thessalonique, 1971, 227 p. (далее — Cyrilomethodianum).

стафис: «Славяноведение в Греции в 1960—1969 гг.».

В разделе «Хроника» помещены отчеты о Международном коллоквиуме «Идея императорской власти в Византии, на Западе и в славянском мире в средние века» (24—29 августа 1969 г., Салоники) и «Международном конгрессе по славянской истории и филологии» (1—7 июля 1970 г., Зальцбург и Регенсбург).

В библиографическом разделе опубликованы подробные аннотации литературы по славяноведению, в том числе и советской (Л. П. Жуковская. Древние славянские переводы византийских и сирийских памятников в книгохранилищах СССР. «Палестинский сборник», 1969; А. С. Львов. К истории слова «грамота» в древнерусской письменности. «Исследования источников по истории русского языка и письменности». М., 1966; В. С. Голыщенко, В. Ф. Дубровина. Синайский патерик. М., 1967; А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969).

Статья греческого исследователя Я. Цараса «Глагол ἐσθλαβῶθη у Константина Багрянородного» пополняет собой обширный список трудов, посвященных проблеме расселения славян в Греции. В отличие от остальных работ, помещенных в первом номере Кириллометодианум, статья Я. Цараса, хотя и касается частного вопроса (толкования известного места в трактате «О фемах»), все же выходит в решении проблемы далеко за рамки конкретного исследования: аргументируя свой перевод глагола ἐσθλαβῶθη, ученый ищет подтверждения правильности предлагаемой им интерпретации в истории славянских вторжений в Пелопоннес, в специфике взаимоотношений славян и Византии, наконец, в том, какую роль играл славянский элемент в историческом развитии Юго-Восточной Европы. Важность и сложность вопроса побуждает нас подробнее остановиться на анализе системы доказательств Я. Цараса.

Автор возражает против толкования глагола как «ославянилась, стала славянской», не скрывая скептицизма в отношении к высказываниям предшественников, отстаивавших это толкование, и особенно Я. Ф. Фальмерайдера: они либо не поняли этого пассажа в сочинении Константина Багрянородного, либо поняли его неправильно. Доказав, что глагол употребляется царственным историком в переносном смысле — «Пелопоннес был разорен и опустошен..., как если бы по нему прошли славяне» — мы тем самым лишаем сторонников теории Я. Ф. Фальмерайдера главного аргумента. С другой стороны, пытаюсь показать, сколь незначительным было влияние славян не только в Греции, но и вообще в Византии, Я. Царас стремится убедить читателя в том, что глагол ἐσθλαβῶθη и не мог употребляться иначе, как фи-

гурально. В соответствии с такой направленностью исследования главное место в нем отведено истолкованию знаменитой фразы Константина Багрянородного, однако, приводимые исследователем доводы вызывают сомнения.

В построениях Я. Ф. Фальмерайдера в качестве основного аргумента использовался не изучаемый фрагмент Константина VII, как об этом пишет Я. Царас, а сообщение в Церковной истории Евагрия (VI в.) об опустошении в 584 г. аварами Сингидуна, Анхиала и всей Греции².

Несколько ниже в статье Я. Цараса о положении славян в Византии говорится, что славяне применялись как рабы, начиная с VII в., и что масштабы использования рабов в византийском хозяйстве, в первую очередь на церковных землях, которые, по Я. Царасу, составляли треть всех возделываемых земель империи, были велики. Автор ссылается при этом на упоминание Георгия Кедрина (копилятора XI в.) об арабских и халкских пленниках, используемых ромеями как рабы; «но то же самое — читаем мы дальше — происходило и со славянами». Напрасно читатель будет искать здесь ссылки на византийские источники: исследователь не дает их нам. Столь же безуспешными окажутся поиски примечаний, указывающих на те источники и ту специальную литературу, которая бы убедительно доказывала, что земельные владения византийской церкви, особенно в VII—VIII вв., действительно равнялись трети всех обрабатываемых земель.

«Поскольку славяне жили еще племенами, — пишет далее Я. Царас, — они были легко побеждены гуннами и другими тюркскими народами, организованными в новые государства». Не говоря уже о том, что обозначение тюркских племенных союзов как «государств» весьма опрометчиво, между первой и второй частью этой фразы нет отношения причины и следствия: ведь и гунны «жили племенами», и авары, и позже перешедшие Дунай протоболгары. Но автора, видимо, это не смущает, и он продолжает свою мысль: «этим-то и объясняется, что арабы (les Arabes. — И. Ч.) основали государство в центре области, заселенной славянами, причем славяне не смогли им в этом воспрепятствовать». О каком арабском государстве идет здесь речь?! Конечно же les Arabes опечатка и следует читать les Abares, т. е. авары, хотя сам Я. Царас и называет ниже аваров les Avares. Точно такую же ошибку мы встретим у средневекового писца (например, в списках Хронографии Феофа-

² См. А. Васильев. Славяне в Греции. «Византийский временник», т. V (1898), стр. 411. А. Васильев датировал этот поход 587 или 589 г. Там же. В наше время принята датировка 584 г. См. G. u. M o g a v c s i k. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 258.

на³, но позволительна ли она в статье современного исследователя? Что касается взаимоотношений аваров и славян, то они были гораздо сложнее, чем представляется Я. Царасу. На первую треть VII в. приходится обострение противоречий между аварами и подвластными им народами, в частности славянами, о чем свидетельствует хотя бы восстание славян 622 г. в Богемии и Моравии⁴. Последовавшее вскоре вслед за этим поражение аваров под стенами Константинополя в 626 г., вероятно, — звено той же цепи событий, что и восстание 622 г. В результате 626 год становится, по словам греческого историка А. Стратоса, критическим для аварского каганата: с этого момента он исчезает с византийского горизонта⁵.

Наряду с глаголом ἐσθλαβῶθη в том же самом фрагменте трактата «О фемах» появляется и причастие ἐσθλαβωμένη. Константин Багрянородный, высмеивая выходцев из Пелопоннеса, кичащихся благородностью своего происхождения, говорит об их внешности словами лаконичной и меткой эпиграммы Γαρασδοῦδης ὄψις ἐσθλαβωμένη⁶. Перевод этой эпиграммы вызывает некоторые трудности в связи с толкованием слова γαρασδοῦδης, а для Я. Цараса также в связи с тем, что ему приходится переводить ἐσθλαβωμένη, подобно ἐσθλαβῶθη, иносказательно. Популярный ученый пытается объяснить и прилагательное γαρασδοῦδης. Скептически относившись Я. Царас к попыткам предшественников дать этимологию прилагательного: ни одна из них не была «всцело удовлетворительной». Автор отвергает этимологии таких славистов, как Ц. Т. Миклошич, П. Кречмер, М. Фасмер, видевших в первом компоненте прилагательного γαρλεдо славянский корень «горазд» в значении «хитрый»⁷. Чем вызван скептицизм греческого исследователя, сказать трудно, ибо он высказывает свое сомнение не аргументируя его, но столь же трудно не согласиться с его переводом, кстати сказать, тоже не аргументированным.

³ Theopanis Chronographia rec. C. de Boor., v. I. Lipsiae, 1883 (далее — Theoph. Chron.), p. 257. 11, 303. 6, 356.3, 357.11, 440.18.

⁴ A. S t r a t o s. The Avar's attack on Byzantium in the year 626. Byzantinische Forschungen, Bd. II. Amsterdam, 1967, p. 370—371.

⁵ Ibid., p. 376.

⁶ Constantino Profirogenito. De Thematibus. Introduzione, testo critico, commento a cura di A. Pertusi. Citta, del Vaticano, 1952, 6, 40.

⁷ Ibid., p. 173. А. Васильев перевел эту эпиграмму: «О хитрое славянское лицо!», принимая, таким образом, этимологию Ц. Т. Миклошича (А. Васильев. Славяне в Греции, стр. 417, прим. 4).

Первая часть прилагательного ему непонятна (nous demeure encore inconnu), свой перевод он основывает на второй части εἰδής (от греческого εἶδος — вид, -εἶδής в сложных прилагательных, например εὐεἶδής благообразный, еще не дает само по себе достаточных оснований для перевода) и трактует γαρασδοῦδης как «уродливый, некрасивый» (vilain, κακομοῦτσουνας). Едва ли такая трактовка удачна.

Причастие ἐσθλαβωμένη, по Я. Царасу, заставляет думать «не о славянине, но о рабе», а это, в свою очередь, приводит автора к выводу: «переносный смысл причастия и история нашествий славян служат основанием для употребления и глагола ἐσθλαβῶθη в переносном смысле». Коль скоро речь зашла об апеллятивном, вторичном значении термина σκλάβος|σθλάβος (раб), то прежде всего возникает вопрос, когда этноним σκλάβος (славянин) приобретает вторичное значение раб? Ф. Дэльгер, собрав свидетельства византийских источников начиная с VI в., убедительно показал, что это происходит только со второй четверти XII в.⁸ Впрочем, А. П. Каждан несколько изменил датировку Ф. Дэльгера, сославшись на случаи апеллятивного употребления этнонима в источниках XI в.⁹ Но эпиграмма, упоминаемая Константином Багрянородным, восходит, как об этом пишет Я. Царас, к VII в.

Исследователь, стремясь соотнести свои выводы с исторической действительностью, проводит широкие исторические аналогии. Но всегда ли они оправданы? Продуктивно и правомочно ли сопоставление славянских нашествий VI—VIII вв., даже в рамках сочинения Константина Багрянородного, с греко-персидскими войнами 500—449 гг. до н. э., с Пелопоннеской войной 431—404 гг. до н. э., с македонским завоеванием IV в. до н. э., наконец, с римским завоеванием 146 г.

Столь же неуместным представляется нам и другое сопоставление, предлагаемое Я. Царасом: со времени появления турок в Малой Азии в византийских источниках все чаще встречаются сообщения об исламизации христиан, но почему в таком случае, спрашивает автор, византийские историки молчат о славянизации греков? Что дает нам, однако, для решения проблемы такая аналогия? Ведь мы имеем здесь дело с двумя различными

⁸ F. D ö l g e r. Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im 10. Jahrhundert, «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Philos.-hist. Kl., 1952, H. I, S. 25 f.

⁹ А. П. Каждан. «Работорговец моей царственности» миф или действительность? «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология». М., 1967, стр. 84.

процессами: в первом случае — с переходом из одной веры в другую, во втором — с этническими преобразованиями.

В кратком перечне походов Византии на славян Я. Царас пытается показать, что эти походы носили характер карательных экспедиций против славянских разбойничьих набегов. Показать это трудно, так как источники далеко не красноречивы и обстоятельны в рассказах о столкновениях ромеев и славян, в чем исследователь отдает себе отчет. Но лексика памятника, например Хронографии Феофана, помогает, как ему кажется, представить характер взаимоотношений славян и империи: в частности, глагол *αἰχμαλωτίζεσθαι* (пленять) указывает на то, «что речь идет не о кампании против врагов, а против неорганизованных банд, которые восстают, но кончают тем, что их подчиняют». Между тем глагол *αἰχμαλωτίζεσθαι* употребляется Феофаном и в применении к византийцам, в рассказах о войнах ромеев с персами и протоболгарами¹⁰, так что приведенное толкование не представляется убедительным.

Следует заметить, что греческий исследователь негочен и в хронологии походов Византии против славян. Известно, что у Феофана в Хронографии (а Я. Царас пользуется именно этим источником) счет по годам в промежутке между 6102—6265 гг. от «сотворения мира», исключая 6207—6218 гг., отстает от счета по индиктам на один год¹¹, поэтому для правильной датировки к счету по годам прибав-

¹⁰ Theoph. Chron., I, 299. 31—32, 300.1—2, 364.9, 444.28—29, 447.12—13.

¹¹ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I, S. 532.

ляется один год. Это обстоятельство, вероятно, ускользнуло от внимания ученого: как и Феофан, Я. Царас датирует походы против славян годом раньше.

Хотелось бы также напомнить Я. Царасу, что сообщение Константина Багрянородного о расселении славян в Пелопоннесе — не единственное упоминание византийских источников X в. о славянах в Греции. Современники историка подтверждают его свидетельство. Анонимный эпитоматор Страбона, живший, очевидно, в конце X в., пишет о славянах, расселившихся в Эпире, Элладе, Пелопоннесе и Македонии¹². Младший современник Константина Багрянородного поэт Иоанн Геометр (X в.) в одной из эпиграмм говорит об Элладе как о земле варваров, под которыми скорее всего подразумеваются славяне¹³.

Таким образом, попытка Я. Цараса дать новое толкование фрагмента трактата «О фемах» представляется нам неудачной как в плане интерпретации глагола *εσθλαβώθη* и причастия *εσθλαβωμένη*, так и в плане исторического анализа славянских переселений. Мы не сомневаемся в том, что наши предварительные замечания будут дополнены другими рецензентами.

И. С. Чичуров

¹² C. Müller. Geographi Graeci Minores, t. II. Parisiis, 1861, 574; ср. Васильев, Славяне, стр. 430 и 430; прим. 6.

¹³ Ioannes Geometres. Carmina varia 33 — Migne PG, v. 106, c. 922B. А. Васильев не использовал этот источник. Наше внимание обратил на него А. П. Каждан, которого мы от души благодарим.

«ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ В УКРАИНСКОЙ ССР»

Во Львове благодаря усилиям Библиотеки иностранной литературы и Львовского отделения Общества советско-польской дружбы издан библиографический указатель — «Владислав Броневский в Украинской ССР». Появлению этого полезного пособия предшествовала исследовательская работа над материалами украинской прессы и критической литературы в Польше и на Украине.

Составитель указателя В. П. Кулик подчеркивает, что цель издания — «собрать сведения о переводах произведений В. Броневского на украинский язык, систематизировать литературу о поэте, зарегистрировать фото- и хроникальные материалы».

После хроники жизни и творчества поэта следуют разделы: «Переводы В. Броневского на украинский язык», «В. Броневский в украинской критике и литературоведении», «Публикации произведений поэта в УССР на языке оригинала».

Текст сопровождается вспомогательным алфавитным и именовым указателями, а также списком периодических изданий.

Библиографический указатель открывается «Предисловием» Ивана Лозинского, известного львовского литературоведа, автора нескольких работ о Броневском. Здесь дается выразительный портрет поэта-интернационалиста, друга Советского Союза, рассказывается о новых обнаруженных автором фактах сотрудничества и взаимосвязей польского поэта с украинскими писателями.

В библиографическом аспекте об этих связях рассказывают те материалы, которые зафиксированы в указателе, охватывающем период с 1927 по 1971 г. Заслуживает особого упоминания раздел, в котором дается обзор литературных и научных исследований творчества В. Броневского, начинающийся первым критическим очерком В. Бобинского (1928).

К существенным недочетам указателя можно отнести чрезмерный лаконизм раздела «Основные даты жизни и творчества Владислава Броневского». Следовало бы подробнее осветить отдельные моменты творческой биографии поэта, в частности и довоенный период.

Встречаются отдельные погрешности полиграфического характера, пропущены некоторые даты (стр. 58) в разделе «Владислав Броневский в хроникальных материалах». Ощутим определенный недостаток некоторых материалов, содержащихся в трудах украинских литературоведов, упоминавших о творчестве В. Броневского. Жаль, что в указателе не зарегистрирован перевод стихотворения «Порізняла нас доля, друже...», выпол-

ненный И. Гнатюком и опубликованный в его сборнике «Жажда» (Київ, «Радянський письменник», 1970, стр. 75—76).

Невзирая на эти немногочисленные недочеты, указатель свидетельствует о тщательной обработке значительной части материалов, относящихся к творчеству Броневского. Это первый компендиум типа «библиографии для чтения», ибо до сих пор на польском языке еще не издали полный (в смысле охвата материала) библиографический указатель. Поэтому труд В. П. Кулика следует приветствовать как полезное подспорье для будущих исследований проблемы «Владислав Броневский в Советском Союзе».

С. Трофимук

Карпатская диалектология и ономастика. М., «Наука», 1972, 582 стр.

Через пять лет после появления «Карпатского диалектологического атласа» (КДА) вышел в свет и первый сборник статей, посвященный отдельным проблемам карпатистики — фонетики, морфологии и лексики, прежде всего лексики юго-западных украинских говоров. Большинство статей отличается высоким теоретическим уровнем и оригинальностью методических концепций.

Во вводной статье «Проблемы карпатского языкознания» (стр. 3—15) проф. С. Б. Бернштейн указывает, что исследование языковой интерференции на Карпатах велось ранее преимущественно традиционными методами, т. е. без привлечения теорий субстрата и языковых союзов. 1967 год принес несколько важных публикаций (КДА, работы А. Вашека, А. М. Рота), которые имели большое значение для построения карпатского языкознания (этот термин следует понимать как аналогичный термину балканское языкознание). Принципиальное значение для карпатского языкознания имеет определяемое автором отличие карпатизмов от балканизмов. Именно балканизмы устанавливают связь между языками карпатского ареала и балканского языкового союза. Проф. С. Б. Бернштейн совершенно прав, утверждая, «что при современном уровне наших знаний мы можем говорить о карпатском (северном, периферийном) типе „балканского языкового союза“» (стр. 13). Автор намечает обширную программу дальнейшего изучения языков карпатского ареала: всестороннее лингвогеографическое исследование, описание отдельных говоров по единой программе, создание Карпатского топонимического атласа.

Л. Э. Калынь в статье «О некоторых средствах сигнализации диэрем в украинском диалектном языке» (стр. 16—50) анализирует интересные особенности фо-

нетики начала слова и морфемы: а) взаимозаменяющее употребление безударного *y* и билабиального спиранта *ʏ* (или лабиодентального *b*), репрезентирующих фонему [y], которая указывает на предшествующую ей диэрему¹, в некоторых говорах Прикарпатья и Закарпатья; б) взаимозаменяющее употребление согласных *b*, *φ*, *z* и *x*, репрезентирующих фонему [h], которая также сигнализирует диэрему, и в) распределение *i* (*i*¹) и *ɨ* в начале слова. В статье устанавливается частотное соотношение взаимозаменяемых звуков с учетом позиции последних. Работа Л. Э. Калынь представляет собой остроумный фонологический анализ сложного фонетического явления. Ее следует учитывать при описании подобных явлений в других славянских диалектах.

Статья Г. П. Клепиковой «О карпатоукраинской терминологии горного ландшафта. II» (стр. 51—117) вводит непосредственно в проблематику карпатского языкознания с его различными аспектами. В ней выясняется распространение терминов *вертеп* и *грунь* в языках и диалектах карпатского ареала, на Балканах и в других славянских языках. Основное внимание Г. П. Клепикова уделяет семантике этих лексем, применяя метод расщепления семем (значений) на семы или дифференциальные признаки. Сопоставлением семантики слова *вертеп* в карпатоукраинских и других украинском говорах Г. П. Клепикова устанавливает релевантные дифференциальные признаки семем данной лексемы в разных говорах и значения, специфические для данного языка (говоров). Что касается этимоло-

¹ Диэрема, или пограничный сигнал — это особая фонологическая единица, сигнализирующая границу слова или морфемы. См. М. В. Панов. Русская фонетика, М., 1967, стр. 167 и след.

логии этого слова, то автор в основном присоединяется к мнению В. Георгиева, который видит в **vr̥t̥r̥* первоначальный композит **vr̥t̥-uros*, но считает, что исходным значением было не 'верти + вода (=водоворот)', а 'верти + вода (=проверченный, образованный водой)'. В -ор в болгарских формах Г. П. Клепикова склонна предполагать балканороманское влияние. К сожалению, автор не занимается фонетическим обликом восточнославянской формы (*вертеп*) с -ер, предполагающей форму **vr̥t̥r̥*, и ее отношением к постулированной праславянской форме **vr̥t̥r̥*. Во втором этюде Г. П. Клепикова рассматривает значения лексемы *зрунь* и ее распространение в карпатоукраинских говорах, в польском, словацком и чешском языках. Автор доказывает, что данное слово попало в славянские говоры из румынского. Работа Г. П. Клепиковой подтверждает плодотворность разработанной Н. И. Толстым методики семасиологического анализа, при котором лексико-семантическое исследование связано с лингвистической географией. Вместе с тем становится ясным, что такого рода исследования предъявляют большие требования к исходному материалу.

Р. Н. Кравчук в статье «Из карпатской лексики. 1—3» (стр. 118—139) вносит свой вклад в этимологические исследования лексики карпатского ареала. Он высказывает предположение, что лемковское *брмев*, *армелістий віл* 'вол с белыми и красными полосами', *армелик* 'щегол, *Fringilla carduelis*' и др. были заимствованы из немецкого (ср. др.-в.-нем. *amaro*, ново-в.-нем. диал. *Emmerling, Ammerling* и подобные названия птиц). Важным в рассуждении Р. Н. Кравчука является не столько результат, сколько указание на такой довольно значительный компонент в словарном составе говоров карпатского ареала как немецкие заимствования. Наблюдаемый в буковинских и гуцульских говорах украинского языка союз *ak'uk* 'как, словно, будто' автор рассматривает как рефлекс праславянского (восточного и южнославянского) диалектизма **aku*, который существовал наряду с **ako*. В конечном -к Р. Н. Кравчук видит усилительную частицу, образующую ареал с чешскими, словацкими, польскими и некоторыми юго-западными украинскими говорами. Трудноразрешимый вопрос происхождения (*j*)*afina, jafira*, 'Vaccinium myrtillus, черника' автор решает с учетом ареала распространения форм на -н (главным образом, в украинских говорах) и форм на -г (в западославянских и лемковском говорах) в пользу румынского происхождения слова².

² Библиографические данные следует дополнить статьями: S. N. A ĭ m a ș. În jurul problemei cuvintelor de origine ro-

Статья Н. В. Никончука «О народной орнитологической терминологии Полесья и Карпат» (стр. 140—165) заслуживает внимания, во-первых, потому, что в ней приведено большое число звукоподражательных слов, передающих крики птиц, и производных от них глаголов и названий птиц, а во-вторых, — устанавливаются полесско-карпатские соответствия. Автор констатирует, что «большинство полесско-карпатских изоглоссов идет в одном ряду с общеукраинскими или североукраинско-юго-западноукраинскими изоглоссами...» (стр. 160). Однако есть и такие изоглоссы, которые объединяют только Полесье и Карпаты, например, полес. *кромкѧч* 'ворон' и лемков. *кромжач* 'то же' (также и белорус. *кромкѧч* 'то же'), полес. и бойков. *драч* 'вальдшнеп' (и белорус. *драч* 'коростель'), междометия — подражания крику совы типа полес. *скуг'і, скуг'ікат*, белорус. *кугѧ, лемков. кугѧ, кугѧкам*. Менее убедительны такие сопоставления, как полес. *удѧд, удѧд*, карпат. *удѧд* при существующем русск. *удуд* с тем же значением или сопоставление таких глаголов, как *циркати* и *шваркати* 'чирикать', а также полес. *пѧтькати* 'издавать звук, тенькать (о синице)'. Кроме того, в карпатоукраинских говорах последний глагол, вероятно, не засвидетельствован, так как приводится только междометие *пѧть-пѧть*. Возникает вопрос, насколько вообще убедительны сопоставления ономатопических междометий и их дериватов. Мне кажется, что возможность их применения в лингвогеографических исследованиях, которые должны способствовать проявлению генетических связей, возрастает по мере их удаления от первоначальной мотивации голосами птиц или также специфической структурой деривата («нетривиальные» суффиксы, инфиксы и т. д.). Авторские толкования некоторых слов нуждаются в уточнении. Так, укр. *бугай* 'выпь' едва ли возникло на основе междометия *бугѧ*, а, вероятно, является результатом перенесения значения от слова *бугай* 'бык', турецкого по происхождению³. Из других языков можно привести названия выпи, мотивированные таким же образом, ср. укр. диал. *водяний бѧка* (приведенное у Никончука), полес. *болотный бык*, болг. *воден бѧк*, нем. диал. *Moorchse, Mooskuh, Ried- и Wasserochs, Bull*.

М. М. Онышкевич в статье «Лексико-семантическая дифференциация слов, обозначающих погоду, в украинских гово-

mâneasca în limba slovacă. «Studii și cercetări lingvistice», XVII, 1966, стр. 589 (о словацком afira, hafira).

³ Ср. Г. В. П а л ь ц е в. О белорусском названии выпи. В сб. «Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках». Минск, 1969, стр. 37—38.

рах карпатского ареала» (стр. 166—178) с помощью метода семантических микрополей, разработанного Н. И. Толстым, исследует синонимические ряды: 1. 'погода (вообще)' и 2. 'хорошая или плохая погода' в карпатоукраинских говорах, на материале 2-го тома «Атласа украинских говоров». В украинской языковой области наиболее широко распространена лексема *погода* 'погода (вообще)'. Только в гуцульских говорах семема 'погода (вообще)' выражена лексемой *веремн'а*. В карпатоукраинских говорах для семемы 'хорошая погода' существует четыре лексемы: *песда, година, веремн'а, звил'а*; в одном подольском говоре зафиксировано *ведро*. Украинские обозначения погоды автор связывает с соответствующими лексемами в других славянских языках. Это сопоставление, по мнению М. М. Онышкевича, подтверждает предположение, что западная часть (украинских) говоров карпатского ареала стоит ближе к сербохорватскому языку, а восточная — к болгарскому и македонскому. Правда, в пользу этого предположения статья содержит лишь скудные данные; только лексема *година* со значением 'хорошая погода' и 'погода (вообще)' в бойковских и среднезакарпатских говорах имеет соответствие в сербохорватских говорах средней и южной Далмации⁴.

Т. В. Попова представила статью из области морфологии «Парадигматические консонантные ряды чередований в юго-западных украинских диалектах (на материале говора с. Саджава)» (стр. 179—239). Задачу морфологии автор определяет как анализ фонологического состава морфем, при котором должны выявляться те особенности в употреблении звуковых единиц, которые определяются тесной взаимосвязью между структурой и функционированием морфем. Изменения звуков в морфемах, фонетически не обусловленные, а зависящие от законов словоизменения и словообразования, являются альтернациями (чередованиями) фонем. Описание этих чередований и их функций относится к области морфологии. Предпосылкой для отдаления фонетически обусловленного варьирования звуков от морфонологических чередований является анализ фонологической структуры. Автор считает, что чередование как таковое не существует, если различные звуки принадлежат к одному фонемному ряду. Члены (ступени) морфонологического ряда принадлежат к различным

фонемным рядам. Слабые фонемы всегда рассматриваются как реализаторы альтернанта 1. Альтернант 1 является консонант в конце исходной формы (в данном случае — формы им. ед.). Исходя из такого понимания предмета морфологии, автор и описывает парадигматические чередования — в рамках общего описания склонения существительных в саджавском говоре. Для описания морфонологических явлений в основе существительного автор вводит три единицы, а именно: альтернативный ряд, характеризующий парадигму целого класса слов; звено ряда, характеризующее парадигму одного слова; альтернанты, маркирующие конкретную словоформу. В саджавском говоре в склонении существительных имеется шесть альтернативных рядов, для которых характерно наличие двух альтернантов в каждом звене. Исследование Т. В. Поповой отличается четкостью изложения. Оно доказывает необходимость введения в лингвистическое описание особого морфонологического уровня.

Н. И. Толстой в статье «Из географии славянских слов: 6. *сажа* — *чад*; 7. *пот* — *зной*» (стр. 240—257) продолжает свои лексико-семантические исследования с целью определения изоглосс, разграничивающих южнославянские латеральные и центральный ареалы. Автор уточняет южнославянские ареалы и связывает их с севернославянскими языками. В статье подтверждается характер **čadja* 'сажа' как инновации центрального южнославянского ареала⁵ и указывается, что **čadъ* 'сажа, копать' встречается в Закарпатье. К сожалению, автор недостаточно учел нижнелужицкий материал. В современном нижнелужицком языке 'сажа, копать' обозначается прежде всего словом *caze* (plurale tantum)⁶. Е. Мука отмечает как редко встречающееся ед. ч. *caza* 'хлопья сажи', а также собирательное *caze* 'хлопья сажи, сажа, копать'⁷; кроме того, *cazu* 'сажа, копать' засвидетельствовано в переходном говоре (Wojeręcy)⁸. Нижнелужицкое *caza* восходит к **čadja*. В связи с н.-луж. *saze* мн. ч. 'сажа, копать' Мука определенно говорит (II, 383), что оно является единичным диалектным («vereinzelt dial.»); встречается также в рукописной грамматике Хоймана (Chojmanus) (1650). Картину географического

⁵ Следует также учесть алб. *çagjë* 'blözë, thirr' (=сажа, копать), ср. Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë, 1954, стр. 61.

⁶ Ср. В. Š w j e l a. Dolnosербско-němski słownik. Budyšin, 1961, s. 30; там же и дериваты *cazowaś* 'коптить', *cazowaty* 'закоптелый'.

⁷ Ср. Е. М u k a. Słownik dolnosербскеje rěcy a jeje narečow, t. II. 1921, s. 116.

⁸ Ср. Ch. P f u h l. Lausitzisch-Wendisches Wörterbuch. Budissin, 1866, S. 626.

⁴ На карте (стр. 172) отмечен ареал для хорватского 'godina', за которым признается значение 'дождь', в то время как ареал со значением 'погода' на карте не обозначен; ср.: Н. И. Толстой. Из географии славянских слов: 1. *дождь*; 2. *саламандра*. «Вопросы славянского языкознания», вып. 6, М., 1962.

распространения пары лексем *pot* — *энцй* (в значении 'пот') можно было бы также дополнить данными нижнелужицкого языка. Если *чад* 'сажа, копать' за пределами центрального южнославянского ареала можно найти только в Закарпатье, то **znojъ* 'пот', хотя и является типичным для центрального («штокавского») ареала, встречается, кроме того, в латеральных зонах южнославянских языков — в юго-восточных болгарских и словенских говорах. В северославянском ареале **znojъ* 'пот' отсутствует именно в карпатоукраинских говорах, однако встречается — наряду с **potъ* — в польском, словацком и чешском (вероятно, как словакизм). Но в нижнелужицком, и это представляется мне очень важным, встречается только **znojъ*⁹, ср. *znoj* 'пот', *do znojа рšй* 'вспотеть', *znoj* *pušćй* 'потеть', *znojenje* 'потение', *gojše ze znojenim* 'лечение потом', *znojowaty* 'сильно потеющий, потный', *znojš*, *znojowaš* 'потеть'¹⁰, ср. далее у Муки (II, 1108) *znoj* 'пот' и *znojido* 'платок для вытирания пота' (у Хойнана). Таким образом, обнаруживается интересный факт, что штокавские *чада* 'сажа, копать' и *znoj* 'пот' имеют точные соответствия прежде всего в нижнелужицком языке.

Вопросам лексической интерференции в языках карпатского ареала посвящена статья Ш. Фодо «Некоторые данные о славянских заимствованиях в двух венгерских говорах Закарпатье (район Верхней Тиссы)» (стр. 258—276). В ней рассматривается около 50 славянских заимствований: 1) слова, которые вообще отсутствуют в известном труде И. Книежи о славянизмах в венгерском языке, 2) слова, которые имеют не отмеченные там значения, 3) слова, отличающиеся фонетическими особенностями.

В статье Т. А. Марусенко «Названия рельефов в говорах Хмельницкой области УССР» (стр. 277—299) опубликован список около 375 терминов-названий форм рельефа. Правда, фонетические варианты почти всегда приводятся как заглавные слова (Lemmata), например: *бавка*, *балка*; *берег*, *беріг*; *жолоб*, *жоліб*, *жолуб*; *засов*, *засув*; *кітловина*, *котловина*; *печера*, *печура*. Самостоятельными заглавными словами оказываются также термины, отличающиеся друг от друга только числом, при этом не всегда ясно, связано ли различие в числе с различием в значении. Вот пример: *nіd* 'низменность' (п. 4, 7) и *поди* 'низинная местность' (п. 7). Означает ли это, что в п. 7 существует два термина (*nіd* и *поди*) с различным значением? Другая подобная пара делает очевидным необходимость точных данных о значении

слова с учетом релевантных дифференциальных семантических признаков. Из п. 2, 11, 39, 42, 46 автор приводит *поліа* 'низменность у реки'; форма мн. ч. *пологи* указана в значении 'низменность на левом берегу реки' (п. 4, 6, 37, 39, 46, 63). Отсюда может следовать, что в п. 39 и 46 существует семантическая оппозиция между *поліа* 'низменность у реки (вообще)' и *пологи* 'низменность на левом берегу реки'. Неизвестно только, действительно ли 'на левом берегу реки' является релевантным дифференциальным признаком, так как в указателе Т. А. Марусенко для значения 'низменность у реки' приводятся еще лексемы *левада* (п. 2, там же и *поліа*), *луг* (п. 36), *поплава* (п. 31), *пастуєнь* (п. 63, 65). У лексемы *плита* (п. 7) снова появляется значение 'низменность на левом берегу реки'. Однако нет лексемы, которая имела бы значение 'низменность на правом берегу реки'. Следовательно, нельзя отказаться от предположения, что речь идет не о дифференциальном признаке значения лексемы *пологи* или *плита*, а об особенностях обозначаемых ими реалий. Подобные соображения возникают и в отношении *рів* 'овраг' (п. 29, 51) — *рови* 'стенной овраг' (п. 22). И здесь также остается открытым вопрос, действительно ли 'стенной' является релевантным признаком, т. е. существует ли в п. 22 также и лексема со значением 'нестенной овраг'. Затронутые здесь вопросы кажутся мне существенными для сбора лексики.

Говоры, в которых Т. А. Марусенко собрала географические термины, не относятся к карпатским говорам. Тем не менее работа важна для карпатского языкознания, так как она способствует установлению того, какие лексемы, характерные для карпатских говоров, встречаются в других украинских говорах и где проходит их северная граница. Эту задачу автор, несомненно, имел в виду, точно указывая, какие лексемы встречаются также и в Карпатах. Добавим, что слова *грунь*, *зарва*, *кичера*, *облаз* известны и польским говорам¹¹.

М. О. Онышкевич публикует следующую часть¹² своего большого бойковского словаря — слова с начальной буквой «К». И эта публикация подтверждает, что покойный автор создал фундаментальный труд. Надеемся, что в недалеком будущем появится возможность опубликовать весь его словарь. Ценность этого словаря определяется в частности тем, что автор использовал наряду с собственными за-

¹¹ Ср. P. Nitsche. Die geographische Terminologie des Polnischen. Köln, 1964. См. в этом сб. также статью Г. П. Клепиковой.

¹² Часть со словами, начинающимися буквой «В», вышла в сб. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 61—105.

⁹ На это определенно указывает В. Будзишевская в своей работе «Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej». Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, s. 46.

¹⁰ Ср. В. Swjela. Ibid., s. 609.

десятилетиями богатство более старых, очень трудно доступных, частично также рукописных коллекций бойковской лексики. Правда, следствием этого явилась известная неунифицированность в оформлении лексем (в частности, отсутствие знаков ударения) и в построении словарной статьи (многие слова остались без иллюстративных примеров), но это в значительной степени восполняется богатством ставшей теперь доступной лексики. Словарь содержит также небольшое число имен (преимущественно гипокористических), названий населенных пунктов и зоонимов (кликер), а также многочисленные выражения для приманивания и отпугивания домашних животных.

В «Областном словаре буковинских говоров» В. А. Прокопенко (стр. 411—477) приводится часть лексики северного района Черновицкой области (начало словаря — буквы «А» — «Г» — опубликованы раньше¹³). Это дифференциальный сло-

¹³ Матеріали до словника буковинських говірок, вип. I и II. Чернівці, 1971. См. мою рецензию в «Zeitschrift für Slawistik», Bd. XVIII, 1973, стр. 295—297. Сделанные там замечания, в сущности, относятся также и к публикации В. А. Прокопенко.

варь, в который включены: 1) слова, отсутствующие в украинском литературном языке, 2) семантические диалектизмы, 3) слова, резко отличающиеся от нормы литературного языка фонетическим составом или грамматическими признаками. К сожалению, некоторые слова приведены здесь по существу без толкования значений (гін'ак, гітко, глотá, гогошітиса, зав'и-р'áтиса и др.), так как слова, на которые даются при них ссылки, содержатся в опубликованной ранее части словаря.

Том завершается ценным «Библиографическим указателем работ по украинским говорам карпатского ареала, опубликованных в СССР с 1946 по 1969 гг.», составленным И. Е. Можяевой (стр. 478—580).

Предлагаемый сборник — первый шаг к осуществлению задач, стоящих перед карпатским языковедением. Сборник расширяет фактическую базу лингвистического изучения карпатского ареала и отличается богатством теоретических мыслей.

Надо надеяться, что следующие сборники издательства «Наука» выйдут в технически более совершенной форме.

Карл Гутшмидт

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В «БЮЛЛЕТЕНЕ ПО ФРАЗЕОЛОГИИ»

Поток исследований по фразеологии, число которых достигает к настоящему времени 7 тысяч, быстро растет. Давно назрела необходимость координации, оперативного реферирования и библиографической обработки этих исследований. Именно эту задачу и ставит перед собой «Бюллетень по фразеологии», первый выпуск которого издан группой фразеологов Самаркандского университета под руководством проф. Л. И. Ройзензона (главный редактор)¹. Уже тот факт, что в состав редколлегии входят многие фразеологи-слависты — А. С. Аксамитов (Минск), А. Вурм (Прага), И. Млаецк (Братислава), А. И. Молотков (Ленинград), Н. А. Москаленко (Одесса), К. Ничева (София), С. Скорупка (Варшава), А. И. Федоров (Новосибирск) — свидетельствует о том, что славянская проблематика займет большое место в «Бюллетене».

«Координационная» направленность издания не означает, что оно будет чисто реферативной сводкой фразеологических исследований. Цель «Бюллетеня» — как отражение и постановка наиболее актуальных вопросов фразеологической те-

рии и практики, так и оперативная информация.

В двух первых разделах (стр. 4—49) решаются задачи специализированного лингвистического журнала, посвященного фразеологической теории («Теоретические проблемы фразеологии», «Дискуссии и обсуждения»). Разделы III—VII (стр. 50—162) посвящаются собственно реферативно-информационным целям. В этой, основной части публикуются рецензии на книги, сборники, словари и диссертации, обзоры исследований по фразеологии (III), информация о защитах диссертаций (V) и проблематике, над которой работают фразеологи (VI), дополнения к фразеологическим библиографиям (VII). Весьма ценным является раздел «История изучения фразеологии и развитие фразеологической теории» (IV), представленный в данном выпуске содержательным обзором работ по фразеологии проф. А. И. Томсона (Л. И. Ройзензон, стр. 129—132) и акад. В. В. Виноградова (Г. Т. Ибрагимова, стр. 133—149).

«Бюллетень» отличается полемической, проблемной заостренностью большинства рецензий, рефератов и обзоров. Таковы, например, рецензии Л. И. Ройзензона и Л. К. Жуковой на словарь русских

¹ Бюллетень по фразеологии, № 1, Самарканд, 1972, 166 стр.

идиом Ш. Криньского и В. Ящука, изданный в Питтсбурге в 1967 г. (стр. 58—62), А. М. Бушуя на автореферат кандидатской диссертации И. А. Мелкумовой «Фразеосхемы современного русского языка» (Тбилиси, 1972; стр. 114—118). В некоторых рецензиях ставятся и теоретические вопросы дальнейшего изучения фразеологии, как это сделано Л. Я. Маловицким и Р. Н. Поговым в рецензии на работу «Основы русской фразеологии», изданную группой лейпцигских исследователей в 1970 г. (стр. 50—54).

Внимание к актуальным теоретическим проблемам особенно характерно для работ первых двух разделов, посвященных собственно славистической тематике. Среди них особое место занимает статья Л. И. Ройзензона «Следы праславянских устойчивых словесных комплексов во фразеологии современных славянских языков» (стр. 24—27), намечающая программу изучения праславянской фразеологии. Автор справедливо подчеркивает возможность реконструкции отдельных фрагментов праславянской фразеологической системы, опираясь на пять основных источников: древние славянские композиты, тавтологизмы, материал современных славянских языков, древнеславянская и праславянская мифология, славянские загадки и причитания.

Значение этих источников (весьма разноплановых), действительно, трудно переоценить. Однако, ставя задачу реконструкции праславянского фонда, необходимо, как кажется, прежде всего выработать принципы отграничения славянского материала от неславянского, иными словами — найти критерии объективной ареальной иерархизации фразеологии. Так, тотемический характер названия волка действительно может давать основания для интерпретации фразеологизмов типа укр. *про вока помовка*, а *вокк і тупт* как праславянского сочетания [стр. 26—27; ср. также рус. *легок* (*волк*) на помине, чеш. *ту о vlku a vlk za hitny* и под.]. Широкая распространенность такого тотемического представления у неславянских народов, также отраженная в их национальной фразеологии², ставит, однако, массу сложных вопросов, ответ на которые может дать, как кажется, лишь детализированный ареальный анализ. При общности фразеологических коннотаций названий животных в различных языках³ мифоло-

гический образ, положенный в основу фразеологизма, можно трактовать скорее типологически, чем генетически. Национальную (resp. праславянскую) специфику, следовательно, в подобных случаях надо искать не в образно-мифологическом представлении фразеологизма, а в его языковом воплощении, которое, как можно ожидать, в ареальной проекции является гораздо более ограниченным⁴. Именно поэтому весьма продуктивным методом выявления праславянских фразем представляется тщательный анализ диалектного материала, учитывающий самые тонкие формальные и семантические трансформации, но в то же время позволяющий констатировать фразеологическое тождество. Такой метод разрабатывает в последнее время Н. И. Толстой⁵.

Проблема национальной специфики фразеологии ставится и в другой статье Л. И. Ройзензона — «Фразеология и страноведение» (стр. 12—19). Здесь раскрываются основные аспекты этой, до сих пор почти не изучавшейся проблематики. Страноведческий подход к фразеологии позволит, по мнению автора, вскрыть экстралингвистические основы ее национального своеобразия: реалии и особенности быта, культуры, мышления и другие факторы, приводящие к различию фразеологических систем разных народов. Весьма плодотворным методом сопоставления кажется изучение этих систем как семантических полей. Характерно, что во фразеологическом преломлении эти поля особенно многочисленны при выражении отрицательных коннотаций. Чешская фразеология, например, дает в этом отношении внушительные количественные показатели: 'глупость' — 284, 'пьянство' — 163, 'лень' — 106 и т. д. (стр. 17).

Для теории и практики сопоставительного исследования славянской фразеологии большой интерес представляет методика типологического анализа, которую разрабатывают авторы «Бюллетеня». Со-

London, 1872; R. Riegler. *Das Tier im Spiegel der Sprache. Ein Beitrag zur vergleichende Bedeutungslehre*. Rostock (без года); A. Rozan. *Les animaux dans les proverbes*, 2 t. (без года).

⁴ Не случайно именно фразеологизмы не образной, а формализованной структуры, например, тавтологизмы, причисляются исследователями к одним из наиболее пригодных для реконструкции праславянской фразеологии.

⁵ См. его доклад на VII съезде славистов в Варшаве: Н. И. Толстой. О реконструкции праславянской фразеологии. Сб. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации». М., 1973 стр. 272—293.

² См., например, древние и новейшие европейские параллели этого фразеологизма: И. Е. Тимошенко. Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897, стр. 94—98.

³ См. например, A. de Gubernatis. *Zoological Mythology or the Legends of Animals*, 2 vol. New York and

поставление фразеологических рядов разных языков, опирающееся на общность и различие коннотаций стержневого слова — со значениями 'рот', 'нос', предлагаемое Ю. Ю. Авалиани в статье «Семантическая структура слов-компонентов и семантическая структура фразеологических единиц (на материале индоевропейских языков)» (стр. 4—12) наверняка заинтересует и славистов. Высокая частотность лексем *рука, голова, глаза, сердце*, выявленная статистическим анализом в узбекской, английской и немецкой соматической фразеологии А. И. Исаевым («К сравнительному изучению соматической фразеологии», стр. 40—44), может быть подтверждена и славянским материалом.

В «Бюллетене» на неславянском материале освещается ряд проблем, актуальных и для славистики: соотношение фразеологической и синтаксической семан-

тики (А. М. Мелерович), структурные принципы разработки фразеологии в двуязычной лексикографии (Д. И. Квеселевич), теория и практика проведения лингвистических экспериментов в области фразеологии (Е. А. Малиновский, Л. И. Ройзензон).

Потребность в издании регулярного фразеологического журнала давно ощущалась лингвистами. Выход «Бюллетеня» позволит сосредоточить усилия отечественных и зарубежных фразеологов на решение кардинальных проблем этой отрасли языкознания. Хочется пожелать, чтобы публикация исследований по славянской фразеологии на страницах «Бюллетеня» стала традицией.

Следует надеяться, что в будущих выпусках «Бюллетеня по фразеологии» будут устранены досадные редакционно-издательские небрежности.

В. М. Мокленко

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ, ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1973 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Гирсов Э. В. Некоторые проблемы теории развития мировой социалистической системы. (Октябрьские чтения 1972 года в МГУ). Вестн. Моск. ун-та. Теория научн. коммунизма, 1973, № 2.

Поляков Б. А. Этапы развития социализма и внешнеполитические национально-государственные интересы социалистических стран. В кн. Актуальные проблемы современного социализма, ч. 2. М., 1973.

Ягодский Л. С. Социально-политическое развитие европейских стран социализма в условиях строительства развитого социалистического общества. В кн. Актуальные проблемы современного социализма, ч. 1. М., 1973.

2. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Долгин В. В единстве — сила социалистического содружества. «Коммунист», 1973, № 9.

Крамаренко Л. А. Подрывные действия империалистической пропаганды против молодежного движения Чехословакии (1968—1969). В кн.

Конференция молодых ученых по общественым наукам, 2-я. Томск, 1973. Доклады..., вып. 1. Томск, 1973.

Ладыгин Б. Социалистический интернационализм: братство и сотрудничество. Междунар. жизнь, 1973, № 5.

Шинкевич М. Развитие интернациональных связей ВЛКСМ с Болгарским коммунистическим союзом молодежи (1920—1944 гг.). «Позывные истории», 1973, вып. 3.

3. *Экономика. Экономическое сотрудничество*

Азаренко Л. А. Значение апрельского Пленума ЦК БКП (1956 г.) для ускорения социалистической индустриализации Болгарии. «История», Алма-Ата, 1972, вып. 5.

Белович А. О некоторых вопросах сотрудничества стран — членов СЭВ в капитальном строительстве. Внешн. торговля, 1973, № 5.

Брезник Д., Тодорович Г. Перспективные исчисления населения Югославии по республикам на 1965—1986 гг. В кн. Демографические прогнозы. М., 1973.

Бух М. Интенсификация сельского хозяйства в социалистических странах

Европы. В кн. Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 2. М., 1973.]

В а л и к Б. Участие Словакии в экономике ЧССР. Экономика Сов. Украины, 1973, № 5.

Г а в и л е в с к и й В. План стабилизации югославской экономики. «Новое время», 1973, № 31.

Г а й л ь Н. Финансово-плановые аспекты контроля за социалистическими предприятиями в ПНР. В кн. Основы организации управления промышленным объединением и предприятием, вып. 4. М., 1973.

Г е р ц о в и ч Г. В., П а р у л ь Э. А. Из опыта планирования и финансирования науки и техники в странах СЭВ. В кн: Планирование и стимулирование научно-технического прогресса. М., 1973.

Г р е б е н н и к о в Б., Б а у м а н Л. Ступени социалистической интеграции. Междунар. жизнь, 1973, № 7.

Г р и н г о л ь ц И. А. Международные хозяйственные организации в странах — членах СЭВ. Уч. зап. ВНИИ сов. законодательства, 1973, вып. 28.

Г р я з н о в Э. Экономические связи стран — членов СЭВ с Индией. Внешн. торговля, 1973, № 8.

Д ж е н к о в а В. І. Координація народногосподарських планів країн РЕВ і підвищення ефективності суспільного виробництва. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

Д и м о в а Г. А. Значения научно-технической революции для развития народного хозяйства Болгарии. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

Д о ц е н к о А. П., Б о р и н е ц ь С. Я. Экономика Украины в співробітництві СРСР з країнами РЕВ. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

Д у д и н с к и й И. Научно-технический прогресс и страны СЭВ. Междунар. жизнь, 1973, № 8.

Д у д и н с к и й И. В. Строительство социализма и коммунизма в условиях социалистической интеграции. В кн. Актуальные проблемы современного социализма, ч. 1. М., 1973.

Д я к и н Б. Г. О национальном и международном экономических механизмах социалистического типа. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1973, № 4.

К а з а к о в а А. Проблемы экономической реформы в Югославии. В кн. Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 2. М., 1973.

К а л і н і ч е н к о В. І., Ф і л і п е н к о А. Посилення відтворювальних взаємозв'язків і їх вплив на підвищення ефективності виробництва країн—членів РЕВ. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

К а н і щ е н к о Л. О., С а р а й М. І. Розвиток економічних відносин і підвищення ефективності співробітництва

країн РЕВ у галузі науки та техніки. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

К а р а в а е в В. П., С е м е н о в а А. И. Об отраслевом аспекте проблемы социалистической экономической интеграции. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1973, № 4.

К л и н с к и й А. И. Развитие внешних экономических связей. Экономическое соревнование двух мировых систем. В кн. Вопросы планирования и управления. М., 1973.

К л о ч к о В. П. Вдосконалення ціни як економічної підойми підвищення ефективності суспільного виробництва в європейських країнах РЕВ. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

К л ы к о в В. Совместное капитальное строительство стран СЭВ и определение его экономической эффективности. План. хоз-во, 1973, № 6.

К о з м а Ф. Диалектика выравнивания уровней развития и социалистическая интеграция. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973.

К о р м н о в Ю., Ч е б у р а к о в М. Совершенствование управления отраслевой интеграцией стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1973, № 7.

К о с и к Е. Объективные условия создания агропромышленного комплекса и его характерные черты. Экон. теория и хоз. практика, 1973, вып. 1.

К р а в ц о в а И. С. Семинар стран — членов СЭВ. Автоматическая обработка текстов на естественных языках. Научн.-техн. информация ВИНТИ, сер. 2, 1973, № 6.

К у з н е ц о в В. М., Д ь я ч е н к о А. А. Международные организации стран СЭВ в промышленности. В кн. Теоретические вопросы и практический опыт совершенствования системы управления промышленностью. М., 1972.

К у л и г и н П. Сущность и формы хозяйственных объединений в странах СЭВ. Экон. науки, 1973, № 8.

Л е з н и к А., Л у ч к и н а Л. Производственная интеграция стран — членов СЭВ. Мировая экономика и междунар. отношения, 1973, № 7.

М и т р о ф а н о в В. Ф. Развитие сотрудничества стран — членов СЭВ в области координации планов по транспорту. Тр. Ин-та комплексных трансп. проблем при Госплане СССР, 1973, вып. 37.

М и ш е в К. Использование естественных ресурсов и изменение природной среды человеком в Болгарии. Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1973, № 3.

Народное хозяйство стран — членов СЭВ в 1972 г. Бюл. экон. информации СЭВ, 1973, № 3.

Н о в а к о в П. Организация и методы проектирования системы управления предприятиями и объединениями в НРБ. В кн. Основы организации управ-

ления промышленным объединением и предприятием, вып. 4. М., 1973.

Ольшовский Р. Экономическое сотрудничество Советского Союза и Чехославкии. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1973, № 3.

Петров С. М. Индустриализация сельскохозяйственного производства как фактор сближения города и деревни. (На материалах Народной Республики Болгарии.) Проблемы научн. коммунизма, 1973, вып. 7.

Погорелов Я. Д. Сдвиги в численности и естественном движении населения Польской Народной Республики. Сов. здравоохранение, 1973, № 7.

Поздняков В. С. Межгосударственные соглашения СССР о товарообороте с другими социалистическими государствами — членами СЭВ и контракты на поставку товаров. Уч. зап. ВНИИ сов. законодательства, 1973, вып. 28.

Прошин А. I. Оптимізація структури промисловості країн РЕВ в умовах економічної інтеграції як важливий фактор підвищення ефективності суспільного виробництва. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

Ровинский Е. А. Валютно-финансовые отношения между странами — членами СЭВ. Сов. государство и право, 1973, № 7.

Рокитко А. I. Інтенсифікація сільськогосподарського виробництва країн—членів РЕВ — головний напрям підвищення його ефективності. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

Рубичек В. Демографические прогнозы и потенциальная демография. В кн. Демографические прогнозы. М., 1973.

Саболчик М. Возможности сближения внутренних цен в странах — членах СЭВ. «Ценообразование за рубежом», 1973, вып. 5.

Савов М. Н. Совет Экономической Взаимопомощи. (Основные цели, принципы, функции и структура.) Изв. АН СССР. Сер. экон., 1973, № 4.

Связи Совета Экономической Взаимопомощи с международными экономическими и научно-техническими организациями в 1972 г. Бюл. экон. информации СЭВ, 1973, № 3.

Сергеев Б. П. Социально-экономическая структура рабочего класса европейских социалистических стран — членов СЭВ. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1973, № 4.

Сергусhev В. М., Серебряная И. И. Основные особенности и тенденции в развитии транспорта европейских стран — членов СЭВ. Тр. Ин-та комплексных трансп. проблем при Госплане СССР. 1973, вып. 37.

Станоев Д. Необходимость сближения систем внутренних цен стран — членов СЭВ. «Ценообразование за рубежом», 1973, вып. 5.

Сущинська І. Ю. Значення планомірного розвитку інтеграції країн—членів РЕВ в умовах економічного змагання двох світових систем. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

Савчук Р. Забезпечення пропорційності між галузями суспільного виробництва країн — членів РЕВ — важливий фактор підвищення його ефективності. (На прикладі паливно-енергетичної промисловості). Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

Ситнин В. В. Повышение эффективности капиталовложений и хозяйственный расчет (Опыт зарубежных стран СЭВ). В кн. Народно-хозяйственная эффективность основных фондов и методы ее экономической оценки. М., 1973.

Ситнин В. Хозрасчетные отношения в европейских странах СЭВ. План. хозяйство, 1973, № 7.

Сохрань П. К вопросу о развитии социализме и социалистической интеграции. В кн. Актуальные проблемы современного социализма, ч. 2. М., 1973.

Теоретические и методологические проблемы углубления и совершенствования сотрудничества стран — членов СЭВ в области плановой деятельности. (Материалы Междунар. научн. конференции, Москва, 28—30 ноября 1972 г.) Изв. АН СССР. Сер. экон., 1973, № 4.

Тивончук І. О. Економічні проблеми науково-технічного співробітництва країн — членів РЕВ. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

Ткач Г. П. Использование прибыли в зарубежных европейских странах СЭВ. В кн. Прибыль и развитие социалистического производства. Ярославль, 1973.

Туманов М. Н. Плата за фонды в европейских странах РЕВ та її роль у підвищенні ефективності виробництва. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

Тягуненко Л. Новые изменения в хозяйственной системе Югославии. Экон. науки, 1973, № 8.

Тягуненко Л. В. Проблема регионального развития Югославии. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1973, № 4.

Ушкалов И. Г. Некоторые предпосылки возрастания мобильности трудовых ресурсов в рамках СЭВ. Вестн. Моск. ун-та. География, 1973, № 4.

Хакимов В. О развитии интеграции в черной металлургии стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1973, № 8.

Хутэрски Р. Значение валютно-финансовых инструментов развития социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ. Экон. теория и хоз. практика, 1973, вып. 1.

Цисарж В. Влияние научно-технической революции на развитие образования и подготовку квалификационных рабочих кадров в социалистическом обществе. В кн. Проблемы социалистической педагогики. М., 1973.

Чеклина Т. Повышение роли внешней торговли в решении задач экономического развития ПНР. Внешн. торговля, 1973, № 5.

Шевяков Ф. Производственные объединения в промышленности европейских стран СЭВ. Полит. самообразование, 1973, № 7.

Ширяев Ю. Социалистическая ответственность в условиях экономической интеграции стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1973, № 7.

Шишкін П. І., Нелюбов Б. Ф. Значення сумісних підприємств у поглибленні міжнародної соціалістичної інтеграції. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

Шрам В. Социально-экономические преобразования в сельском хозяйстве Югославии. В кн. Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 2. М., 1973.

Экономика Чехословакии: достижения, проблемы, перспективы, «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 8.

4. Партийная жизнь

Бейда В. Актуальные задачи и проблемы идеологической работы КПЧ. «Коммунист Украины», 1973, № 7.

Горський В. М. Творче використання братніми партіями країн народної демократії досвіду КПРС у соціалістичній перебудові сільського господарства. Питання нової та новітньої історії, Київ, 1973, вип. 16.

Калениченко П. М. Висвітлення української історіографією ролі Польської робітничої партії в будівництві соціалізму в Польщі. «Питання нової та новітньої історії». Київ, 1973, вип. 16.

Лопатка А. Руководящая роль ПОРП в строительстве социализма в Польше. Сов. государство и право, 1973, № 7.

5. Государственное строительство. Право

Аннотации законодательных и ведомственных актов стран — членов СЭВ. Бюл. экон. информации СЭВ, 1973, № 37.

Бугаев Е. Руководящая роль марксистско-ленинских партий в строительстве социализма, коммунизма. «Коммунист», 1973, № 10.

Власов И., Пульянов В. Адвокатура в странах социализма. Соц. законность, 1973, № 6.

Вылов Т. Социально-классовая структура строящегося развитого социалистического общества в НРБ. Вопр. философии, 1973, № 7.

Джурович Р. Правовая охрана природы в Югославии. Сов. государство и право, 1973, № 7.

Доркин А. И. Проблемы интеграции правовой охраны изобретений в рамках СЭВ. Вопр. изобретательства, 1973, № 5.

Калашник М. Деятельность КПСС и Польской рабочей партии по укреплению боевого содружества советского и польского народов в годы минувшей войны. Воен.-ист. журн., 1973, № 9.

Мачульский Э. И. Президиум СФРЮ в конституционной системе Югославии. Проблемы государства и права на соврем. этапе, 1973, вып. 6.

Михалева Н. А. Регулирование процедуры деятельности верховных представительных учреждений социалистических стран. Сов. государство и право, 1973, № 7.

Павлов С. Развитие конституционных основ правосудия по уголовным делам в НРБ. Сов. государство и право, 1973, № 7.

Спасибенко С. Г. Формирование нового человека — программная задача КПСС и марксистско-ленинских партий социалистических стран. В кн. XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы научного коммунизма. М., 1973.

Страшун Б. А. Развитие избирательного права социалистических стран. Сов. государство и право, 1973, № 7.

Токарева П. А. Правовой статус специализированных организаций СЭВ. Сов. государство и право, 1973, № 8.

Усенко Е. Международно-правовые принципы взаимоотношений стран социализма. Междунар. жизнь, 1973, № 7.

Фалькович М. С. Усиление роли органов арбитража стран — членов СЭВ. Сов. государство и право, 1973, № 7.

Шемшученко Ю. Охрана окружающей среды в европейских социалистических странах. Рад. право, Київ, 1973, № 8.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Алексеева Т. И., Алексеев В. П. Этногенез славянских народов по данным антропологии. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Андрюлис В. К вопросу о развитии права в Литве в XIX веке. Право, Вильнюс, 1972, т. 11.

Андриенко В. Н. З історії дослідження проблеми землеробських культур лісостепових племен Східної Європи VII—III ст. до н. е. Вісн. Харк. ун-ту, 1973, № 94, Історія, вип. 7.

Борисенко В. К. Пища польских крестьян Подолии (конец XIX — начало XX века). Сов. этнография; 1973, № 3.

Валев Л. Б., Марьяна В. В., Славин Г. М. Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период второй мировой войны. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Вансевичус С. Социальные и политические взгляды Якуба Ясинского. «Problemos» (Проблемы), Вильнюс, 1972, № 1.

Гибианский Л. Я., Мурашко Г. П., Парсаданова В. С. Освободительная борьба славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны и концепции общественно-политического развития. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Голенищев-Кутузов И. Н., Аверинцев С. С. Византийская традиция, культурный обмен и предренессансные тенденции в балканославянском мире XIII—XV вв. до турецкого завоевания. В кн. История всемирной литературы, т. 3, вып. 1. М., 1973.

Дьяков В. А. Густав Зелинский и экспедиция Заливского. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1873.

Евтух М. Б. Політика КПЗУ в питанні про освіту й виховання молоді. (1921—1938 рр.), Укр. іст. журн., Київ, 1973, № 7.

Иванов А. Освещение болгарского национально-освободительного движения в печати России накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В кн. Теория и практика современной международной журналистики. М., 1972.

Костюшко И. И., Сумарокова М. М. Октябрьская революция и развитие революционной мысли в Польше и Югославии (1917—1923 гг.). В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Макар Ю. І. Про висвітлення історії Варшавського повстання 1944 р. на Заході. Питання нової та новітньої історії, Київ, 1973, вип. 16.

Мараш И. Я. Первые годовщины памяти В. И. Ленина в Польше и Западной Белоруссии межвоенного периода (1925—1929 гг.). В кн. Гродненский педагогический институт им. Я. Купалы. Сб. науч. ст. Гродно, 1973.

Мачинский Д. А. Кельты на землях к востоку от Карпат. В кн. Мате-

риалы по археологии европейской части СССР от эпохи раннего железа до средневековья. Л., 1873.

Недорезова А. И. Общественно-политическое значение солидарности славянских народов в годы второй мировой войны. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Обушенкова Л. А., Фрейдзон В. И. О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец XVIII—70-е годы XIX в.). В кн. История, культура этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Писарев Ю. А. Освободительная борьба югославянских народов Австро-Венгрии в годы первой мировой войны и распад монархии Габсбургов. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Писарев Ю. А. Советско-сербские отношения в период Бреста и югославянской проблема. Вопр. истории, 1973, № 8.

Пожарская С. М. Обеспечение национального равноправия поляков и литовцев в Советской Литве и Народной Польше. Право, Вильнюс, 1972, т. II.

Попов В. К. Особенности борьбы за диктатуру пролетариата в Венгрии, Баварии и Словакии в 1919 году. Науч. докл. высшей школы. Науч. коммунизм, 1973, № 4.

Ратнер Н. Д. Либеральная и демократическая печать России о славянах Австрийской монархии в связи с образованием в 1871 г. Германской империи. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Рафалович И. А. Исследования раннеславянских поселений в Молдавии. В кн. Археологические исследования в Молдавии в 1970—1971 гг. Кишинев, 1973.

Стеблій Ф. І. Селянський рух у Східній Галичині під час революції 1848—1849 рр. Укр. іст. журн., Київ, 1973, № 6.

Хитрова Н. И. Русское общество и Черногория в 60—70 годы XIX в., В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Хорошкевич А. Л. Русско-славянские связи конца XV — начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Хренов И. А., Стецкевич С. М. Революция 1905—1907 гг. в России и развитие национально-освободительного движения славянских народов. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Чекаленко Л. Д. Співка боротьби молодих та її роль у відбудові народного господарства Польщі. (Травень 1945 — липень 1948 рр.) Укр. іст. журн., Київ, 1973, № 7.

Чуприна З. Г. З історії революційної боротьби КПЗУ за робітничу і селянську молодь (1929—1933 рр.). Наук. праці з історії КНРС, Київ, 1973, вип. 60.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Литературна мисъл», 1973, 2

Е. Георгиев. Поэтическая жатва Константина Миладинова; Х. Тодоров. Критика литературоведческих взглядов Ролана Барта; Е. Константинова. Самая молодая современная беллетристика; С. Хаджикосев. Болгарский символизм и Молодая Польша в сравнительном аспекте; И. Конев. Проблема просвещения и взаимоотношения балканских литератур; Е. Сюпюр. Иван Д. Шишманов и румыно-болгарские культурные взаимоотношения.

1973, № 3

Б. Димитрова, И. Василев. Дни черные и белые; М. Попова. Философская проблематика в «Легенде о Сибине» и «Антихристе»; Е. Мутафова. Амбивалентное начало в прозе Йордана Радчикова; К. Янев. Пролетарская сатира и юмор Чудомира; Л. Парпулова. О реализации метафоры; А. Тонов. «В темнице» Константина Величкова и развитие болгарской мемуаристики; Д. Леков. Читгулов и народное творчество; Л. Илеш. Исторические пути венгерской социалистической литературы.

«Език и литература», 1973, № 3

И. Леков. Из ближайшей истории славянского языкознания; Р. Ангелова. Любимые герои юмористических сказок и анекдотов у некоторых славянских и неславянских народов; И. Тот. Об одном памятнике языка в Софийской Народной библиотеке Кирилла и Мефодия; С. Резинский. Наблюдения над номинативными синтагмами в болгарском языке (1); П. Филова. Достоевский — большой художник слова; И. Сукиасова. Морская лексика — образное средство в поэтике А. С. Грина; С. Стоянов. О месте субстантивных словосочетаний с неоднородными согласованными определениями; Д. Бошнаков. А. И. Островский в Болгарии; Б. Ангелов. Три неизвестных рукописи Владислава Грамматика.

«Български език», 1972, № 5

Л. Андрейчин. Простая и прочувствованная речь Паисия Хилендарского; Р. Русinov. Спряжение гла-

голов в «Истории славеноболгарской» Паисия Хилендарского; З. Генадиева-Мутафчиева. Об одном виде вопросительных предложений с модальной частицей *да* в современном болгарском языке; М. Чаролеева. Образование и особенности некоторых причастий на *-и*, *-т* в болгарском литературном языке; М. Петкова. Сравнительный анализ топонимии Софии и Москвы; А. Лазарова. Об одном структурно-семантическом типе сложных предложений с *когато*; Х. Василев. Еще раз о выражении *птиче мляко*; М. Выгленов. Происхождение слова *филумения*; И. Умленский. Дialeктные тексты из сел Кюстендильского поля.

№ 6

Л. Андрейчин. Видный историк болгарского языка. (Чл.-корр., проф. Кириллу Мирчеву — 70 лет); М. Младенов. Научные труды чл.-корр. проф. Кирилла Мирчева (1962—1972); Д. Иванова-Мирчева. Проблемы болгарского литературного языка до Возрождения; Е. Дограмаджиева. Определительные предложения с темпоральной семантикой в древнеболгарском языке; А. Минчева. К истории союзов *както* и *като* в болгарском языке; И. Кочев. Позиционное и факультативное варьирование фоном в болгарском языке; И. Иванов. Случаи колебаний в синтаксическом согласовании в некоторых болгарских говорах; К. Мирчев. Гласный *и* в протетической функции в истории болгарского языка; Б. Велчева. О староболгарском рефлексе еров; И. Добрев. Где написано Зографское евангелие и странствовало ли оно по западнославянским землям?; С. Кожухаров. К проблематике Енинского стихиря; Х. Холмолчев. Из болгарской диалектной лексикологии: *нога/крак*; Д. Вакарельская-Немова. Старинная глагольная диалектная особенность; Б. Шклифов. Местные названия в с. Езерец, р-н Костура; П. Петков. [Диалектные] тексты из р-на Елены.

«Zeitschrift für Slawistik», 1973, № 1

Ф. Краузе. К распространению польской литературы в Германии до и после второй мировой войны; И. Кунке. Вильгельм Мах в немецком переводе;

А. Л а у х. Дидактика и форма; Х. О л ь ш о в с к и й. Природа как храм и мастерская; Е. Х е к с е л ь х н а й д е р. О восприятии русской литературы в Германии в последней четверти XIX века; К. Д о р н а х е р. Истоки немецкого восприятия романа Тургенева «Отцы и дети»; В. Р а й с с. К диалектике субъекта-объекта при восприятии русской советской литературы в ГДР; Х. Ю н г е р. Течения и тенденции развития в русской советской литературе; К. Ш т е д т к е. Семантическая проблема в интерпретации прозаического текста; М. Й е н н и х е н. К вопросу о теории и практике эпохи романтизма; В. Ф а й е р х е р д. Два романтических рассказа В. Ф. Одоевского; Р. Б р о й е р. Русско-немецкие связи в эпоху средневековья в области героической эпики; Х. Ш у л ь ц е. И. С. Тургенев и Фридрих Шпильхаген.

1973, № 2

М. Р е й з е р. Место заимствований типа *palyto* в русском языке; В. Б ё к. Синтактико-стилистическая роль временных форм при передаче косвенной речи, чувств и восприятий в русском и польском языках; В. М ю л ь н е р, Д. Р а д к е. Синтаксическая синонимика простых предложений в русском языке с учетом валентности предиката и некоторые проблемы значения предложения; Х. В а л ь т е р. Семантика времени, залога и вида финитивных глагольных форм в современном болгарском литературном языке; Г. Ш у с т е р - Ш е в ц. Об общественном значении процессов унификации языков у западных славян; Э. Е е г ё т ц. О принципах составления польско-немецкого фразеологического словаря; Г. К и р х н е р. К вопросу о релятивности парадигматики; Г. Ш т у р м. К вопросу о сравнении при изображении человека в древнерусской литературе; Э. Д о н н е р т. К вопросу о данных немецких источников о славянах в эпоху раннего средневековья; И. Д и т ц е. Развитие категории одушевленности в древнерусском языке XIII—XIV вв.; И. П е т к о в а Ш и к. К постановке проблемы и моделированию *da*-конструкций в болгарском языке; Ф. Х и н ц е. Отношение стихотворения «Ptoszy gode» («Птичья свадьба») кашубского поэта Леона Хейке к его дравяно-полабскому оригиналу, к «Песне, которую поют венды, когда в компании им иногда бывает весело».

1973, № 3

А. Х е р м а н н. Народ и революция в литературе польского романтизма; У. Л е м а н н. Критика и гуманистический образ человека русского просвещения; Г. Ш а у м а н н. Сказочное предание и сказочное обновление у Евгения

Шварца; М. В е г н е р. Горький и европейский роман XX века; П. К е с с л е р. Проблема романтического творчества Арнольда Цвейга и реализм Л. Н. Толстого; В. Д ю в е л ь. К проблеме содержания и формы в рассказах Чехова-И. К л а г г е. Тенденции развития советской песни в современности; Х. П о р т. Движение национального возрождения у славян с точки зрения его значения для развития славистики в Германии в 1800—1850 гг.; Э. Д о н н е р т. Михаил Щербатов как политический идеолог русского дворянства второй половины 18 века; Х. О л ь ш о в с к и й, Л. Р и х т е р. К взаимосвязи национальных особенностей и универсального характера в социалистическом литературном развитии.

1973, № 4

Р. Р у ж и ч к а. Схождение славянских и неславянских языков на синтаксической периферии; Р. К о н р а д. К характеристике синтаксических и семантических функций вопросительных местоимений в русском языке; О. М ю л л е р. К вопросу об определении существительных относительными придаточными в русском языке; К. Г у т ш м и д т. Параллельные и дивергентные тенденции в развитии новых славянских литературных языков в социолингвистическом свете; Г. И о н а с. Гуманистические идеи в польской комедии эпохи Просвещения (1789—1794); Г. В а р м, И. З е е х а д з е, В. Б е й т ц, Х. К о н р а д, Д. Э н д л е р, А. Л а т х и н я н. Проблема эпохальности в эпических произведениях после Великой Октябрьской революции; А. Х и р ш е. Проблема места темы рабочего класса в советской литературе после 1945 г.; В. Н. Л ю д в и г. Образ взрослого человека в современном советском рассказе для юношества; Э. Д о н н е р т. К характеристике политической идеологии русской дворянской аристократии во второй половине XVIII столетия; Ф. Х и н ц е. Дравяно-полабские **iēlka*, **iilka*, **tel'a* 'сова'.

«Przeegląd Historyczny», 1973, № 2

И. Б е ж у н с к а я - М а л о в и с т. Применение рабского труда в Египте Птолемею; Е. Х а у з и н с к и й. О многих попытках обращения христианство Ассасинов в свете сообщения Вильгельма Тирского; Х. В и с н е р. Литва и проект реформы элекции 1629—1631; В. М а е в с к и й. План Владислава IV войны против Турции и вопрос многого татаро-казацкого союза 1645 г.; Я. В ш о л е к. Попытки Отеля Ламбер сотрудничать с Италией в 1860—1861 гг.; Ю. С м я л о в с к и й. Плата и заработки отхожих крестьян в Королевстве Польском в 1831—1864 гг.; А. Ю з в е н

к о. Попытки определения политики Польши по отношению к России на рубеже 1918—1919 гг.

«*Kwartalnik Historyczny*», 1973, № 2

Г. Самсонович. О состоянии исторических наук; Ч. Мадайчик. Двадцатилетие Института истории; А. Гейштор. Несколько слов об истории средневековья; С. Кеневич. Замечания на тему о состоянии и запросах исследований по истории XIX в.; И. Игнатович. Вспомогательные науки в Польше — их состояние и запросы; К. Вычаньская. Потребности историков в области научной информации; М. Дроздовский. Зарубежные контакты польских историков.

«*Z pola walki*», 1973, № 2—3

А. Жарновская. Распространение начального образования среди рабочего класса Королевства Польского во второй половине XIX в.; Е. Таргальский. Предпосылки возникновения Польской социалистической партии Пролетариат; С. Фалькович. Сотрудничество между СДКПиЛ и большевиками в период страховой кампании 1913—1914 гг.; С. Серповский. Отношение итальянской левой к фашизму в период борьбы за власть (1919—1922); Я. Вальчак. Идеология СПД в свете Годесбергской программы, принятой в ноябре 1959 г.

«*Pamiętnik Literacki*», 1973, № 2

Р. Фигут. Классицистически приглушаемый пафос. О «Барбаре Радзивиллувне» Фелиньского; И. Кицимия. Непреходящие и всеобщие ценности произведений Мицкевича в славянском и европейском романтизме; Г. Вервес. «Пан Тадеуш» в сфере поэзии Максима Рыльского; Г. Бабински. Новый взгляд на «Мазепу» Словацкого; А. Германн. Народ и революция в литературе польского романтизма; Ф. Корлисс. Поиски действительности в юношеских произведениях Норвида; Д. Уэми. Аейпа, Аспазия и Изабелла; Е. Цыбенко. Роль социального романа в развитии реализма в польской литературе 40—70-х годов XIX века; Ю. Булаховская. Леся Украинка и Мария Коношницкая. (Попытка типологического сопоставления); М. Живаневич. Ксавер Шандор Гьяльски и польская литература; Г. Бидер. Станислав Бжозовский как критик русской литературы; Г. Вытпиец. Вена в жизни и творчестве Станислава Выспяньского; Р. Стонун. Поэзия Лесьмяна и польский романтизм; Г. Ольшовски. Природа как храм и мастерская. К вопросу о романтической тради-

ции стихотворений о природе в польской литературе XX века; П. Гултерберг. Порнография и алхимия. Прологомены к анализу «Порнографии» Гомбровича; В. Ведина. Ситуация и характер. «Интервью с Балльмейером» и «Как быть любимой» Казимежа Брандыса; К. Дедечиус. Лец: Тема, форма, источник. С кратким прологом и эпилогом (первой встречи и последней прогулки).

«*Slavia orientalis*», 1973, № 2

Л. Суханэк. От Оссиана до Мери-ме. Об эволюции жанра баллады в творчестве Александра Пушкина; А. Семчук. Иван Тургенев и проблемы романтизма; Я. Орловски. Поэмы А. К. Толстого и романтические традиции русской литературы; Б. Муха. Петр Дубровский — забытый полонофил и популяризатор русской литературы среди поляков; С. Козак. «Книги бытия украинского народа» М. Костомарова и «Книги польского народа и пилигримства» А. Мицкевича; М. Цесля. Рудольф Готшалл и его драма «Мазепа»; В. Стохэль. Связи Янки Купалы с Адамом Мицкевичем и Тарасом Шевченко.

«*Język Polski*», 1973, № 2—3

Е. Бартминский. Является ли польский язык аналитическим?; А. Калковская. Синтаксические особенности качественных прилагательных; М. Карась. Несколько замечаний об окраинном польском языке начала XVI в.; М. Куцала. Фразеологические ботемизмы в древнепольском языке; Р. Лясовски. Морфологическая структура суффиксов существительных; З. Лецинский. Из проблематики групп согласных; Е. Островская. Стихотворение Збигнева Герберта «О розе»; К. Писаркова. Место исторического синтаксиса в современном польском языкознании; С. Роспонд. О монографии «История польского письма»; Ф. Славский. О праславянском слове; З. Штибер. Из проблематики польского глагола; В. Смех. О происхождении глаголов типа *bierać, pisywać* в польском языке; М. Куцала. Являются ли глаголы типа *biegać, rysować* результатом депрефиксации?; С. Урбаньчик. Параллельные явления в славянских литературных языках XIX в.; А. Заремба. О польско-лужицких языковых связях; А. Стеффен. Этимологические заметки.

«*Československý časopis historický*», 1973, № 4

М. Кропалак. Предпосылки и достижения февральской победы 1948 г.; В. Крайль. Английская политика до встречи в Бэрхтэсгадэне в сентябре

1938 г.; З. Дэйл. Из истории подготвления и возникновения закона о страховании на случай болезни, инвалидности и старости; М. Тэгл. Поводы саксонского нашествия в Чехию в 1631 г.

«*Historický časopis*», 1973, № 3

Р. Марсиана. К развитию городов Словакии до начала XV в.; В. Янкович. Исследование топографии исторического центра Братиславы в XIV—XVI вв. и его значение в древнейшей истории города; И. Вонар. Горнопромышленные города как особый тип городов в Словакии; Ф. Хейл. Города восточной Словакии и их место в структуре средневропейских торговых связей в период развитого и позднего феодализма; А. Чизмадиа. Развитие городского права в эпоху феодализма на территории сегодняшней Словакии.

«*Slovanský přehled*», 1973, № 4

Я. Вавра. Сущность и проблемы чешско-русских культурных связей в период позднего феодализма; В. Жачек. О «тайной» войне Людевита Гая; Т. Ивандышина. Отношение русских славянофилов к славянскому вопросу в Австрии в первой половине 60-х годов XIX века; В. Штястны. Молодое словацкое поколение до первой мировой войны и чешское общество; Л. Демак. Советский Союз и пакт четырех западных держав; З. Шимечек. Пражские газеты и информации о Восточной Европе в половине XVII века.

«*Česká literatura*», 1973, № 4

Ю. Доланский. Словесность И. Юнгманна как пример; В. Ку-

делка. Участие Коллара в формировании словенской поэзии в домартовскую эпоху; Я. Дворжак. Предпосылки работ З. Неядлы о новой чешской литературе.

«*Slavia*», 1973, № 3

И. Доланский. Поэзия Томаша Кузника в отражении М. Рея; Ю. Кольбушевский. «Валашская школа» Г. Гавловича и «Морали» В. Потоцкого; Х. Янашек-Ивандычова. Апология и критика неоромантической богемы в творчестве Станислава Пшибышевского; В. Полак. Несколько замечаний к проблематике субстратных слов в западнославянских языках.

«*Slovo o slovesnost*», 1973, № 2

[К 80-летию акад. Б. Гавранека]: Письмо президента ЧССР; Письмо директора Института славяноведения и балканистики АН СССР; А. Лампрыхт. К хронологии фонетико-фонологических изменений в праславянском языке; М. Комарек. К диахроническому изучению пограничных сигналов в чешском и словацком языках; К вопросу о развитии лексики литературного чешского языка в эпоху Карла; Я. Белич. Названия основных диалектных групп чешского языка; С. Утешеный, Я. Ворач. Основные изоглоссы северо-восточной чешской языковой области; П. Новак. Об «обмане» грамматической формы; М. Кнапцова. К вопросам адвербиализации; Я. Корженский. Об одном методе лингвистического анализа стихотворного текста.

НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Активная внешняя политика Польской Народной Республики, тесно связанная с внутренними преобразованиями в стране и новыми перспективами развития польского государства, особенно после декабрьских событий 1970 г., требует всестороннего расширения сотрудничества историков Польши с историками стран социалистического содружества. Принцип такого сотрудничества отражает наличие глубокой идеологической связи между ними и одновременно отвечает государственным интересам Польши. Он является составной частью морального кодекса польской нации. Тесные отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами составляют незыблемую основу польской политики, увеличивают ее успехи в современном мире.

Задача укрепления единства и многостороннего сотрудничества с социалистическими странами, и особенно со странами — членами СЭВ и Организации Варшавского Договора, возлагает на польскую науку дополнительные обязанности по углублению и координации научных исследований, служащих практическим нуждам партии и правительства. Это связано с необходимостью широкого распространения знаний о социалистических странах, об их политике, экономике, культуре и науке, а также с необходимостью подготовки квалифицированных научных кадров.

Исследованиями по проблемам международной политики, касающимися в основном капиталистических стран, занимаются Западный институт в Познани, Институт международных отношений в Варшаве, Центр по исследованию отношений Восток—Запад и целый ряд университетских кафедр, а также группы сотрудников отдельных институтов Академии наук.

Анализ исследовательской проблематики показывает, что значительное место занимают исследования в области германистики. Появилось много работ по проблеме западноевропейской интеграции, а также по разнообразной тематике,

связанной со странами Западной Европы и Америки. В 60-е годы, кроме того, были начаты исследования по политическим, историческим, экономическим и правовым аспектам развития так называемого «третьего мира», преимущественно стран Африки.

В Польше выходят в свет многочисленные труды, касающиеся таких вопросов, например, как проблема Карибского бассейна, или проблемы единства африканских стран. Одновременно ощущается постоянный недостаток исследований о социалистических странах. Так, отсутствуют работы, освещающие сотрудничество Польши с социалистическими странами, не говоря уже об исследованиях по внешней политике социалистических стран.

Как это ни странно, но наука о социалистических странах интенсивнее развита во многих капиталистических странах, где на нее тратятся значительные средства и силы. Социалистические страны, и особенно Советский Союз, привлекают внимание многих политических и научных организаций в США, ФРГ, Франции, Англии и других западных странах.

В США из 37 организаций, занимающихся проблемами социалистических стран, до 1951 г. существовало только 7, остальные 30 были созданы за последние 22 года. В ФРГ существует около 200 различных учреждений по изучению социалистических стран, в том числе около 30 крупных институтов. Даже в Австрии с ее 7-миллионным населением существует не менее 14 научно-исследовательских организаций, изучающих исключительно проблемы социалистических стран, в том числе 7 институтов, работающих вне университетов. В настоящее время в Западной Европе нет страны, которая интенсивно не развивала бы исследований по проблемам социалистических стран, располагая при этом хорошо подготовленными научными кадрами, специальными библиотеками и значительными средствами. Однако широко известно, что эти исследования

служат не только научным целям. Их задачей является обеспечение своих правительств информацией о развитии социалистических стран, позволяющей им предпринимать отдельные политические и экономические акции в отношении этих стран.

В последние годы можно отметить положительные изменения в работе научно-исследовательских организаций социалистических стран. Отчетливо наблюдается тенденция к активному изучению недавнего прошлого собственных стран. Все это — результат понимания того, что без знания генезиса современности нельзя определять задачи на будущее.

Плодотворно работают исследовательские организации СССР и других социалистических стран, занимающиеся изучением государств Организации Варшавского Договора. Вместе с тем, в Польше до недавнего времени было распространено ошибочное мнение, особенно среди историков новейшего периода, о якобы ненаучном и пропагандистском характере всех исследований, касающихся современной проблематики социалистических стран. Эту точку зрения обосновывали отсутствием доступа к архивным источникам, а также опасностью подчинения исследовательских выводов требованиям текущей политики. Такое положение привело к тому, что в польских университетах изучение социалистических стран часто проводилось по таким работам, как книга А. Прухняка «Первое пятнадцатилетие независимой Польши» (1933), «Наиболее важные документы. 1912 — январь 1924 г.» (1924), «Всеобщая история» под редакцией Т. Мошчицкого и Я. Цинарского, том IV, охватывающий период XIX в. до 1933 г. включительно (1934). Не нужно объяснять, что все они были написаны с позиций, чуждых марксистско-ленинской методологии и никак не отвечают требованиям польской социалистической науки.

Не отрицая ни в коем случае действительных трудностей, связанных с необходимостью сохранения определенной дистанции, холодного рассудка и чувства меры при анализе и оценке новейшей истории, а также трудностей, вытекающих не столько из-за отсутствия доступа к архивным источникам, сколько из необходимости правильного отбора нужных материалов из постоянно растущего числа опубликованных источников, необходимо подчеркнуть, что изучение новейшего периода истории социалистических стран, специфика и тенденций их развития отвечает социальным требованиям и должно оказывать помощь при оценке новых явлений, происходящих в социалистическом лагере. Исследования эти не только возможны, но и необходимы.

При таком положении в Польше возникла настоятельная потребность в исследовании современной проблематики социалистических стран, в изучении именно тех проблем, которые по причине тесной идейной связи между ними, их принадлежности к системе государств социалистического содружества и, наконец, их географического положения, должны вызывать заинтересованность польской науки. Эти исследования, углубляющие существующие работы по истории польско-советских отношений, с особым вниманием на период второй мировой войны и первые послевоенные годы, а также распространение в Польше знаний о руководящей роли СССР и мирной политике социалистических стран, о политических и экономических достижениях первого в мире социалистического государства — СССР будут являться предметом научных интересов Института социалистических стран Польской Академии наук, созданного в декабре 1972 г.

Обосновывая необходимость создания Института социалистических стран, Президиум ПАН подчеркнул, что укрепление единства и всестороннего сотрудничества ПНР с европейскими социалистическими странами и их организациями (СЭВ и Варшавский Договор) «ставит перед польской наукой задачу развития научных исследований, служащих в этой области целям, которые ставят наша партия и правительство». Президиум ПАН подчеркивал также, что это требование «тесно связано с необходимостью широкого распространения в нашем обществе знаний о социалистических государствах, их политике, экономике, культуре, науке»¹.

Институт социалистических стран ПАН был создан на базе Института истории польско-советских отношений ПАН. Задачи нового Института, определенные решениями Совета Министров ПНР² и Президиума ПАН, сводятся к изучению истории СССР и польско-советских отношений (с 1917 г. по настоящее время), истории отношений Польши с другими социалистическими странами (политические и экономические отношения, научно-техническое сотрудничество, широко понимаемый культурный обмен, научный обмен, научное сотрудничество и др.), а также тщательное исследование генезиса и процессов развития социалистических стран.

Президиум ПАН рекомендовал публиковать результаты научных исследований Института, предпринятых по его собственной инициативе или по заданию

¹ Решение № 25/72 Президиума Польской Академии наук от 26 сентября 1972 г. о создании Института социалистических стран ПАН.

² От 30 декабря 1972 года.

центральных органов партии и правительства, проводить и координировать тематические исследования с другими учреждениями ПАН и высшими учебными заведениями, обмениваться научным опытом и научными достижениями Института с исследовательскими организациями социалистических стран. Было рекомендовано также подготовить необходимое число специалистов, преподавателей, экспертов, привлекая к исследовательской работе учащихся соответствующих специальностей высших учебных заведений, проявивших интерес и способности к научной работе³.

Окончательные организационные формы Института будут складываться по мере развития исследований в последующие годы, в ближайшие 3—5 лет Институт будет иметь следующую структуру:

1. Отдел истории польско-советских отношений, продолжающий и развивающий исследования, начатые Институтом истории польско-советских отношений ПАН, уделяя больше внимания проблемам периода второй мировой войны. Отдел подразделяется на два сектора.

2. Отдел европейских социалистических стран, изучающий проблемы социалистического содружества в рамках СЭВ и Организации Варшавского Договора. Этот отдел также подразделяется на два сектора.

3. Сектор СССР, который будет информировать польскую научную общественность о состоянии и результатах исследований советских ученых, о динамике развития страны Советов, о советской внешней политике. Отдел будет также вести самостоятельные исследования в этой области.

4. Сектор документации и информации.

5. Реферативно-издательский сектор.

6. Секретариат.

7. Библиотека.

Совершенно очевидно, что Институт социалистических стран ПАН, созданный путем перестройки и расширения Института истории польско-советских отношений ПАН, опирается на исследователь-

ские достижения и материальную базу этого института.

Создание источниковедческой базы для исследования истории польско-советских отношений в Народной Польше было начато в 1955 г. «Редакцией по публикации документов и материалов по истории польско-советских отношений» (при Институте общественных наук при ЦК ПОРП). Эту работу продолжал созданный в 1961 г. Сектор истории польско-советских отношений ПАН, который в феврале 1965 г. был реорганизован в Институт. Собранная документация комплектовалась для нужд многотомного серийного издания «Документы и материалы по истории польско-советских отношений»⁴. Начало этому собранию было положено при подготовке I тома издания, охватывающего период 1917—1918 гг. По мере публикации очередных томов постепенно накапливалась документация и по следующим периодам.

Расширялась также и тематика собираемых материалов. В первых томах преобладали документы по политическим вопросам, значительно меньше их было по проблемам экономическим, и еще меньше — по культурным. В последующих томах в большей степени стали учитываться проблемы экономики и культуры.

В документах послевоенного периода, отразивших качественно иной характер польско-советских отношений, содержатся материалы о многостороннем сотрудничестве, не существовавшем в более ранние периоды, например, научно-техническом, экономическом, культурном, сотрудничестве общественных организаций и во многих других областях. До конца 1971 г. Институт собирал документы и материалы о польско-советских отношениях в период 1917—1945 гг.

Сейчас началась работа над документами послевоенного периода. Основные материалы периода 1945—1949 гг. составили 6 тыс. листов ксерокопий, 5 тыс. листов машинописных текстов.

Одновременно создается документальная база для изучения истории отношений Польши с другими социалистическими странами. Собрана уже документация, касающаяся чехословацкой проблематики (980 ксерокопий), румынской (800 ксерокопий). В плане польско-чехословацких отношений был также проведен поиск материалов в прессе периода 1944—1948 гг. и сделаны копии наиболее важных материалов.

³ В Институте уже работают семинары по следующим проблемам: «История внешней политики социалистических стран» (руководитель — доц. Владимир Ковальский); «Генезис, развитие и международное значение СССР» (руководитель Тадеуш Валихновский); «Система государств социалистического содружества и развивающиеся страны» (руководитель доц. Тадеуш Лентоха). В семинарах занимаются как стипендиаты, так и сотрудники Института социалистических стран ПАН и других организаций, подготавливающие кандидатские диссертации без отрыва от основных обязанностей.

⁴ В настоящее время редакцию возглавляют: с советской стороны — И. А. Хренов (главный редактор) и П. Н. Ольшанский (зам. главного редактора); с польской стороны соответственно — В. Т. Ковальский и Т. Валихновский.

За период существования Института были собраны материалы, которые можно разделить на следующие группы: каталог поисковых карточек; коллекция микрофильмов; коллекция фотокопий; хронология важнейших событий из истории польско-советских отношений (с 1917 г. по настоящее время).

Каталог поисковых карточек — результат широко проводимых поисков в архивах и библиотеках. Собранный коллекция в настоящее время насчитывает свыше 40 тыс. карточек и систематизирована по двум направлениям: по архивному происхождению и названию документа, по хронологии.

В перспективе планируется еще одно направление — проблемное. Карточки охватывают документы, находящиеся в следующих центральных и местных польских архивах: Архив новых актов, Архив Министерства иностранных дел, Центральный архив Министерства внутренних дел, Центральный военный архив, Центральный архив ЦК ПОРП, Бюро торгового советника Посольства ПНР в Москве, Архив ПАН, Государственный архив г. Варшавы и Варшавского воеводства, Архив Общества польско-советской дружбы, Архив Центрального Совета профсоюзов, Архив Института истории крестьянского движения при ЦК Объединенной крестьянской партии, Архив ЦК Демократической партии, Государственные воеводские архивы, Библиотека Сейма.

Были сделаны также выписки из прессы, охватывающие около 200 названий газет и журналов. Это и ежедневные газеты (польские и иностранные), представляющие различные политические и общественные организации, и периодика различного направления (общественно-культурная, специализированная, среди них значительную часть занимают научные исторические журналы).

Коллекция микрофильмов — около 800 роликов, что составляет 90 тыс. кадров. Она состоит в основном из документов иностранных архивов (советских, чехословацких, из Лондонского «Public Record Office», из центрального архива ГДР в Потсдаме и др.), а также материалов из иностранных газет и журналов, отсутствующих в библиотеках Польши.

Коллекция фотокопий — (в общем свыше 24 тыс.), скоплектованная в многотомный сборник документов. Среди них находятся фотокопии документов, не включенных в публикации Института.

Хронология важнейших событий из истории польско-советских отношений, опубликованная в «Информационном бюллетене» Института. Хронология за 1917—1970 гг. будет издана также в издательстве «Ксёнжка и Везда». С 1972 г. начато составление аналогичной хронологии (по современному периоду), касаю-

щейся отношений Польши с другими странами социалистического содружества.

Институт социалистических стран ПАН сотрудничает с научными организациями социалистических стран. Тесное сотрудничество в области исследований и совместных польско-советских публикаций в рамках договоров и планов осуществлялось до сих пор в основном между Институтом польско-советских отношений ПАН и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Эти два института на протяжении последних лет достигли значительных результатов, что неоднократно отмечалось и в СССР, и в Польше.

В Польше — на польском, а в СССР — на русском языке изданы на высоком научном уровне семь томов многотомного издания «Документы и материалы по истории польско-советских отношений», которые охватывают период с 1917 по 1943 г. В издательство «Ксёнжка и Везда» уже сдан и VIII том (1944—1945 гг.). Продолжаются запланированные работы по периоду 1946—1952 гг. для подготовки очередных IX и X томов. Том IX будет охватывать 1946—1949 гг., его выпуск в Польше намечается к 30-летию установления народной власти в стране.

На протяжении 12 лет сотрудники Института истории польско-советских отношений ПАН участвовали во многих научных сессиях, проводимых в СССР, а советские ученые — в сессиях, состоявшихся в Польше.

Кроме того, раз в год проводились совместные сессии (поочередно в Польше и в СССР) в рамках деятельности Польско-советской исторической комиссии ПАН и Советско-польской исторической комиссии АН СССР. Результаты сессий значительны. Многие из докладов, зачитанных на этих сессиях, были опубликованы и в СССР и в Польше.

В последнее время начато систематическое издание материалов каждой сессии. В Польше и в СССР вышли в свет материалы сессий, состоявшихся в Познани (1970), Киеве (1971), Варшаве (1972).

Сотрудники Института социалистических стран ПАН активно участвуют в работе Польско-советской исторической комиссии ПАН, что способствует налаживанию тесных контактов с советскими историками и помогает определить направление деятельности комиссии и по вопросам современной истории. В настоящее время идет подготовка советской и польской комиссиями сессии по проблеме индустриализации в СССР и в Польше, которая состоится в I квартале 1974 г. в Катовицах. Сессии придается большое научное и политическое значение в связи с празднованием 30-летия ПНР. В работу по подготовке сессии активно включились Силезский университет, Институт социалистических стран ПАН и Силезский

научный институт. Материалы сессии будут опубликованы издательством «Шлёнск» в Катовицах.

Институт истории польско-советских отношений ПАН выпустил за годы своего существования десять томов серийного издания «Из истории польско-советских отношений. Материалы и исследования» («Z dziejów polsko-radzieckich. Studia i materiały») и 30 информационных бюллетеней. Двусторонние польско-советские отношения в период 1917—1972 гг. широко исследовались многими польскими авторами. Большое значение для научного познания этих проблем имели публиковавшиеся на страницах польских периодических изданий работы советских ученых: А. И. Хренова, М. Ф. Евсеева, П. М. Калениченко, Н. В. Каменской, П. Н. Ольшанского, В. С. Толстого, И. А. Воронкова, Ф. Г. Зуева.

В печати находится сборник наиболее важных документов и материалов по истории польско-советских отношений в 1945—1972 гг., подготовленный Басиньским и Валихновским⁵.

Огромный научный материал, который используется в публикациях в Польше, дала сессия Института истории польско-советских отношений ПАН, посвященная 50-летию СССР, состоявшаяся в декабре 1972 г. В докладах польских и советских историков были рассмотрены генезис и развитие СССР, польско-советские отношения в 1917—1972 гг. и некоторые аспекты внешней политики СССР, связанные в основном с теми международными акциями СССР, в которых Польша являлась активным партнером Страны Советов.

Интересными были также результаты сессии Польско-советской исторической комиссии ПАН, состоявшейся в ноябре 1972 г. Сессия была посвящена проблеме польско-советских отношений в период 1917—1939 гг.

Совместно проводимые исследовательские работы и совместные польско-советские издания играют чрезвычайно важную роль как научную, так и идеологическую и имеют большое политическое значение для обеих стран.

В работе над синтетическими исследованиями историки широко используют опубликованные документы и материалы названного многотомного польско-советского издания ПАН и АН СССР. Работы и публикации по межвоенному периоду и периоду второй мировой войны прояснили многие проблемы. Это позволяет исследователям истории польско-советских отношений в Польше и в СССР, а так-

же всем, кто интересуется этими проблемами, правильно оценивать события, которые изображались иногда в неправильном свете⁶. Издание источников за период 1917—1945 гг. имело большое значение для польской и советской науки⁷.

Такое же важное значение имеет изучение документов и материалов по истории польско-советских отношений послевоенного периода. Подготавливаемые тома документов раскроют содержание польско-советского союза, покажут взаимную помощь обоих государств, дадут в руки польской и советской науки очень важный историкоисследовательский материал.

Сознавая значение этой работы, Институт социалистических стран проявил инициативу в расширении соглашения между АН СССР и ПАН по вопросу многотомной публикации документов и материалов из истории польско-советских отношений (заключенное ранее соглашение предусматривало выпуск всего девяти томов). Институт исходит из того, что если события межвоенного периода нашли отражение в шести томах, то более богатый событиями и более важный в истории взаимоотношений народов Польши и СССР послевоенный период должен быть представлен по крайней мере восьмью томами (вместе с периодом второй мировой войны межвоенный период также теперь представлен восьмью томами).

В конце 1972 г. в Польше и в СССР приступили к работе над совместным польско-советским двухтомным сборником исследований по истории польско-советских отношений. Том I будет охватывать годы 1917—1944, том II — 1945—1973 гг. Каждый из томов, объемом свыше 30 п. л., будет содержать обобщающие исследования польских и советских ученых. Этой работе уделяется большое внима-

⁶ См. T. W a l i c h n o w s k i. Układy poczdamskie i problem bezpieczeństwa europejskiego w relacjach historyków i publicystów emigracyjnych. «Polityka zagraniczna PRL w świetle Układu Poczdamskiego». Warszawa, 1972.

⁷ Примером ложного изображения польско-советских отношений, основанного на тенденциозно подобранных документах, является работа В. Сукеницкого, изданная в 1964 г. Литературным институтом в Париже в серии «Документы» под названием «Белая книга». С такой же целью Государственный департамент США издал работу Р. Дж. Сонтея и Дж. С. Бедди «Германо-советские отношения. 1939—1941 гг. Документы Архива МИД Германии». Не подлежит сомнению то, что работы польских и советских историков в значительной степени способствуют расширению наших познаний об исторических фактах, разоблачают тенденциозные сочинения отдельных историков из капиталистических стран.

⁵ Документы этой серии за 1917—1945 гг. были опубликованы в Польше в 1967 г. Э. Басиньским и Т. Цесляком. Серию выпускает издательство «Ксёвжжа и Вездза».

ние. Институт социалистических стран ПАН привлек к участию в этом сборнике ведущих польских историков. Это издание будет важным научным событием.

Реорганизация Института истории польско-советских отношений в Институт социалистических стран, таким образом, создала условия для расширения польско-советских научных исследований и подготовки совместных публикаций.

В 1974—1975 гг. должны появиться первые монографии, посвященные истории и научно-технической революции в СССР. Ожидается выход первых монографий, посвященных историческим процессам в ГДР, ЧССР, Венгрии и Румынии. Используя достижения советских ученых и ученых других социалистических стран, сотрудники Института будут проводить и собственные исследования,

руководствуясь марксистско-ленинской методологией.

* * *

Планы и замыслы молодого коллектива ученых Института социалистических стран ПАН весьма обширны и ответственны. Их реальность гарантируется той обстановкой доброжелательности и помощи, которую руководство партии и правительства создает для всех начинаний, направленных на глубокое изучение проблем, входящих в сферу работы Института. Начинания эти отвечают насущным потребностям польского общества. Это нашло свое отражение и на II конгрессе польской науки, состоявшемся в июне 1973 г., в работе которого сотрудники Института приняли активное участие.

Тадеуш Валижновский

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НА VII МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ В ВАРШАВЕ

В Варшаве 21—27 августа 1973 г. состоялся VII Международный съезд славистов, в котором приняли участие историки, лингвисты и литературоведы из многих стран. Большое место в работе съезда было отведено проблемам литературоведческой науки, которую представляли ведущие ученые-слависты. Научные интересы участников съезда были в основном сконцентрированы вокруг трех крупных проблемных комплексов: изучение романтизма в славянских литературах, методология и история сравнительного изучения славянских литератур, основные направления в развитии славянских литератур XX в. Рассмотрению этой обширной проблематики были посвящены заседания трех соответствующих подсекций секции литературоведения.

Проблематика романтизма, вопросы дефиниции и содержания этого понятия, типологии этого литературного течения и его национальных проявлений привлекли большое внимание участников съезда. На общем пленарном заседании в день открытия съезда с докладом «Две годовщины, связанные с романтизмом, в двух славянских литературах» о специфике славянского романтизма выступил Ю. Книжановский (ПНР), подчеркнувший характерное для литературы этой эпохи усиление внимания к национальной проблематике, повышенный интерес к фольклору. В докладе К. Выки (ПНР) «Романтизм в польской культуре» были разграничены две основные фазы в развитии этого литературного течения в Польше с указанием четкого водораздела меж-

ду ними, каким явилось восстание 1830—1831 гг. Докладчик отметил принципиальную трансформацию сущности и функции романтизма в Польше после поражения восстания, а также подчеркнул его значение для других видов искусства, для польской культуры в целом. М. Партридж (Великобритания) в своем докладе «Романтизм и концепция коммуникации в славянских и неславянских литературах» сделала попытку на материале русской и английской поэзии разрешить проблему определения романтизма. В качестве основного вопроса, волновавшего романтиков, был назван вопрос поисков новых художественных методов коммуникации между людьми. По мнению докладчика, увлечение фольклором, гротеском, экзотикой, размышления о смерти и бессмертии были с самого начала не столько попыткой уйти от реальности жизни, сколько попыткой ее более широкого и полного понимания. В докладе М. Янион (ПНР) «Польский романтизм на фоне европейского романтизма» был сделан вывод о значительном месте творчества польских романтиков, в лице Мицкевича и Словацкого, в контексте современной им европейской литературы. Останавливаясь на проблематике польского мессианства, основных идейных комплексах и образах романтизма, докладчица показывает внутреннюю диалектику польского романтизма, соединяющего идею бесконечной «цепи существования» с идеей связи мира материи с миром духа. Доклад Е. Георгиева (НРБ) «Типологический рельеф романтизма в славянских

литературах» касался связи этого литературного течения в большинстве славянских стран с историческим периодом формирования наций, определившим его существенные черты, масштабы, задачи и функцию. Наполеоновская легенда в литературе польского романтизма, ее истоки, исторические предпосылки и связь с романтическим культом выдающейся личности была проанализирована в докладе С. Треугутта (ПНР) «Наполеон Бонапарт — герой польского романтизма». Посвятив свой доклад «Романтизму и ускоренному развитию (славянских и неславянских) литератур Восточной и Юго-Восточной Европы», М. Новиков (СРР) уделил особое внимание проблеме определения и исторического описания романтизма. По его мнению, течение, традиционно именуемое в ряде литератур романтическим, в структурном отношении не соответствует этому определению. Докладчик подчеркнул специфический тип романтизма в литературах Чехии, Польши, Венгрии, Сербии, Румынии, Хорватии, Болгарии и выдвинул гипотезу о наличии в романтическом течении в этих странах, особенно на первом его этапе, явно классицистического содержания. В докладе Б. Патерну (СФРЮ) была затронута проблема дифференциации стилей внутри романтизма. На примере словенского романтизма были выделены шлегелианский, или классический, и так называемый «народный» стили. В более позднем развитии поэзии XIX в. докладчик отметил возникновение гибридного сочетания классической и фольклорной поэтики. Темой доклада Е. З. Цыбенко (СССР) «Особенности польской и русской романтической прозы 1830—1840-х годов (к проблеме героя и принципов его изображения)» стал новый, по сравнению с романом просвещения и сентиментализма, способ создания образа героя, стремление воссоздать противоречивое сплетение его мыслей и чувств, характерные для польской и русской романтической прозы. Докладчица отметила, что главным действующим лицом произведений польской и русской романтической прозы становится мыслящая личность, мучима трагическими порывами, личность ищущая и творческая, причем важную роль играет ее конфликт с обществом. На примере «Героя нашего времени» Лермонтова и психологических романов Людвика Штирмера показана специфика социально-исторического и литературного процессов в России и Польше того времени. Особое внимание было уделено значению переводов в возникновении межлитературных связей, а также в формировании национальных культур. Этой теме в связи с влиянием национального литературного контекста на выбор переводных произведений был посвящен доклад С. Суботина (СФРЮ) «Национальный литературный контекст и его значение для установления связей

между славянскими литературами периода романтизма». Докладчик особенно подчеркнул важность соотношения уровня развития «дающей» и «берущей» литературы для выбора, качества и функциональной обусловленности переводных произведений. М. Жмигродская (ПНР) в докладе «Романтический перелом и литературная традиция» остановилась на методологическом и историко-литературном аспекте исследуемой темы. С точки зрения первого из этих аспектов, романтический перелом представлен в докладе как сугубо отличная от предшествующих модель литературного творчества, как принципиально новая концепция литературной жизни, соотношения традиций и новаторства. С точки зрения второго из названных аспектов, романтический перелом, как показано на польском материале, привел к разрушению гомогенной модели литературного наследия и к принятию принципа многообразия и богатства различных культурных традиций. «Развитию этических концепций польского романтизма» посвятил свой доклад И. Ф. Бэлза (СССР). Докладчик исследовал влияние этических концепций Данте не только на поэтов, но и на музыкантов-романтиков (Шопен). Эти концепции, проникнутые глубоким гуманистическим пафосом, развивались, по мнению докладчика, и в хронологически следующие за романтизмом эпохи, что подтверждается на примере польской литературы от Болеслава Пруса до Тадеуша Брэзы. П. Динекон (НРБ) в своем докладе «Славянская наука XIX века и проблемы болгарского фольклора» отразил повышение интереса к фольклору в первой трети XIX в. со стороны многих славянских писателей и ученых, способствовавшее становлению и развитию болгарской фольклористики. Получили освещение и проблемы литературы просвещения и предромантизма в славянских литературах. Й. Б. Чапек (ЧССР) выступил с докладом «Корни, развитие и отражение просвещения в чешской и словацкой литературе с учетом западнославянских литератур». Докладчик остановился на роли традиции, идущей от Я. А. Коменского, в развитии чешского, словацкого и польского просвещения. Он отметил, что в чешских землях значение просвещения было шире значения классицизма, а в Польше положение было обратным. Словацкая литература занимала в этом смысле среднее положение. «Переход от классицизма к романтизму в поэзии Мицкевича, Махи, Прешерна и Верешмарти» был рассмотрен в докладе И. Фрида (ВНР), где проводилась мысль о бурном столкновении классицистической и романтической теории и практики поэзии в литературах с богато развитым классицистическим направлением (венгерская, польская), и о борьбе за романтический стиль не столько в плоскости литерату-

ры, сколько в плоскости мировоззрения и морали в литературах неразвитого классицизма (словенская, чешская). Классификация романтических направлений в восточно-среднеевропейских литературах может быть, по мнению докладчика, произведена на основании различия тех явлений, от которых происходит отрыв. Восточнославянские литературы этого периода получили свое отражение в докладе Г. Д. Вербеса (СССР) «Польский романтизм в восточнославянских литературах конца XIX — начала XX века (к роли так называемых вторичных контактов)». Периодом первичных контактов докладчик считает 20—40-е годы XIX в. В докладе отмечается активный характер обращения к романтизму таких поэтов, как И. Франко, Л. Украинка, А. Блок, К. Бальмонт, И. Бунин, Ф. Богусевич, Я. Купала. Особо подчеркивается живая традиция польского романтизма в советских славянских литературах 20—30-х годов XX в.

На съезде констатировалась также известная жизненность романтических традиций, правда, во многом трансформированных, и на последующих этапах развития славянских литератур. «Романтическая традиция и революционная лирика в славянских литературах XX века» были рассмотрены в докладе Х. Ольшовского и Д. Вичева (ГДР). На материале польской и болгарской поэзии 20—30-х годов XX в. исследуется многообразие функций романтической традиции в зависимости от литературного контекста и общей ситуации в литературе. В докладе отмечается своеобразное преломление революционного пафоса и эмоционально-нравственной атмосферы романтизма в творчестве болгарских поэтов Полянова и Смирненского и традиционного романтического понимания природы и истории (Мицкевич, Словацкий) в творчестве польских поэтов XX в. — Броневского и Пшибоси. Диалектический подход к традиции, по мнению докладчиков, творчески оживляет и преобразует ее. «Романтические тенденции в чешской литературе XX века» были темой доклада С. В. Никольского (СССР), говорившего о присутствии романтического элемента в преобразованном виде, часто незримо, поскольку он подчинен принципам другой поэтики и переосмыслен. Проследив некоторые романтические традиции в творчестве критических реалистов, пролетарских писателей и художников, связанных с авангардизмом, докладчик указал на функциональные различия в использовании этих традиций и специфическое в каждом случае значение обращения к ним.

Многие доклады съезда были посвящены методологии сравнительного изучения славянских литератур. М. П. Алексеев (СССР) в своем докладе «Построение истории национальной литературы в странах иного славянского языка» остановил-

ся на определении оптимальных и наиболее желательных принципов построения истории литературы каждого из славянских народов, предназначенной для читателей, говорящих на другом языке (русской — для поляков, польской — для чехов, чешской — для болгар и т. д.). Докладчик подчеркнул не только теоретическое, но и практическое значение этой проблематики, успешное изучение которой будет способствовать улучшению взаимопонимания между славянскими народами. Проблемам принципиального теоретического значения, нуждающимся в глубоком изучении и всесторонней дискуссии (понятие сравнительного исследования, основные типы исследований, их связи и различия) был посвящен доклад Д. Ф. Маркова (СССР) «Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур». Докладчик выразил убеждение в том, что сравнительное изучение литератур включает основные типы литературных отношений — и литературные связи, и типологические аналогии, которые имеют исторический характер. Историзм подхода, однако, не подразумевает обязательной синхронности сравниваемых фактов и явлений, но предполагает нахождение сходных общественно-исторических и литературных условий. Сходство такого рода в двух или более литературах может проявляться не одновременно, но с разрывом в несколько десятков лет. Объективное сравнительное изучение литератур, по мнению докладчика, невозможно без четкого понимания трех основных, взаимосвязанных понятий, каковыми являются «художественный прогресс», «мировая литература» и «единство национальной специфика и всеобщего». В докладе был поставлен вопрос о научном сравнительном исследовании литератур на социалистическом этапе их развития и отмечены некоторые актуальные проблемы дальнейших исследований в этом направлении. Доклады М. П. Алексеева и Д. Ф. Маркова вызвали на съезде оживленную дискуссию, свидетельствующую об актуальности данной проблематики на современном этапе развития науки о литературе. Выступившие в дискуссии единодушно отметили заслуги советского литературоведения в области теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур. Докладчик П. Зарев (НРБ) предложил в качестве методологической основы исторического изучения славянских литератур обращение к народной психологии.

Особое внимание на съезде было уделено типологической структуре древних славянских литератур. В докладе Д. С. Лихачева (СССР) «Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы» прослеживается развитие структуры жанров русской литературы XI—XVII вв. К концу XVII в. в результате

процесса литературной эмансипации жанров, докладчик отмечает соответствие системы жанров русской литературы системе жанров литератур западноевропейских. Доклад С. Вольмана (ЧССР) был посвящен «Исторической и структурной общности древних славянских литератур». Докладчик остановился на проблеме общих архетипов, принявших участие в возникновении литератур отдельных славянских народов. Большая роль в создании первой сети межславянских коммуникаций принадлежит деятельности Кирилла и Мефодия, причем эта их роль рассмотрена и на материале дальнейшего развития славянских литератур. «О некоторых романских связях старопольской литературы» говорил на съезде М. Брамер (ПНР), остановившийся, в частности, на популярности Тассо и Марино в Польше и их влиянии на таких польских поэтов, как Я. А. Морштын и С. Г. Любомирский. В докладе учтена важность европейской литературы на латинском языке для развития польской литературы XVI—XVII вв. Проблематика древнерусской литературы привлекла внимание чешских исследователей С. Матхаузеровой, выступившей с докладом «Временные отношения в жанрах древнерусской литературы», и Э. Фойтиковой, рассмотревшей «Типологию древнерусской литературы» в жанровом аспекте. «Судьбы жанра древнерусских житий», связи церковнослужебного канона и сюжетного повествования стали темой доклада Л. А. Дмитриева (СССР), отметившего трансформацию этого жанра из церковного в литературный. Соответствия эволюции героического эпоса требованиям раннефеодальной эпохи рассматривались в докладе А. Н. Робинсона (СССР) «Закономерности развития восточнославянского и европейского эпоса в раннефеодальный период», исследующем эти закономерности в широком литературном контексте, включающем «Песнь о Роланде», «Слово о полку Игореве», «Витязя в тигровой шкуре» и «Сказания о Нибелунгах». Б. А. Рыбаков (СССР) посвятил свой доклад реконструкции «Исторических взглядов автора „Слова о полку Игореве“». Для исследования «Русско-украинских и европейских литературных связей в области драматургии на рубеже XVII—XVIII вв.» О. А. Державина (СССР) избрала «Историю Эсфиры» и ее постановки на школьной сцене западноевропейского и русского театра того времени.

Большое внимание участников съезда привлекла проблематика соотношения литературных течений рубежа XIX и XX веков. Типологии этих течений был посвящен доклад Г. Я. Ильиной, С. А. Шерлаимовой и В. В. Витт «Реализм и его соотношение с другими течениями в западнославянских и южнославянских литературах конца XIX — начала XX

века», в котором данная проблема рассматривалась на материале сербской, чешской и польской литератур. Реализм в докладе исследовался как наиболее перспективное течение данного периода. Иная концепция была представлена докладами польских ученых И. Магнушевского «Проблема модернизма в литературах западных и южных славян», З. Бараньского «Проблемы русского модернизма» и М. Бобровницкой «Классицистическое течение в западно- и южнославянских литературах эпохи модернизма», рассматривавших эпоху конца XIX — начала XX в. как период модернизма. Перечисленные доклады по проблематике рубежа веков вызвали принципиальную дискуссию. Выступивший в ней Д. Ф. Марков отметил, что спор об определении данного периода отнюдь не является чисто терминологическим, но связан с пониманием самой сущности развития литературы на рубеже веков, а также с пониманием ведущих тенденций этого развития литературы.

С большим коллективным докладом об отражении современной эпохи в социалистических литературах славянских стран выступила группа немецких ученых (ГДР) В. Байтц, Х. Конрад, Д. Эндлер, А. Лачинян, И. Зеэхаазе, Г. Варм.

В выступлении Л. С. Кишкина (СССР) «Образы изобразительного искусства и литературы в процессе их взаимодействия» была затронута проблематика взаимосвязей различных областей искусства. На русском, чешском и словацком материале были показаны сферы соприкосновения изобразительного искусства и литературы, а также отдельные возможные аспекты изучения их взаимодействия.

Доклады, связанные с XX веком в литературном развитии славянских стран, были в основном обращены к проблематике социалистического реализма и его соотношений с другими художественными течениями. Кроме доклада Д. Ф. Маркова, затрагивавшего многие проблемы искусства социалистического реализма, следует отметить доклад В. А. Ковалева (СССР) «Типология социалистического реализма». Данная проблематика была в нем разделена на два принципиальных аспекта — имманентное рассмотрение этого художественного метода и исследование его особенностей в отдельных национальных социалистических литературах. По мнению докладчика, исследование типологии классического реализма должно предшествовать изучению реализма социалистического, поскольку последний развивает его основные принципы. Докладчик подчеркнул необходимость укрепления методологических позиций для максимально полного и адекватного понимания исследуемого явления.

Доклад В. Колевского (НРБ) касался «Проблемы утверждения ленинских принципов в славянских литературах», кото-

рая была отмечена докладчиком как основная закономерность художественного процесса и развития прогрессивной литературы XX в. Основной тенденцией развития литератур славянских стран В. Колевский считает утверждение социалистического реализма как основного метода национальной литературы в социалистических странах. В связи с направлением социалистического реализма А. И. Овчаренко (СССР) говорил на съезде о «Споре о романтизме в советском литературоведении». Специфические признаки и общие черты художественного и литературоведческого мышления в Болгарии и СССР исследовались в докладе Г. Димова (НРБ) «Закономерности и взаимоотношения в развитии болгарской и советской литературно-эстетической мысли между мировыми войнами».

Доклад Л. Н. Будаговой (СССР) был посвящен «Некоторым особенностям генезиса чешской социалистической поэзии». Докладчица отметила большую притягательную силу познавательных и творческих возможностей социалистического реализма для писателей различных художественных ориентаций. Со временем такие

из этих художников, как Незвал, Библ, Халас, первоначально связанные с чешским авангардом (поэтизм, сюрреализм), приходят в своем творчестве к своеобразной и стихийной реализации принципов революционного и реалистического искусства. Сложное явление чешского авангардизма рассматривается в докладе в его противоречивости и неоднозначности.

В докладе М. Заградки (ЧССР) «Закономерности возникновения и развития социалистического реализма в славянских литературах», проводилась, в частности, мысль о том, что для многих художников — авангардистов переход на позиции социалистического реализма осуществлялся через стадию революционного романтизма.

Обширная проблематика, представленная на съезде, и плодотворные дискуссии, возникшие по поводу актуальных проблем науки о литературе, будут иметь несомненное значение для дальнейших исследований славянских литератур и разработки целого ряда теоретических вопросов.

В. М.

IV МЕЖДУНАРОДНЫЕ КУРСЫ СЕРБОЛУЖИЦКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Лужицкие сербы — маленький славянский народ на территории ГДР, который впервые за свою многовековую историю получил в немецком социалистическом государстве все возможности для национального развития. Он имеет собственные школы, научные и педагогические учреждения, национально-культурную организацию «Домовина», союзы творческой интеллигенции и т. д. С 1967 г. в г. Будишине (Баутцене), культурном центре лужицких сербов, проводятся международные курсы для славистов высших учебных заведений и исследовательских учреждений. Задача курсов — познакомить представителей различных стран с языком, культурой и историей лужицких сербов, а также с национальной политикой Германской Демократической Республики по серболужицкому вопросу.

За время существования курсов (они созываются раз в два года) на них побывало 120 человек как из стран социалистического содружества, так и из США, Великобритании, Франции, Италии, скандинавских стран, Японии. Это были, главным образом, слависты — языковеды, историки, литературоведы, приезжающие для совершенствования знаний в области серболужицких языков, обмена информацией о научных исследованиях по сорабистике. Из Советского Союза курсы посетили за период 1967—1973 гг. 10 человек.

В работе IV Международных курсов, проводившихся в Будишине с 11 по 25 июля 1973 г., приняли участие ученые СССР, ПНР, ЧССР, СФРЮ, США, Великобритании, Австрии и Японии. Организаторами были, как и в прошлые годы, Институт сорабистики Лейпцигского университета им. К. Маркса и Научно-исследовательский институт лужицкого народоведения в Будишине.

Программа IV курсов была весьма разнообразной и обеспечила широкое знакомство участников с разными сторонами культуры и современной жизни лужичан. Она включала ежедневные практические занятия по языку верхнелужицких сербов (нижнелужицкий преподавался факультативно), значительное количество теоретических лекций, а также мероприятий информационного характера для ознакомления с культурой и бытом современных лужичан.

Так, специальные лекции были посвящены месту серболужицких языков среди других славянских, развитию серболужицкого литературного языка, серболужицкой орфографии, вопросам диалектологии, лужицко-немецкой языковой интерференции, истории развития лексики.

Цикл лекций по литературе лужицких сербов касался вопросов современного ее развития, основных тенденций современной серболужицкой поэзии, а также истории литературы, например, взаимо-

связи серболужицкого романтизма с западнославянским, творчества отдельных писателей. Каждый славист-историк мог также получить на курсах много полезных сведений об основных проблемах истории лужицких сербов в средние века, главных направлениях развития лужицкой культуры, истории «Домовины» и ее значения в жизни лужицких сербов, капиталистической индустриализации Лужиц, марксистско-ленинской национальной политике ГДР в отношении лужицких сербов. Лекции читались на верхне-лужицком языке высококвалифицированными специалистами — профессорами и доцентами Лейпцигского университета, научными сотрудниками Института сербского народа в Будышине, писателями, поэтами, общественными и культурными деятелями лужицких сербов.

Что касается культурных мероприятий, то большая часть времени была отведена информации о деятельности национальных организаций, а также анализу отдельных культурных фактов и явлений. Участники курсов встретились с руководством и членами «Домовины», секретарь которой в обширной лекции подробно осветил принципы ее устройства, характер и систему ее работы.

Встреча с членами Союза серболужиц-

ких писателей и Союза серболужицких композиторов (оба являются филиалами соответствующих союзов ГДР) обогатила участников курсов сведениями о развитии современной серболужицкой литературы и музыки, тематике художественных произведений, творческих замыслах писателей и композиторов, о составе обоих союзов, издательских возможностях, распространении произведений серболужицкой литературы в других странах.

Серболужицкие кинематографисты закончили свою беседу о развитии и задачах серболужицкого кино показом трех фильмов о жизни лужичан. Характеристика творчества Серболужицкого национального ансамбля сопровождалась выступлением хоровой и танцевальной групп этого ансамбля. Лужицкие народные песни и танцы исполнялись в красочных национальных костюмах.

Вся многосторонняя деятельность по ознакомлению участников курсов с культурой и жизнью лужицких сербов осуществлялась небольшой, но энергичной группой профессоров и доцентов Лейпцигского университета, которую возглавлял директор курсов, известный серболужицкий лингвист проф. Г. Шустер-Шевн.

Л. П. Лаптева

МЕЖВУЗОВСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

С 11 по 14 мая 1973 г. в Ленинградском университете проходила Межвузовская научная студенческая конференция по славянской филологии, посвященная Дню славянской письменности. Конференцию организовали студенты и преподаватели кафедры славянской филологии Университета и русисты Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Целью ее была координация и обмен научным опытом, накопленным в многочисленных кружках Студенческого научного общества (СНО) в вузах СССР.

Открывая конференцию, председатель оргкомитета, заместитель председателя Научно-методического совета МВ и ССО СССР по высшему филологическому образованию доц. Г. И. Сафронов подчеркнул важность славистической науки как неотъемлемой составной части университетского образования. Участников приветствовал председатель Советского комитета славистов акад. М. П. Алексеев, рассказавший об истории и проблематике международных съездов славистов и перспективах развития славяноведения.

В конференции участвовали студенты из 17 городов СССР, представлявшие 18 университетов и педагогических институтов страны. Участники из Москвы и

Ленинграда, Киева и Минска, Вильнюса и Кишинева, Еревана и Алма-Аты, Самарканда и Баку, Душанбе и Одессы, Ярославля и Львова, Воронежа, Барнаула и Саранска подготовили и прочитали 89 докладов, в которых раскрывалась идея культурно-исторической общности славянских народов, отразившаяся в их языках и литературах.

В докладах, тематика которых была чрезвычайно разнообразной, ставились актуальные проблемы славистики. На пленарном заседании были прочитаны доклады о национальной специфике славянских литератур (С. Петров), о системе отражения временных понятий в праславянском языке (Н. Ивашина), о проблемах сопоставительного анализа существительных *singularia tantum* в чешском и русском языках.

Выступавшие на конференции показали знание научной литературы, умение самостоятельно анализировать собранный материал, владение методами современного литературоведческого и лингвистического исследования.

Доклады литературоведов обсуждались на двух секциях: «Типология и связи славянских литератур» и «Славянский фольклор, зарубежные славянские лите-

ратуры XX в.». Хорошее умение пользоваться методом сравнительно-исторического и типологического исследования продемонстрировали Н. Гидаспова, И. Капцова, А. Захаркин, Б. Крицкий, И. Иванов, Н. Коренева, Л. Иванова и Е. Черноиваненко.

Большая часть докладов, прочитанных на конференции, была посвящена лингвистике. Работа секций «Фонетика и словообразование славянских языков», «Грамматика славянских языков», «Славянская ономастика», «Историческая лексикология и лексикография», «Теория художественного перевода и стилистика», «Славянская фразеология» продемонстрировала высокий уровень филологической культуры докладчиков и хорошее знание ими славянских языков. Студенты Х. Ахмеджанов, Н. Котова, О. Лыкова, О. Грищенко и др. подходили к исследуемым фактам комплексно, стремясь осмыслить системные отношения, из которых вырастает и в которых функционирует то или иное языковое явление.

Особое внимание молодых лингвистов привлекла проблематика языковых контактов и сопоставительный анализ славянских языков. Доклады О. Быхун, И. Чельшевой, Н. Демьяновича, Н. Ждановской были посвящены сопоставительному анализу лексики и фразеологии. Целенаправленностью и стройностью отличались доклады по славянской ономастике, представленные одесскими студентами (П. Гриценко, В. Колесник, А. Карпенко, В. Ефименко, Н. Окопная и Е. Мотузенко), и коллективная работа по составлению частотных словарей студентов Вильнюсского пединститута И. Матюшко, Б. Рафальской, К. Малейшо, Л. Милевской. Интересны и содержатель-

ны были доклады и сообщения студентов В. Моренец, Г. Тиме, И. Тишкиной, А. Шумилова, И. Шевченко, посвященные проблемам стилистики и художественного перевода.

Активное участие в работе конференции приняли студенты-русисты, среди которых особенно следует отметить доклады Е. Гусевой, К. Нерсесян, Т. Марченко, А. Барановой, С. Селивестровой, А. Мазиловой, Р. Елисейкиной.

Организация кружков СНО в разных вузах, методика проведения научных заседаний, студенческие традиции таких кружков не могли не заинтересовать активистов СНО. Поэтому особый интерес вызвали у слушателей сообщения о работе кружков СНО в ЛГУ (Т. Лазоркина), ЛГПИ им. А. И. Герцена (В. Козырев) и в Вильнюсском педагогическом институте (Р. Мечковский).

Конференция была подлинно студенческой: ее отличал молодой задор и активность участников. Ни докладчики, ни их оппоненты не избегали острых дискуссий. В конференции приняло участие около 400 человек, причем активно обсуждало доклады свыше 100 человек. В проведении заседаний студентам-председателям секций помогали кураторы — ведущие ленинградские ученые. Активно участвовали в работе конференции профессора и преподаватели ЛГУ, ЛГПИ им. А. И. Герцена и других вузов страны. Атмосфера заседаний была деловой и неформальной.

Участники конференции постановили проводить подобные встречи регулярно. Активность и глубокий интерес студентов к славянским языкам и литературам позволяют надеяться, что это решение будет выполнено.

В. Мокиенко.

CONTENTS

<i>E. N. Andriushin.</i> The Bulgarian experience of using advantages of the socialist economic integration. <i>V. Parsadanova.</i> Of history of creating the united Party of the Polish working class (The agreement of united actions between PWP, PSP, November, 1946). <i>V. R. Soshenko.</i> Towards the history of «Christo Botev» and «Naroden glas» wireless activities. <i>A. Z. Niurkaeva.</i> The ideological struggle in the Serbian social-democratic Party before the World War I. <i>V. D. Koroliuk.</i> A zone of contact in South-Eastern and Central Europe in Middle Ages and problems of its ethnic history. <i>L. A. Sofronova.</i> Some problems of the Polish baroque poetics. <i>Ja. V. Zakrevskaya.</i> On the interdependancy and interconditionality of derivational and semantic microfields in the Ukrainian subdialects of the Carpathians. <i>A. L. Miretsky.</i> The Russian practical transcription of the Polish <i>ć</i>	3

THE MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE

<i>V. G. Putsko.</i> The Gothic chalice of Kostroma	90

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>P. S. Sochan.</i> Мито Исусов. Работническа класа в България. 1944—1947. <i>Andrzej Skrzypek</i> (Poland). В. С. Парсаяанова. Формирование национального фронта в Польше (1944—1946). <i>E. Lavrik.</i> S. Cambel. Slovenská agrárna otázka. 1944—1948. <i>L. K., M. K.</i> «Czechoslovak-Soviet relations». <i>V. A. Dyakov.</i> A phototype edition of T. G. Shevczenko's autobiography and diary. <i>I. S. Cziczurov.</i> The new Slavonic journal. <i>S. Trofimuk.</i> «Владислав Броневский в Украинской ССР». <i>Carl Gutshmidt</i> (GDR). Carpathian dialectology and onomastics. <i>V. M. Mokienko.</i> The Problems of slav phraseology in «Phraseological bulletin»	96

Bibliography

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1973. The contents of foreign periodicals	114

SCIENTIFIC LIFE

<i>Tadeush Walichnowski</i> (Poland). The directions of the scientific development of the Institute of the Socialist countries of the Polish Academy of Sciences. <i>V. M.</i> The problems of literary criticism at the VII-th International Congress of Slav Studies in Warsaw. <i>L. P. Lapteva.</i> The IV-th International courses of the Serbo-Lugian language and culture. <i>V. Mokienko.</i> An intercollege student conference on Slav philology	123

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДЕРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного
редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

Технический редактор *Т. Н. Сеиченко*

Сдано в набор 10/X-1973 г.	Т-16285	Подписано к печати 19/XII-1973 г.	Тираж 1260 экз.
Зак. 3004	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 11,9 Бум. л. 4 ¹ / ₄	Уч.-изд. л. 14,0

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Г 19

ВОЛХОНКА 18/2

В-КА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА

70891

1-12

Цена 1 руб.

К

Индекс 70891

Издательство «Наука»

Готовятся к печати книги:

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ.

25 л. 2 р. 30 к.

В сборнике, подводящем итоги исследованиям в области восточно-славянской археологии, публикуются новые материалы, позволяющие охарактеризовать культуру и общественные отношения восточнославянского населения в третьей четверти I тыс. н. э., определить направление передвижений славянских племен, рассмотреть их взаимоотношения с кочевниками южнорусских степей и наметить решения ряда этногенетических вопросов.

Сборник рассчитан на археологов, этнографов, историков.

СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ.

Краткие сообщения института археологии. Вып. 139.

10 л. 65 к.

Выпуск посвящен вопросам славяно-русской археологии, он касается проблем ранней славянской истории и связей славян, а также различных сторон жизни и материальной культуры эпохи Киевской Руси. Публикации и заметки освещают большой и разнообразный материал из раскопок древнерусских городов и курганов.

Выпуск представляет интерес для археологов, историков, учителей средней школы, студентов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; Душанбе, проспект Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Кишинев, ул. Пушкина, 31; Куйбышев, проспект Ленина, 2; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Ленинград, Менделеевская линия, 1; Ленинград, 9 линия, 16; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/7; Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Томск, наб. реки Ушайки, 18; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.